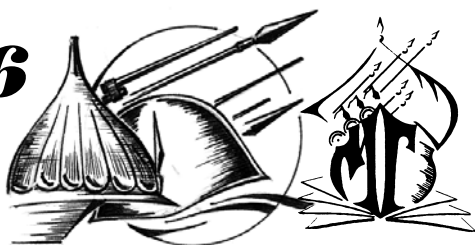

Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2013

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ЛЕМЕШЕВ. Главное условие жизнеспособности России	3
Александр САМСОНОВ. Угроза национальной безопасности страны	96
Владимир БОГДАНОВСКИЙ, Лариса АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Мигранты превращаются в оккупантов	104
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	151
Михаил ЛОКОШЕНКО. Мирное время	256
Юрий РУБЦОВ. 90-летие СССР и наше будущее	265

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. Чёрное перо серой вороны. Роман. Окончание	21
Нина БОЙКО. Короткие рассказы	108
Владимир БОЛЬШАКОВ. Рассказы	124

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. У русского предела. Стихи	85
Евгений СЕМИЧЕВ. Огненное сердце. Стихи	91
Евгений ЮШИН. Зари золотые поводья. Стихи	139
Михаил БОРИСОВ. Пока не списаны в запас. Стихи	144
Юрий ЩЕРБАКОВ. Родник надежды. Стихи	146
Стихи поэтов России	192

ДОСЬЕ «МГ»

Юрий ИЗЮМОВ. К власти — по трупам	203
Николай МАЛИШЕВСКИЙ. Афганистан при американской оккупации	213
Алексей ЧИЧКИН. Ленинская мина под сталинский СССР	216
Олег ЕМЕЛЬЯНОВ. Демократический нацизм	220

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай КОНЯЕВ. Спаситель Отечества	223
---	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	235
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир ЮДИН. Пророческий зов. К 85-летию писателя А.С. Иванова	270
--	-----

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Леонид МАСЛОВСКИЙ. Нам говорят неправду	278
---	-----

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук, академик РАН

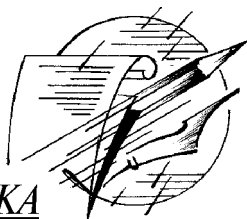
ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ РОССИИ

Атака на социалистическое сельское хозяйство

В результате проведения либеральных экономических «реформ» в период с 1991 по 2010 год научный социально-экономический и производственный потенциал России подвергся системному разрушению. Особо тяжёлый ущерб был нанесён производительным силам сельского хозяйства.

Главный удар врагами России был нанесён по крестьянству — как самому созидательному классу российского общества. Именно крестьянство хранит непосредственную связь с землёй, исповедует принципы общинности, коллективизма, взаимопомощи и долга.

Этот смертоносный удар делался не по невежеству «реформаторов», не знающих, что творят, а осознанно и целенаправленно. Одним из главных «прорабов перестройки» и «реформ» был член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев, который давал исполнителям такие указания: «Нужны воля и мудрость, чтобы постепенно разрушить большевистскую общину — колхоз. Здесь не может быть компромиссов, имея в виду, что колхозно-совхозный АгроГУЛаг крепок, люмпенизирован беспредельно. Деколлективизацию надо вести законно, но жёстко».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Предатель партии, государства и народа, рассуждая о крепости колхозно-совхозного строя, знал, к чему призывал своих преступных поделщиков. Действительно, колхозы, базирующиеся на коллективной форме собственности, были крепкими социально-экономическими предприятиями. Они были преемниками крестьянской общины, существовавшей в России на протяжении веков.

Ещё в первой половине VI века историк и писатель Прокопий Кессарийский, участник военных походов византийского императора Юстиниана I, повествуя о славянах, писал: «Эти племена не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считаются общим делом». В Российской истории этот принцип организации общественной жизни нашёл выражение в вечевом самоуправлении, широко практиковавшемся в Древней Руси. Вече, по определению О.А. Платонова, — это сход жителей большого или малого сельского населённого пункта, а также города или княжества в целом. По недоразумению, у многих русских людей бытует ошибочное представление о том, что механизм управления посредством вече использовался только в Новгородской республике (1136—1478 гг.). На самом деле в русских летописях вечевое управление отмечается в Белгороде под 997 годом, в Новгороде Великом соответственно в 1016, в Киеве — в 1068, во Владимире Волынском — в 1147, во Владимире на Клязьме — в 1157, в Полоцке — в 1159, в Переславле — в 1175, в Рязани — в 1177, в Смоленске — в 1185 годах. В этих городах вече принимало решения о приглашении или изгнании князя, что убедительно свидетельствует о народном характере власти на Руси.

Важнейшим принципом организации хозяйствования на земле при общинном и колхозном строе было **народное самоуправление**, представляющее собой неперемное условие построения социалистических отношений в обществе. Коллективное сельское хозяйство в союзе с государственной промышленностью при едином народно-хозяйственном планировании и управлении составляли фундамент развития социалистической экономики России в лице СССР. Общественная (государственная и коллективная) собственность обеспечивала планомерный и бескризисный рост экономики в интересах всего народа.

Решить задачу уничтожения социалистической России без разрушения её коллективного сельского хозяйства было невозможно, поэтому по заданию мирового правительства («Комитет 300») спецслужбами США, Англии и Израиля была сфор-

мирована многочисленная пятая колонна во главе с Горбачёвым, Медведевым, Шеварднадзе, Яковлевым, которым было поручено начать разгром России с уничтожения общественной собственности на средства производства и прежде всего на землю. Для реформирования сельского хозяйства исполнители были подобраны соответствующие преступной задаче. Это — не имеющие никакого отношения к жизни крестьянства, ненавидящие сам образ жизни русского народа — Гайдар, Чубайс, Немцов, Явлинский, Черниченко и им подобные, которые, провозгласив нелепый и лживый лозунг «только фермер накормит страну», принялись за «дело», обернувшееся **уничтожением продовольственной безопасности страны**.

Масштабы разрушения аграрно-промышленного сектора экономики России приведу в нескольких обобщающих таблицах.

Производство зерна в РФ

(все категории хозяйств, млн. тонн)

1986—1990 гг.	104,3 (в среднем за период)
1991—1995	87,9
1996—2000	65,1
2001—2005	78,8
2006—2010	85,2
2008	108,2
2009	97,1
2010	61,0
2011	93,4
2012	70,0

Как видно из приведённых данных, за 20 лет «реформирования» среднегодовой объём производства зерна сократился на 20%. В последние годы резко возросла амплитуда колебания сбора зерна по годам под влиянием погодных условий. Так, например, в 2008 году было собрано 108 млн. тонн, а в 2010 — только 61 млн. тонн, то есть почти вдвое меньше. Такое положение с производством зерна разрушает устойчивость экономики всего сельского хозяйства, особенно животноводства, а также и перерабатывающей промышленности.

Поголовье скота в РФ

(все категории хозяйств, млн. голов)

Годы	коровы	свиньи	овцы
1990	20,5	38,3	58,2
2000	12,7	15,8	15,9
2010	8,8	17,3	19,8

За анализируемый период также резко сократилось поголовье птицы — с 660 до 400 млн. голов. Приведённые данные свидетельствуют о катастрофическом разгроме животноводства, важнейшей отрасли хозяйства, обеспечивающей население наиболее ценными продуктами питания.

Падение производства мяса привело к резкому белковому дефициту в рационе питания большинства населения страны, что наносит тяжёлый ущерб физическому и интеллектуальному здоровью людей, особенно в детском возрасте.

Поиски виновников разрухи

Вызывает изумление нелепость и лживость объяснения разрухи в животноводстве высшими руководителями РФ. Сокращение производства мяса крупного рогатого скота за время реформ (1991—2010 гг.) в 2,6 раза произошло, по утверждению президента В.В. Путина, потому, что в СССР не было мясного животноводства. Выступая после избрания его на третий срок в Государственной думе, он разъяснял своим единомышленникам, депутатам-единороссам, что на мясо забивали только старых беззубых и тощих коров, которые уже не давали молока.

Президента, по-видимому, подвели его спичрайтеры. В действительности это совсем не так. И вот почему. Во-первых, в стране достаточно широко были распространены такие уникальные породы мясного крупного рогатого скота, как калмыцкая, казахская белоголовая, герефордская, а также мясомолочные породы — красностепная, симментальская, шведская, костромская и другие. Во-вторых, как показано выше, в 1990 году в России было 20,5 млн. коров, от них получали 20 млн. телят, половину из них составляли тёлочки, а половину — бычки. Тёлочки выращивались для пополнения маточного стада, а 10 млн. бычков поступали в специализированные откормочные хозяйства, где их забивали в 2-хлетнем возрасте. Это был главный источник производства высококачественной молодой диетической говядины. То, что объём производства не обеспечивал потребления этого ценнейшего продукта населением страны по научно обоснованным нормам, рекомендуемым Институтом питания Академии медицинских наук СССР, — это неоспоримый факт, но несомненно и то, что шло неуклонное приближение к этим нормам.

Либеральная альтернатива

Не менее нелепыми и лживыми являются и предпринимаемые меры по преодолению нынешней критической ситуа-

ции с производством мяса. Это наглядно продемонстрировал премьер-министр РФ Д. Медведев. В мае минувшего года он прибыл в мою родную Брянскую область, чтобы на землях, зарастающих чертополохом, организовать «цивилизованный бизнес» в сфере мясного животноводства путём завоза и разведения животных, вывезенных из Австралии. Для ухода за ними приглашены американские ковбои. Бравые парни прибыли в «медвежью» Россию на три года, чтобы научить нас уму-разуму. А почему бы и нет? Для них построены элитные одноэтажные дома, положена зарплата в 5 тыс. долларов (155 тыс. рублей) в месяц. Уместно отметить, что средняя зарплата моих земляков, работающих в сельском хозяйстве, не превышает 10 тыс. рублей. При этом до 1/3 трудоспособного населения вообще не имеет работы. Многие едут в Москву или другие города вдоль Киевской железной дороги, чтобы получить хоть какую-то работу, затрачивая на дорогу чуть ли не полжизни.

Премьер-министр не обратил внимания на то, что вокруг показушной фермы некая компания «Мираторг» скупила большие площади сельхозугодий. Многие сельские жители из-за нищеты вынуждены были продать свои земельные доли и остались на «пяточках» в 15—25 соток. Вокруг — колючая проволока, выпас скота и заготовка кормов невозможны, потому что новые землевладельцы всё кругом огородили.

Показательно, что реализация этого бессмысленного и разорительного проекта по закупке австралийского скота и привлечение американцев к уходу за ним происходит на фоне разорения высокоценных и экономически благополучных племенных хозяйств, успешно снабжавших колхозы, совхозы и индивидуальные хозяйства страны молодняком высокопродуктивных пород животных.

Покажу эту преступную практику на двух конкретных примерах. В Борисоглебском районе Ярославской области многие десятилетия успешно работал знаменитый на всю страну племязавод «Красный Октябрь», поставлявший племенных животных молочной Ярославской породы во многие центральные области России. В 2011 году началось разбойное разрушение этого уникального племенного хозяйства с появления здесь московского бизнесмена, во владение которому была передана земля, находившаяся в федеральной собственности, на которой многие годы вёл свою хозяйственную деятельность племязавод. Использовался в этих целях всё тот же пресловутый закон «О банкротстве предприятий».

Мало того, что «Красный Октябрь» оказался без земли, началась дикая распродажа его имущества. Вначале был про-

дан за 300 тысяч рублей принадлежавший хозяйству торговый центр, балансовая стоимость которого составляла более 1 миллиона рублей, а рыночная — не менее чем в 3 раза больше. Затем по бросовым ценам были проданы механические мастерские, оборудование, стройматериалы, трактор Т-40АМ, комбайн «Нива», автогрейдер. Были сняты с дороги, соединяющей сёла Турово — Хотеново — Глазково, и проданы бетонные плиты. Дошла очередь до распродажи породистых высокоудойных коров на убой. Директор племзавода объяснял распродажу необходимостью погашения долгов. Однако сумма долгов не уменьшалась, а работники племзавода изгонялись.

Об этих безобразиях работница совхоза Н. Остеева написала в районной газете: «В нашем хозяйстве всё благополучно, имеются необходимые корма для животных, помещения для классных коров чистые, светлые и тёплые, доярки работают на совесть. Банкротство специально запланировано, оно проводится кому-то в угоду». Но этот тревожный сигнал районной властью был проигнорирован, а этот «кто-то» продолжал готовить племзавод к банкротству. Дошло дело до увольнения работников, многие годы отдававших свои силы развитию хозяйства. В той же районной газете телятница Н. Ю. Гнусарёва выступила со статьёй «Бросают на произвол судьбы», в которой говорилось: «Скоро останусь без работы. А на мне одной трое несовершеннолетних детей. И что мне делать? Куда идти работать? Другой работы я просто не умею делать. Наше руководство поступило с нами непорядочно, не по-человечески. Почему же нашу судьбу решили так нагло и так бессовестно?»

Обращения людей, обрекаемых на безработицу, к районному и губернскому начальству остались без ответа.

Подчеркнём, что разорению подвергается не только прославленный племзавод «Красный Октябрь». Его уничтожение обернётся разрушением племенной работы, что нанесёт огромный ущерб продуктивности молочного скотоводства в целом ряде регионов, где на протяжении уже нескольких веков разводится Ярославская порода молочного скота.

Второй, не менее выразительный, пример. Речь идёт о знаменитом племенном конезаводе «Зимовниковский», который был создан в степном селе Камышев Ростовской области в 1931 году по приказу маршала Будённого для снабжения Красной Армии знаменитыми донскими скакунами. Ради справедливости следует уточнить, что эта уникальная порода резвых, красивых и выносливых лошадей на протяжении нескольких столетий служила формированию кавалерийс-

ких, в частности, казацких войск, прославившихся яркими победами над врагом. Уместно вспомнить песню:

*По Берлинской мостовой
Кони шли на водопой,
Шли, потряхивая гривой,
Кони дончаки...*

Здесь велась племенная работа не только в коневодстве, но и в мясном скотоводстве. В результате сложилась Калмыцко-зимовниковская порода мясного скота, приспособленная к местному степному климату и специфике кормовой базы, позволяющая получать высококачественное, экологически чистое, так называемое мраморное мясо, не уступающее лучшим образцам этой продукции в Австралии и Новой Зеландии.

Предприятие эффективно работало в течение десятилетий не только при Советской власти, но и устояло под напором рыночных «реформ», оставаясь образцом для хозяйств, занимающихся мясным скотоводством. В хозяйстве было занято около тысячи человек, среди которых — высококлассные специалисты разных профессий. Средняя зарплата составляла 25—27 тысяч рублей. Люди работали с энтузиазмом, не было никакой текучести кадров, обходились без гастарбайтеров.

До 2012 года конезавод владел самым большим в России репродуктивным стадом крупного рогатого скота. За племенным молодняком в «Зимовниковский» ехали не только со степных районов Европейской части страны, но и с Урала, Сибири и с Дальнего Востока. Рентабельность хозяйства держалась на высоком уровне, достигая 39% ! На территории племзавода были построены асфальтированные внутрихозяйственные дороги, благоустроенные, газифицированные дома, школа с современным оборудованием, детские сады, дом культуры, библиотека, спортивные и детские площадки.

Так было. Осенью 2011 года сюда пришла беда. По плану правительственной приватизации хозяйство было продано чужим людям, никакого отношения к сельскому хозяйству, а тем более к такому сложному делу, как племенная работа, не имеющим. Новые хозяева моят голодом и пускают под нож уникальные, не имеющие аналогов в мире селекционные табуны донских лошадей и высокопородные стада коров. Происходит варварское уничтожение результатов труда целых поколений. Земля за копейки отдаётся в 50-летнюю аренду жуликам, а те превращают её в пустыню. Местные

жители пишут во все инстанции: «Мы себя считали хозяевами этой земли. Оказывается, это не так! У нас нет автоматов, у нас есть только руки, привыкшие работать. Мы, крестьяне, верим, что страна сможет защитить нас». Увы, либеральная власть не слышит подобных призывов к защите.

Трагическая ситуация постигла не только «Зимовниковский». За 2012 год более десятка племенных хозяйств в Ростовской области были приватизированы и прекратили работу по своему профилю. Таков результат «реформ», которые либеральные власти РФ намерены продолжать и впредь.

Важным показателем, характеризующим социально-экономическую организацию сельскохозяйственного производства, является структура получаемой продукции по категориям хозяйствования, и её изменение в динамике за 20 «реформенных» лет.

Структура продукции сельского хозяйства (по категориям хозяйств (%))

	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Хозяйства всех категорий	100	100	100
Сельскохозяйственные организации	73,7	45,2	44,5
Хозяйства населения	20,3	51,6	48,4
Фермерские хозяйства	3,2	7,1	

Хотя за время «реформ», разрушивших колхозы и совхозы, доля предприятий, базирующихся на коллективных формах организации труда, в общем объёме валовой продукции и в денежном выражении снизилась с 75 до 45%, тем не менее, в натуральном выражении они остались основными производителями важнейших сельскохозяйственных продуктов. В 2010 году они дали 77% зерна, 80% сахарной свёклы, 73% семян подсолнечника, 61% мяса (скота и птицы в убойном весе), 45% молока и 77% яиц.

Что же касается утверждения некоторых экономически малограмотных, а скорее нечестных апологетов «реформ» о том, что благотворность либеральных преобразований выразилась в повышении доли хозяйств населения в общем объёме сельхозпродукции с 20 до 48%, то это не благо, а большая беда.

Бывшие работники колхозов и совхозов, лишённые по злой воле реформаторов работы, обречены ценой изнурительного труда на приусадебных участках добывать средства существования для себя и своих детей. Трагическим результатом

«реформ» явилось исчезновение с карты России 28 тысяч сёл и деревень. Ещё примерно столько же находятся на грани уничтожения, поскольку в них проживают лишь по нескольку стариков, и не ведётся никакого производства. Это — нелыханное преступление либеральных властей РФ, за которое они должны понести суровое наказание.

Что же касается фермерских хозяйств, то даже те из них, которые в соответствии с избранной специализацией достаточно успешно производят один или два вида продукции и имеют сносный доход, не ведут ни производственного, ни культурно-бытового строительства, необходимого для перспективного развития хозяйства. Более того, при проведении социологических опросов выясняется, что большинство из действующих фермеров не намерены передавать своё дело детям из-за его безнадёжности.

Разгром промышленной сферы АПК

Оценивая перспективы жизнеспособности сельского хозяйства, необходимо учитывать, что по мере развития научно-технического прогресса процесс общественного разделения труда всё более углубляется. Но это вовсе не означает, что промышленность и сельское хозяйство обособляются. Напротив — они активно интегрируются, что повышает экономическую эффективность их функционирования.

В настоящее время материально-технические предпосылки успешного развития сельского хозяйства создаются именно промышленностью. Достаточно указать на то, что 80% основных фондов, используемых на селе, имеют промышленное происхождение, поэтому и в общей сумме материальных затрат на производство продукции 60% составляют промышленные товары — техника, горючие и смазочные материалы, электроэнергия, минеральные удобрения, средства защиты растений от сорняков, вредителей и болезней, комбикорма, запасные части к машинам и оборудованию и другие. В создании конечного сельскохозяйственного продукта, идущего на непосредственное потребление или проходящего соответствующую переработку участвуют около 100 отраслей и подотраслей народного хозяйства.

Либеральные «реформаторы», выполняющие инструкции зарубежных консультантов и советников (читай: опытных работников спецслужб США и Израиля), действовали системно. Они организовали инвестиционный голод не только непосредственно в сельском хозяйстве, но и в отраслях, ко-

торые формируют его материально-техническую основу. Масштаб этого злодеяния характеризуют следующие данные.

**Парк тракторов и комбайнов
в сельскохозяйственных организациях РФ**

	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Тракторов на 1000 га пашни (штук)	11	74	4
Нагрузка пашни на один трактор (га)	95	135	235
Зерноуборочных комбайнов	7	5	3
Кукурузоуборочных комбайнов	12	8	1
Картофелеуборочных комбайнов	25	46	16
Свёклоуборочных	17	16	4

**Энергетические мощности
в сельскохозяйственных организациях РФ**

	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Всего (млн. лошадиных сил)	419,7	240	109,6
В расчёте на 100 га посевной площади (л.с.)	364	329	227

**Применение минеральных удобрений
в сельскохозяйственных организациях РФ**

	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Внесено минеральных удобрений в пересчёте на 100% питательных веществ (млн. т)	9,9	1,4	1,9
На 1га всей посевной площади (кг)	88	19	38
Из них под зерновые культуры (кг)	81	20	41

**Применение органических удобрений
в сельскохозяйственных организациях РФ**

	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Внесено органических удобрений под посевы всех культур (млн. тонн)	381	66	53

В расчёте на 1 га посева и посадки (тонн)	3,1	0,9	1,1
Из них под зерновые (тонн)	3,3	1,0	1,0

**Химическая мелиорация
в сельскохозяйственных организациях РФ**

	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Произвестковано кислых почв (млн. га)	4,7	0,4	0,2
Внесено известковой муки и других щелочных материалов (млн. тонн)	1,4	2,8	2
Внесено фосфоритной муки (тыс. тонн)	213	54	4

Приведённые в таблицах данные о бедственном положении в сельском хозяйстве страны, как уже отмечалось выше, обусловлены целенаправленно организованным «реформаторами» преступным отказом государства от административного и экономического управления развитием сельского хозяйства и АПК в целом. Под лживым лозунгом «Рынок сам всё отрегулирует» эта жизненно необходимая сфера экономики была оставлена без инвестиций — то есть радикально лишена перспектив развития. Об этом убедительно говорят следующие данные.

**Доля инвестиций в отрасли АПК
в их общем объёме по экономике РФ в целом (%)**

	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Вся экономика	100	100	100
Сельское хозяйство	15,9	2,7	3,0
Сельскохозяйственное машиностроение	6,1	2,9	2,8
Лёгкая промышленность	1,2	0,2	0,2
Пищевая промышленность	2,9	2,7	2,3

Либеральная власть не только не создала новых производственных мощностей в сфере АПК, но и позволила, а точнее спровоцировала массовое разграбление богатства тысяч сельскохозяйственных и промышленных предприятий жуликами и проходимцами, которые использовали воровской механизм федеральных законов «О банкротстве предприя-

тий», принятых Госдумой в 1998 и в 2002 годах. Таким образом практически полностью разрушена производственная и культурно-бытовая инфраструктура, созданная трудом трех поколений.

После объявления хозяйств банкротами их трактора, комбайны, другая сельскохозяйственная техника, электростанции, электросети, производственные корпуса, склады, административные здания, а также состоящие на балансе хозяйств жилые помещения, школы, больницы, поликлиники, дома культуры, клубы, библиотеки, детские сады, пионерские лагеря продавались за копейки «своим» людям, которые превращали их в торговые точки, пивнушки, дискотеки или просто демонтировались и уничтожались. Были подвергнуты изгнанию опытные кадры руководителей и специалистов. Уничтожена стройная система централизованного, отраслевого и производственного планирования. Утрачена реальная связь между наукой и практикой.

Вместо текущих (годовых) и перспективных (пятилетних) планов были предприняты примитивные попытки в составлении так называемых государственных программ развития сельского хозяйства. Поскольку эти программы **сочинялись** безответственными и экономически невежественными чиновниками, не имеющими понятия о методологии программно-целевого планирования, в частности, о разработке важнейших многоуровневых фрагментов программы: дерева целей, дерева ресурсов, дерева исполнителей и дерева решений, то сочинённые программы неизбежно оказывались блефом.

В подтверждение никчемности и вредоносности этого чиновничьего творчества приведу лишь один пример. В «Государственной программе развития сельского хозяйства на 2008—2012 годы» намечалось в 2010 году поставить селу 35 тысяч тракторов, фактически же было поставлено только 19 тысяч, то есть почти вдвое меньше, чем было запланировано. Принятая у экономистов допустимая ошибка при планировании и прогнозировании не должна превышать 5%. Здесь же она составляет 50%, а по другим видам сельскохозяйственной техники — 75%.

Читатель может легко представить, в какое положение попадают предприятия, производящие машины и эксплуатирующие их, если фактическая поставка техники по отношению к её запрограммированному уровню столь велика. Уместно напомнить, что в 1990 году российское село получило 154 тысячи тракторов, а в 2010 году — 19 тысяч. Причём,

большинство из них были закуплены за рубежом. То есть тракторное машиностроение в стране практически полностью уничтожено. А ведь именно в России было положено начало тракторостроению.

Первым создателем предшественника современного гусеничного трактора был русский изобретатель-самоучка Фёдор Абрамович Блинов. Родился он в 1827 году в селе Никольское Вольского уезда Саратовской губернии. Родители были крепостными крестьянами. Получив вольную, Фёдор работал вначале бурлаком, а затем кочегаром, помощником машиниста и машинистом на пароходе. В 1877 году, вернувшись в родное село, изобретатель изготовил вагон на гусеничном ходу. Бесконечные «рельсы» представляли собой замкнутые железные ленты, состоящие из отдельных звеньев. Сооружение имело четыре опорных колеса и четыре ведущие звёздочки. Первоначально вагон приводился в движение конной тягой. В 1879 году департамент торговли и мануфактур выдал Блинову патент. В последующем Блинов начинает строительство самохода на гусеничном ходу, который передвигался с помощью паровой машины, мощностью 12 лошадиных сил. Самоход Блинова выставлялся в 1896 году на Нижегородской ярмарке. Другой русский изобретатель Яков Мамин, продолжая дело Блинова, стал пионером тракторных дизель-моторов. В 50-е годы прошлого века советская промышленность выпускала десятки тысяч гусеничных тракторов ДТ-54, по технологическим, экономическим и экологическим характеристикам не имевших равных в мире. Либеральные реформаторы все эти достижения похоронили.

Гримасы либерального управления

Чиновники называют свою практику управления индикативным планированием. Но ориентация на индикаторы, подобные приведённым здесь, неизбежно обернётся несусветной хозяйственной чехардой и разрухой, что и происходит в действительности. Но авторы за это не несут никакой ответственности. Напротив, они уже сочинили следующий не менее нелепый планово-руководящий документ — «Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы».

В условиях возрастающего дефицита продовольствия в мире и в нашей стране, этот бюрократический шедевр рекомендует за предстоящие 8 лет увеличить производство зерна на 6,8% ,

сахарной свёклы — на 30%, сахара — на 42%, а производство мяса в живом весе сократить на 5,4%, молока — на 35,4% и масла сливочного — в 3 раза. Одним словом, авторы программы всерьёз намерены к 2020 году устроить гражданам России «сладкую жизнь».

Что же касается «регулирования рынков продукции, сырья и продовольствия», о чём в этой невразумительной редакции заявлено в названии Госпрограммы, то оно (регулирование) сведено к увеличению суммы поддержки сельского хозяйства РФ до 335 млрд. рублей (11 млрд. долларов). Уместно сопоставить эту сумму с другой. А именно: сумма вывоза капитала только за 10 месяцев 2012 года составила 65 млрд. долларов. И правительство РФ не намерено пресекать этот грабёж. Чиновники сочли излишним мелочиться и уточнять, что на 1 га посевной площади намеченная поддержка составит менее 4,5 тыс. рублей, а в расчёте на одного работника, занятого в сельском хозяйстве, 20 тыс. рублей в год.

На фоне размеров поддержки сельского хозяйства в экономически развитых странах это выглядит нищенской подачкой, не решающей проблемы современного АПК РФ.

Вступление в ВТО — путь к окончательному удушению АПК

Выше были показаны чудовищные масштабы разрушения важнейшего сектора экономики России — народно-хозяйственного агропромышленного комплекса, вносящего решающий вклад в социальное и экономическое благополучие народа. Однако нынешняя либеральная власть РФ этим всё ещё не удовлетворилась, она совершила новое преступление перед народом и государством — втянула страну в ВТО, что неизбежно не просто продолжит, а ускорит разрушительный процесс.

Практически он уже начался. Лживые министры и депутаты-единоросы болтают о том, что вступление в ВТО присоединяет Россию к цивилизованному сообществу, что нельзя больше оставаться «изгоями мировой цивилизации». В реальности дело обстоит мрачно, если не сказать, зловеще. Меморандум ВТО от 19 марта 2001 года постановляет, что национальные интересы и законы следует отменять, если руководство ВТО посчитает их «более обременительными, чем необходимо». Кому необходимо, понятно — транснациональным компаниям и корпорациям. Официальная задача ВТО — гарантировать условия, при которых

правительства стран мира руководствовались бы интересами не своего народа, а корыстными целями торговых корпораций. В этих условиях Россия как член ВТО не обладает решающим правом голоса и даже блокирующим правом требований ВТО, то есть она теряет свой политический и экономический суверенитет.

Вот что по этому поводу заявляла бывший государственный секретарь самой «цивилизованной» страны — США Хиллари Клинтон: «Принятие РФ в ВТО позволит **взломать** внутренний российский рынок, ограничить самостоятельность России в международной торговле, обеспечить создание новых рабочих мест в США и ЕС, при потере рабочих мест в России». Высказывание госпожи Клинтон, казалось бы, должно было послужить ликбезом для российских горе-правителей. Однако они продолжают своё дело с упорством маньяков.

Эфемерные блага от членства в ВТО уже оборачиваются реальными потерями для России. Первая из этих потерь не заставила себя долго ждать. Правительству РФ пришлось внести на счёт МВФ вступительный членский взнос в размере 10 млрд. долларов (310 млрд. рублей) народных денег, то есть столько же, сколько государственной программой **обещается** выделить на поддержку АПК в 2020 году. Между тем, сумма указанного членского взноса, если бы она была направлена в экономику страны, позволила бы удвоить тощие годовые бюджеты 30 дотационных областей РФ. Это был бы реальный вклад в развитие региональных АПК, но либеральная власть РФ предпочла пополнить жирный бюджет своего патрона — МВФ.

Следует подчеркнуть, что членство РФ в ВТО неизбежно ведёт к резкому сокращению, а то и полному уничтожению целых отраслей и подотраслей экономики России. По оценке экспертов, работавших в специально созданной комиссии для оценки последствий вступления РФ в ВТО, общий ущерб экономике страны составит 1,5 трлн. рублей (500 млрд. долларов) в год. Резко возрастёт безработица. Особо крупный ущерб понесут отрасли, формирующие структуру АПК. Это — сельское хозяйство, тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, автопром, нефтепереработка, лёгкая и пищевая промышленность, строительство.

Подчеркнём, что это не просто мрачный прогноз специалистов. Развал уже принял реальное выражение. Об этом красноречиво свидетельствует проект бюджета РФ на 2013—2015 годы, принятый единороссами Госдумы. Этот осново-

полагающий финансовый документ ориентирует экономику страны на дальнейшую деградацию. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на тот факт, что общие инвестиции в 2013 году предложено сократить на 20% по сравнению с 2012 годом. Резко сокращается финансирование АПК. Доля расходов на эти цели опускается до 1,2% от общей суммы расходной части бюджета.

В том же гибельном направлении уже начали действовать меры, принятые правительством по снижению в 2—3 раза пошлин на импортируемую из-за рубежа промышленную и сельскохозяйственную продукцию и готовые продовольственные товары, которые не просто низкого качества, но и опасны для здоровья людей, особенно детей.

Разрушительный характер требований ВТО хорошо виден на примере отечественного производства машин для сельского хозяйства, в частности, зерноуборочных комбайнов. На площадках завода «Россельмаш» в июне 2012 года, то есть как раз перед уборкой зерновых, скопилось 1800 готовых машин самого высокого класса. Это — половина их годового выпуска. Такое положение обусловлено тем, что правительство РФ даёт кредиты на приобретение по лизингу только зарубежных комбайнов. Завод вынужден сократить производственную программу и численность трудового коллектива на 2000 человек только на головном предприятии в Ростове-на Дону. Всего же в отрасли работает 50 тыс. человек, десятки тысяч из них будут уволены. Для коллектива Таганрогского автозавода ситуация ещё более драматическая. Предприятие объявлено банкротом, изгоняются на улицу 70% занятых трудом. В условиях безработицы это нельзя оценить иначе как трагическую ломку судеб многих тысяч работников и их семей.

В сельском хозяйстве по требованию ВТО отменяются ранее выделяемые субсидии на приобретение горюче-смазочных материалов. Теперь они сельхозпредприятиям будут реализовываться по рыночным ценам без всяких льгот. Такая же практика распространится и на другие товары и услуги.

Диспаритет цен, налоговый гнёт, дикие проценты банковских кредитов с вступлением РФ в ВТО усиливают двадцатилетнюю практику удушения деревни и уничтожения крестьянского сословия. Необходимы безотлагательные меры по радикальному изменению политики либеральной власти, ведущей к неизбежному превращению России в колонию мирового банковского капитала.

Движению страны по этому гибельному пути служит уничтожение государственной собственности. В экономически развитых странах Европы в распоряжении государства находится 50—65% общей собственности. В РФ в результате преступной приватизации доля государственной собственности доведена до 9%. В этих условиях государство не может оказывать активного влияния на стратегию научно-технического и социально-экономического развития страны. Однако правительство РФ приняло решение о приватизации в 2013—2015 годах главных, стратегически важных предприятий и корпораций, мотивируя необходимость этой разрушительной акции получением денег для пополнения бюджета. Очевидно, что это — лживое обоснование. Эта выручка не может преодолеть скудость бюджета. Его ничтожность обусловлена не только плоской шкалой налогообложения олигархов и чиновников-коррупционеров, но и специальным понижением для них страховых и других платежей. При такой практике невозможно возрождение экономики страны в целом и АПК в частности.

Путь преодоления кризиса АПК

Назрела необходимость коренного изменения самой политики по отношению к АПК и практике планирования и управления его развитием. Это возможно сделать, только вернувшись к опыту построения межотраслевых балансов, позволяющих оптимизировать производственные и экономические связи между сельским хозяйством, тракторным и сельскохозяйственным машиностроением, промышленностью, производящей минеральные удобрения, энергетикой, пищевой и лёгкой промышленностью, производственным, жилищным, дорожным, гидротехническим и мелиоративным строительством, финансовыми и кредитными учреждениями, научными организациями и специализированными вузами страны.

Методология построения такой системы управления АПК разработана в СССР, в 60-е годы XX века при активном участии автора этих строк (см.: Методы планирования межотраслевых пропорций. М., «Экономика», 1965; Проблемы планирования и управления экономическими целенаправленными системами. Новосибирск, Сибирское отделение АН СССР, 1972; Народнохозяйственный агропромышленный комплекс. М., «Экономика», 1987). Специалистами Госплана СССР и ЦСУ СССР при активном участии учёных разра-

батывались отчётные и плановые межотраслевые балансы с использованием статических и динамических моделей. В Госплане СССР в начале 80-х годов был создан отдел народнохозяйственного агропромышленного комплекса. Для разработки планов развития АПК в структуре плановых межотраслевых балансов привлекались учёные научно-исследовательских институтов, работающих во всех отраслях АПК. Их усилиями разрабатывались научно обоснованные, технологические карты, учитывавшие новейшие достижения в каждой отрасли. На их основе разрабатывались прямые и полные затраты продукции всех отраслей, входящих в АПК, в расчёте на единицу сельскохозяйственной продукции. Это позволяло получать сбалансированные годовые и перспективные планы роста продовольственного потенциала страны и роста благосостояния народа.

Научно обоснованное развитие АПК в современных условиях способно послужить мощным локомотивом (генератором) оздоровления всей экономики страны. Но это возможно лишь при условии изменения самой парадигмы управления страной. Государство должно служить интересам народа, а не достижению целей мирового правительства по погружению мира во мрак глобализации.

ЧЁРНОЕ ПЕРО СЕРОЙ ВОРОНЫ

РОМАН

Глава 32

Артем Александрович Сорокин только что вернулся с работы, переоделся в грязное, то есть пригодное для работы по хозяйству, и теперь ходил по своему участку между грядками картошки, собирая личинки колорадского жука, привычно матеря американцев, наградивших Россию этой гадостью, и наверняка не без умысла. С тех пор как сына своего, Сережку, на котором лежала обязанность собирать жука, он отправил в лагерь, чтобы еще чего-нибудь не выкинул против Осевкина, Артем Александрович теперь сам утром и вечером проходит насквозь все грядки, собирая безостановочно жрущих листья жирных полосатиков и кидая их в ведро с водой, приправленной керосином.

— Пожрал, теперь попей малость, попей! — Бормотал он, кидая очередного обжору в ведро. — Ну что за мерзкая тварь! Ее даже в руки брать противно. И не брать нельзя, иначе останешься на зиму без картошки, а без нее стол не стол.

В калитку затарабанили, затем послышался нетерпеливый женский голос:

Окончание. Начало в №1-2 за 2013 г.

ПРОЗА

— Хозяева! Есть кто живой?

Ей ответил хриплым лаем Купидон, беспородный пес, подобранный детьми еще года три тому назад.

Сорокин разогнулся, уперев кулаки в поясницу, прислушался.

Настойчивый стук повторился. Артем Александрович подождал немного, рассчитывая, что на голос откликнется жена, но та, видать, куда-то ушла, и тогда он сам пошел к калитке, уверенный, что стучит какая-нибудь цыганка, которых развелось в округе этим летом столько, что кажется, будто все, какие есть в стране, выбрали Угорский район для своей неумной и даже зловредной для местных жителей деятельности. Можно было бы и не идти, но, кто их знает, этих гадалок и попрошаек: решат, что нет никого, а у него двери нараспашку, заходи и бери, что захочется. А то еще бросят какую-нибудь отраву — с них станется. Богатств в доме, конечно, особых нет, но при нынешней жизни любая вещь не может быть лишней.

Вывернув из-за дома, окруженного кустами смородины, крыжовника и яблонями, Артем Александрович увидел над калиткой голову женщины лет сорока, белокурую, с большими темными глазами, симпатичную. Успокоив Купидона, он подошел к калитке, на ходу вытирая руки сырой тряпицей.

— Извините, бога ради, что оторвала вас от работы, — зачастила женщина. — Дело в том, что я представляю независимый профсоюз химической промышленности. Вот мои документы, — произнесла она, раскрывая красную книжицу с фотографией и печатями.

Артем Александрович глянул на книжицу, не успев ни разглядеть ее как следует, ни прочитать, что там написано, не говоря уже о печатях, как женщина тут же ее закрыла и убрала. Потребовать у нее, чтобы дала в руки, он не решился: неудобно как-то, да и лицо такое привлекательное, такое простодушное, короче говоря, женщина ему понравилась с первого взгляда. Более того, он сразу же поверил всему, что она сказала и еще скажет: женщины с такими правдивыми глазами не могут врать и обманывать.

— Да? И что же? — спросил он, отодвигая железный засов и раскрывая калитку.

— Дело в том, Артем Александрович... Ведь вы Сорокин Артем Александрович? — спросила она, уставившись на него улыбочными глазами и будто вытягивая из него нужные ей слова.

Сорокин кивнул и даже открыл было рот, чтобы сказать, что да, он и есть Сорокин, но женщина, вполне удовлетворившись его кивком, понеслась дальше:

— Так вот, руководству нашего профсоюза стало известно о разногласиях трудового коллектива вашего предприятия с ее владельцем Осевкиным Семеном Ивановичем. Исходя из имеющейся информации, руководство профсоюза решило вмешаться в эти разногласия на стороне коллектива. Меня командировали в ваш город, чтобы собрать более подробную информацию об этих разногласиях, задокументировать ее и дать ей правовую оценку, на основании чего потребовать от владельца выполнять трудовой договор по защите прав наемного работника. В том числе и через суд, — выпалила женщина, не споткнувшись ни на одном слове, впиваясь в Сорокина своим взглядом, будто пытаясь заглянуть ему в самую душу.

— Я, собственно говоря, — растерялся Артем Александрович, — ничего об этом не знаю... И почему именно ко мне?

— Не только к вам, Артем Александрович. Не только к вам. Я побывала у многих работников комбината, в том числе у ее директора и других руководящих работников. Они ведь тоже являются наемными работниками, не правда ли? Вот у меня списки рабочих — я побывала и у них. Но должна вам признаться, что многие ваши товарищи относятся к вам с большим уважением, как к человеку умному, прошедшему суровую школу жизни, справедливому. На вашу помощь я очень рассчитываю. — И с этими словами женщина шагнула в калитку, заставив Сорокина отступить в сторону и попятиться. В руках она держала не то портфель, не то папку, какие носят сборщики налогов и прочие служилые люди. Все на этой женщине сидело ладно и даже кокетливо: и синие полотняные брюки, и голубая блузка, и коротенькая синяя же курточка.

Спохватившись, Сорокин сделал приглашающий жест рукой и произнес:

— Заходите, пожалуйста. Я, правда, не знаю, чем смогу вам помочь... А где находится этот ваш профсоюз?

— В Москве, разумеется. Но не профсоюз, а его центральный комитет, — ответила женщина со снисходительной улыбкой к собеседнику, задающему такие наивные вопросы. — Что касается самого профсоюза, то это сотни тысяч рабочих, инженеров и служащих, работающих на предприятиях химической промышленности по всей стране. — И тут же, без всякой паузы: — А собака у вас не кусается?

— Собака? Нет-нет, что вы! Со мной не укусит. — И Сорокин прикрикнул: — Купидон! Место!

Собака неохотно скрылась в будке, высунула из нее лохматую морду, недовольно рыча и скаля белые клыки.

Артем Александрович, не отличающийся сообразительностью и находчивостью, чувствовал в самом посещении его дома этой женщиной скрытую опасность, но в чем она выразалась конкретно, сказать не мог. Конечно, если она побывала до этого у многих других работников ФУКа, то это меняет дело. Но тот факт, что кто-то из его товарищей как бы выдвинул его вперед, назвав его фамилию и имя-отчество, выдвинул под пули невидимых врагов, как не раз случалось в Чечне с передовыми дозорами, не только настораживало, но и пугало. Эта профсоюзница поговорила и уехала, а ему потом отдувайся. Пока они шли, она все говорила и говорила:

— Понимаете, Артем Александрович, наши правители объявили о создании правового гражданского общества, а свободы этому обществу не дали никакой: забастовки запрещены, митинги и демонстрации — только по согласованию с властями. Вот новоявленные буржуи и делают со своими наемными работниками все, что им заблагорассудится. Были случаи избивений и даже убийств профсоюзных активистов, я уж не говорю о зверских разгонах митингов и демонстраций нашим прославленным ОМОНОм. Однако руководство нашего профсоюза полно решимости добиваться всеобъемлющего пакета гражданских прав для работников всех предприятий. И кое-что нам удалось достигнуть в этом направлении. Между тем одно лишь руководство профсоюза не может сделать ничего, если его не будут поддерживать низовые организации. А у вас на комбинате профсоюзом даже и не пахнет...

— Да-да, вы совершенно правы, — наконец-то вставил свое слово Сорокин. И хотел продолжить, но не тут-то было.

— Вот я и говорю: надо решительно бороться за свои права, не ждать, пока кто-то подаст их вам на блюдечке с золотой каемочкой. Вот вы у себя провели акцию. Акция, конечно, весьма робкая, но и она дала положительные результаты. Не правда ли?

— Да, но...

— Вы служили в армии, воевали, были командиром...

— Я был всего лишь сержантом, — едва успевал Сорокин вклиниться в непрерывный поток слов, истекающий без всяких видимых усилий изо рта женщины.

— У вас награды, вам не к лицу бояться людей, которые целиком и полностью зависят от вашего личного труда и труда ваших товарищей. Более того, вы, как человек военный, должны знать, что, атакуя противника, нельзя останавливаться на промежуточном рубеже. Всякая остановка грозит гибелью и потерей завоеванных позиций. Пора от писания хлестких речевек переходить к активным действиям. Вам, работникам

комбината, необходимо создать профсоюзную ячейку. Для начала, быть может, негласно, но затем выступить открыто в защиту своих прав. Более того, мне кажется, что вы... именно вы, Артем Александрович! — смогли бы возглавить эту ячейку. Наш профсоюз поможет вам в этом. Он обеспечит правовую и юридическую защиту своих членов... Более того, мы пошлем вас на специальные курсы, и вы сможете квалифицированно, как это делается на Западе, отстаивать права наемных работников. — Женщина замолчала и пытливо глянула в растерянные глаза Сорокина, и тот поспешно согласился, не желая выглядеть в ее глазах трусом и недотепой:

— Да, конечно, я понимаю, но и вы тоже должны понять, в каких условиях мы живем и работаем, — обрел, наконец, твердую почву Артем Александрович. — Вы даже представить себе не можете, какие дикие у нас порядки. Вся администрация города, в том числе и милиция, ходит на коротком поводке у Осевкина. А он, между прочим, бывший бандит. И методы у него чисто бандитские. Попробуйте создать тут профсоюз. Завтра же все будут уволены. И это в лучшем случае.

И тут в глазах женщины Артем Александрович заметил что-то похожее на торжество, и это его насторожило и заставило замолчать. Ему показалось, что перед ним сидит совсем другая женщина — чужая, холодная и жестокая. Но длилось это всего какую-нибудь секунду, не больше. Женщина точно смахнула со своего лица набежавшее на него облако, снова мило улыбнулась, покивала головой, подбодрила:

— Продолжайте, Артем Александрович, продолжайте. Я вас внимательно слушаю. Все, что вы говорите, очень ценно для понимания вашего положения. Я доложу об этом своему руководству. Уверена, что они найдут способ обуздать этого вашего Осевкина.

Послышался стук калитки, радостный визг Купидона, уверенная дробь каблучков по дорожке, выложенной бетонными плитами, и Сорокин увидел свою жену, Нину Петровну, направляющуюся в дом. Однако, прежде чем взойти на крыльцо, она остановилась, глянула в сторону беседки и, к облегчению Артема Александровича, направилась к ней.

— Здравствуйте, — произнесла Нина Петровна, подходя к беседке и берясь рукой за поддерживающий ее столб. — А мне сказали, что у нас гости, вот я и поспешила.

— Это вот... товарищ... из Москвы, — решил рассеять недоумение жены Артем Александрович. — Из профсоюза химической промышленности. Изучает наши порядки. — И, обернувшись к гостье, пояснил: — А это моя жена, Нина Петровна.

— Я догадалась, — приветливо улыбнулась гостья, снова не назвав себя. — У вас, Артем Александрович, очень милая жена. Уверена, что и ваши дети похожи на своих родителей.

— Да-да, похожи. Особенно сыновья, — поторопился поведать он, со стыдом чувствуя, что старается как бы задобрить профсоюзницу, а зачем это нужно, не знает.

— Так, может, чаю? — Спросила Нина Петровна.

— Чаю? Ах, нет-нет! Спасибо большое, но меня уже напоили и даже накормили.

— Это у Невроевых? — Уточнила Нина Петровна.

— Да, у них. Чудесные люди. И очень хлебосольные, — произнесла женщина, поднимаясь. — Рада была познакомиться. Но у меня еще много работы: еще многих надо обойти и расспросить. Так что вы уж извините...

— Артюша, проводи гостью, — велела хозяйка и стояла, глядя ей вслед, пока та не исчезла из виду.

Сорокин закрыл калитку и, мучительно наморщив свое лицо, пытался понять, что же произошло. А что произошло что-то непонятное и тревожное, в этом он был совершенно уверен. Но когда он это почувствовал, определенно сказать не мог.

— Ну, ты чего там застрял? Уснул, что ли? — прикрикнула на него Нина Петровна. — Слава богу, что она тебе ничего не всучила, — засмеялась она, намекая на то, как какая-то аферистка года три тому назад всучила ему за круглую сумму какой-то электрический аппарат, который будто бы лечит от всех болезней. — Так чего она тебе напела? — Спросила Нина Петровна, с насмешливым сочувствием глядя на своего мужа.

— Да вот, — замылся Артем Александрович, — хочет создать у нас профсоюз.

— И ты поверил?

— А почему бы нет? Нельзя же не верить никому, — обиделся Артем Александрович.

— Ох, Артюша, не забывай, где ты живешь и в какое время. Мало тебя дураят сейчас? А ты все веришь и веришь. Как малое дитя.

— Ну, как же так, Петровна? Ведь она кругом права — вот в чем дело.

— Ну и что? Я тебе тоже могу такое напеть, что только слушай... Кстати, как ее зовут?

— Не знаю, — смущенно пожал плечами Артем Александрович. — Я не спрашивал.

— А документы какие-нибудь она тебе показывала?

— Да, но... я не успел разглядеть.

— Господи, учат тебя, учат, а все не впрок.

Нина Петровна помолчала, тоже что-то соображая, затем выпалила:

— А ты знаешь, Артюша, я эту бабу, кажется, видела на этой неделе. Правда, она была в очках и с мужиком, тоже в огромных очках. Морды, скажу тебе, не приведи бог при-
сниться. И волосы вроде бы потемнее у нее были, а все остальное сходится.

— Где ты ее видела? — насторожился Артем Александрович, вспоминая, говорила профсоюзница или нет, когда приехала из Москвы.

— Из ресторана они выходили, — ответила Нина Петровна. — А я возле универсама стояла, Ритку ждала. В том-то все и дело, что очень похожа на ту бабу. Ох, Артюша, чует мое сердце, не к добру это. Ох, не к добру!

— С чего бы это нам опасаться, — проворчал Артем Александрович, пряча глаза: его благоверная еще не знает, что всю эту бучу они учудили с Сережкой, а то бы... Лучше ей и не знать: все-таки она работает «наверху», встречается с мэром и прочими городскими чиновниками. Но профсоюзнице этой он, кажется, себя выдал. И тут он вспомнил ее торжествующий взгляд, кривую усмешку на узких губах, и внутри у него все как бы заledenело. И не из страха за себя, а за жену, за детей... Будто сквозь вату он услышал голос Петровны:

— Ужинать-то будешь? А то у меня все готово.

Минут десять назад он зверски хотел есть, но сейчас это желание куда-то исчезло.

— Не хочется, — произнес он хрипло. И добавил: — Я потом, попозже. — И побрел к картофельным грядкам, мучительно пытаюсь отыскать выход из создавшегося положения, борясь с противоречивыми впечатлениями, оставшимися от посещения профсоюзницы. Но выход не находился. И тогда он, махнув рукой на колорадских жуков, решительно развернулся, и чуть ли ни бегом бросился к бывшему подполковнику Улыбышеву.

Алексей Дмитриевич Улыбышев, выслушав сбивчивый рассказ Сорокина, поднялся, подошел к буфету, взял графин с прозрачной бурой жидкостью и две рюмки, налил одну до краев и пододвинул к Сорокину, другую до половины, и, не произнеся ни слова, выпил, глядя, как гость нерешительно вертит рюмку на столе.

— Пей, Артем, мозги прочищает.

Сорокин покривился, затем одним духом влил содержимое в рот.

— Боюсь я, Алексей Дмитриевич. Главное, не знаешь, с какой стороны ждать удара.

— Ничего удивительного, — произнес бывший подполковник. — Мерзкое время, скажу я тебе. Но отчаиваться не надо. Ты вот что... Ты сегодня работаешь?

— Нет. Я уже отработал.

— А завтра?

— И завтра тоже. Я с завтрашнего дня в отпуске. Жена отпуск взяла, ну и я тоже. Чтобы вместе...

— Дети у тебя где? — продолжал расспрашивать Улыбышев, роясь у себя в столе. Наконец он нашел, что искал — белый конверт, вытряхнул из него несколько фотографий, протянул две Сорокину.

— Сережка и младшая в лагере у Круглого озера. Старшая в Москве, готовится к поступлению... — споткнулся Сорокин, взглядываясь в фотографии, затем произнес хриплым от волнения голосом, ткнув пальцем в женщину, стоящую рядом с мужиной возле универсама: — Она, товарищ подполковник. Она и есть! Только в очках и волосы потемнее.

— Парик, — коротко пояснил Улыбышев. Затем переспросил: — Уверен?

— Уверен! И жена их там же видела. Говорит, что выходили из ресторана.

— Что ж, эта баба, судя по всему, прекрасная артистка. А может, и не только. Так вот, если что-то и должно произойти, то произойдет в ближайшие день-два. Осевкин, если, конечно, эта баба была от него, долго рассусоливать не любит. Что касается вас с Ниной, то тут надо подумать. Кстати, Нина знает?

— Нет.

— Скажи ей. Она женщина умная, поймет. И еще: давно в лагере детей навешали?

— На прошлой неделе. На этой не собирались.

— Тогда вот что. Давай-ка, завтра с утра пораньше мотнем в лагерь. И детишек проверим, и ситуацию прокачаем. Как ты, не против?

— Н-нет, не против. Только вот Петровна...

— Я и говорю: объясни ей, что и как. А я с утра за вами заеду.

Улыбышев долго смотрел вслед Сорокину, держась обеими руками за штакетины забора, смотрел и думал, что надо попытаться это дело раскрутить так, чтобы всколыхнуть весь Угорск. Тогда Осевкин не рискнет пользоваться своими бандитскими методами. Парни, вызванные им, Улыбышевым, из Москвы, два дня изучавшие обстановку в городе, сделали

множество снимков различных людей, работающих на рынке, в магазинах, ремонтных мастерских, в мэрии и в полиции. Они выяснили, что в городе существует целая сеть, так или иначе работающая на Осевкина, с помощью которой он контролирует жизнь города, его службы, борется с конкурентами и даже с местными и заезжими преступниками, не позволяя им укореняться в городе и нарушать установленные порядки. Конечно, это лишь беглый и весьма поверхностный взгляд, но более детально разрабатывать криминальную структуру Угорска у его парней не было возможности: их уже на следующий день засекали, установили за ними наблюдение, а это грозило непредсказуемыми последствиями.

Глава 33

Осевкин решил встретить московского журналиста и мэра в своем кабинете. Он приказал машину мэра на территорию не пускать: пусть пройдут через вертушку проходной, пусть покажут документы охраннику, пусть охранник долго копается в списках имеющих право на вход и, не найдя их там, заставит ждать, пока созвонится со своим начальством. Он хотел унижить обоих, чтобы не чувствовали себя черт знает кем, перед которыми он, Осевкин, должен вертеть хвостом, как паршивая собака.

Он наблюдал в окно, как они выбиравались из машины, слышал по громкой связи, как охранник переговаривался с Щупляковым, которому Осевкин приказал явиться на работу, ничего не объяснив. И не только ему, но и директору комбината Косолобову. И вот они сидят в своих кабинетах и ждут, не зная чего. Все это забавляло Осевкина, увеличивало вес в собственных глазах. Он не отдавал отчета, зачем это ему нужно. Ему так хотелось — и все. И никаких других объяснений не требуется. Ни ему, ни другим.

Наконец, двое вышли из проходной и направились к административному зданию. Чуть впереди шагал торопливой подпрыгивающей походкой Чебаков, раздавшийся вширь на своей должности, что-то на ходу объясняя длинноногому парню во всем белом. Они еще не успели пересечь площадь, как на пульте вспыхнула красная лампочка и голос секретарши объявил:

— Семен Иванович, к вам господа Косолобов и Щупляков.

— Проси, — бросил Осевкин, не спеша возвратившись на свое место за столом.

И почти тотчас же дверь приоткрылась, и в нее просунулась часть туловища Косолобова.

— Разрешите, Семен Иванович? — произнес он, замерев на мгновение.

— Входите, — разрешил Осевкин после довольно длительной паузы, с удовольствием наблюдая, как клонится вперед директор, остановивший движение своего тела в неудобной позе, поскольку не знал, продолжить это движение или хозяин передумает в последнее мгновение и отбросит его назад жестом или грубым словом, как случилось уже не раз.

Косолобов пошагал к столу, на ходу протягивая руку для пожатия. Было во всей его изогнутой фигуре, особенно в блестящей лысине и больших очках, в неудержимо расплывающихся губах что-то для Осевкина унижительное, точно директор пародировал услужливого холопа, а не проявлял естественного чувства страха перед всевластностью своего хозяина.

Щупляков держал себя прямо противоположным образом: на его скуластом лице не шевельнулся ни один мускул, его серые глаза смотрели внимательно и отчужденно. Он подождал, пока Косолобов пожмет вялую руку Осевкина, затем подошел к нему сам — и пальцы обеих рук побелели от напряжения жесткой схватки, мало похожей на дружеское рукопожатие. Однако оно продолжалось всего секунду-другую, и каждый из них, решив эту схватку в свою пользу, удовлетворенно хмыкнул.

— Присаживайтесь, — показал Осевкин на приставной стол вправо от себя. — Сейчас здесь будут Чебаков и журналист из Москвы, — продолжил он тем тоном, каким говорят с людьми неполноценными, для которых важен не столько смысл, сколько тон, не сулящий ничего хорошего, если они послушаются своего хозяина. — Я хочу, чтобы вы присутствовали. Затем пойдем и покажем производство. Надеюсь, что вы не будете выглядеть истуканами, которых лишили языка. Вы отвечаете за производство и порядок на этом производстве, следовательно, вам должно быть не все равно, что о нас напишет этот... этот шелкопер...

— Да-да, разумеется, Семен Иванович! — С готовностью подхватил Косолобов и глянул на Щуплякова.

Но лицо того оставалось все таким же неподвижным и бесстрастным.

Снова вспыхнула красная лампочка на пульте, и голос секретарши торжественно возвестил:

— Семен Иванович! К вам гости.

— Проси.

Распахнулись сразу обе створки двери. Оба, и мэр, и журналист лоснились от съеденного и выпитого, благодушно

улыбались, будто ничего более приятного, чем встреча с владельцем комбината, не существует и существовать не может. Они прошли к столу, Чебаков представил Валеру, а Валере всех прочих.

Валера Жилинский, ехавший в Угорск с опасением и предубеждением ко всему, что там увидит, и ко всем, кого там встретит, испытывал что-то вроде разочарования и раздвоения личности: и увиденное выглядело не так уж плохо, и люди оказались не такими уж отпетыми негодьями, какими они представлялись из уст Иваныча. Он все чаще вспоминал сетования одного важного лица по поводу, будто средства массовой информации льют на голову обывателя одну лишь чернуху, не замечая и даже не пытаясь замечать положительных явлений в нашей жизни. Между тем, российскому обывателю всегда чего-то не хватает, всегда он чем-то недоволен. А все потому, что дальше своего носа ничего не видит, и что ему ни дай, что для него ни сделай, он будет продолжать брюзжать, скулить, ругать власти, при этом палец о палец не ударит, чтобы благоустроить свою полуазиатскую, полеевропейскую жизнь. Вот и Валерины родители, живущие в городишке, очень похожем на Угорск, ни на что самостоятельное не способны, а слушаешь, так виноваты в этом не они сами, а все те же власти. Ведь сумел же он, Валера, вырваться из этого обывательского омута, сумел же увидеть жизнь во всех ее проявлениях, как в положительных, так и отрицательных, сумел понять, что иной она быть не может, разве что положительных явлений станет больше, чем отрицательных. И дело не в том, что его, московского журналиста, вчера накормили изысканным даже по столничным меркам ужином, а сегодня не менее изысканным обедом. Ужин, обед — все это чепуха! Его такими подачками не купишь. Но надо же взглянуть правде в глаза. А правда состоит в том, что наиболее решительно переделывают жизнь те люди, которые наделены сильным характером и волей к преобразованиям. Да, многие из них начинали подниматься с самого дна, расталкивая других и устраняя тех, кто им мешал творить историю по собственному разумению. Да, они наломали дров, прежде чем попали в русло созидания и творчества. Да, они не всегда хорошо образованы и умны. Да, все, к чему они притрагиваются, источает мерзость. Но ведь других-то нету. Тем более что не только мерзость исходит от их прикосновения, но и что-то, ей противостоящее. Надо же понимать, в конце концов, что в них самих, как и во всем обществе, идет внутренняя борьба мерзости с не-мерзостью, и не-мерзость должна возобладать. Более того, придет время, и умные люди, оценивая прожитое и пережитое, отдадут им должное,

как нынче отдают должное Демидовым: они были первопроходцами, они расчищали дорогу к свободе личности, к творчеству, и, в конце концов, — ко всеобщему благополучию и благосостоянию. Даже тот же Осевкин, на встречу с которым они приехали на комбинат прямиком из ресторана, со временем может попасть в святки за богоугодные деяния. Как разбойник Кудеяр. Потому что церковь — она тоже люди, и за деньги может простить кого угодно и за что угодно. Вспомнить хотя бы индульгенции, распространенные на Западе в Средние века, купив которые, можно очиститься от любого преступления. А мы, россияне, как раз и находимся на уровне Средних веков, куда нас втягивают всякие там мигранты и кавказцы. И наше возвращение к церкви есть возвращение, прежде всего, к суеверию: и ученейшие космонавты, и не слишком ученые писатели, актеры и бог его знает кто еще, — все они с каким-то порочным сладострастием признаются в своем суеверии. И даже сам Валера чувствует на себе влияние этого поветрия, смотрит на него с усмешкой, но не может от него избавиться.

Мысли эти, внушенные Валере на факультете журналистики, высказанные в той или иной форме философами свободного полета ума и фантазии, воспринимаемые Валерой поначалу как нечто кошунственное, только теперь, при столкновении с действительностью, а более всего, как это ни странно, после бессонной ночи, проведенной в угаре плотской любви с увядающей женщиной под шум грозы и молитвы блудницы, обрели некую вполне законченную форму.

Единство многообразия, единство противоречий, мерзости и не-мерзости, единство жизни и смерти — вот с какими мыслями шел Валера на эту встречу. При этом свою жизнь, свое эго он не связывал ни с первым, ни со вторым, ни с третьим. Он был выше, он был над ними, возвышался над всеми, даже над самим собой, он призван осуждать и миловать, он тот «божий суд», о котором мечтали в давно минувшие годы лучшие умы России.

А с другой стороны, его, Валерия Жилинского, послали сюда раздобыть компромат из первых рук и написать такую статью, чтобы небу стало жарко — именно так и выразился, напутствуя Валеру, Иваныч. И он ехал сюда с чувством, какое, надо думать, испытывает охотник, в одиночестве выходя на тропу, по которой ходит к водопою тигр-людоед. И опыта у этого охотника нет, и тигра он видел только на картинах, и винтовку в руки взял впервые, но ведь когда-то же надо выходить на эту тропу, чтобы почувствовать себя человеком с большой буквы.

И вот Осевкин перед ним — бывший бандит, уголовник, руки которого по локоть, если не по плечи, в крови. Вот он сидит и смотрит на Валеру неподвижным взглядом сытой змеи, будто раздумывая, кусать или нет. В нем есть что-то от тех, кто стремительно вознесся вверх то ли на волне смуты и безвластия, то ли за неимением других более способных к управлению людей. Такие люди не слышат ропота и стонов «униженных и оскорбленных», не видят их слез, они не признают своих ошибок, они не краснеют, когда врут, полагая, что имеют на это право, дарованное им их положением, они презирают тех, кто им противоречит.

Странно, но эти мысли, не новые сами по себе и много раз высказываемые другими, только сейчас всплыли в голове Валеры, несколько затуманенной коньяком, всплыли в ряду других, обрели плоть в лице сидящих за столом людей, но не испугали Валеру, а как раз наоборот. Он улыбнулся беспечной улыбкой и заговорил, обращаясь к Осевкину:

— Господин Осевкин. Я весьма благодарен вам за то, что вы нашли время для этой встречи. Господин Чебаков в общих чертах обрисовал мне достижения и проблемы, имеющие место в вашем городе. Они сродни тем достижениям и проблемам, которые переживает наше государство и общество. С той лишь разницей, что ваш город и ваш комбинат, господин Осевкин, идут как бы в авангарде преобразований, намеченных нашим правительством. Газета «Дело», которую я имею честь представлять, заинтересована том, чтобы осветить решающую роль частного сектора в решении общегосударственных проблем и тем самым явить обществу положительный пример для подражания. Исходя из этого, я хотел бы, чтобы вы, господин Осевкин, осветили именно эту сторону дела.

И с этими словами Валера вытащил из сумки маленький диктофон, щелкнул рычажком и положил его перед Осевкиным. Тот взглянул на черную коробочку, как показалось Валере, с испугом, но быстро взял себя в руки и заговорил:

— Я предлагаю вам, господин Жилинский, сперва пройтись по комбинату, а уж затем продолжить разговор в этом кабинете, так сказать, на наглядных примерах. Если вы не возражаете, разумеется, — и нижняя губа Осевкина при последних словах, еще не привыкшая оттопыриваться до состояния, отвечающего сомнению ее обладателя, подобралась и растянулась вместе с верхней в снисходительную усмешку.

Валера понял уловку, но возражать не стал. В конце концов, не столь уж важно, в какой форме и в какой последовательности будет выяснено все, что привело его в этот город и

на этот комбинат. Пусть Осевкин и остальные принимают его за простачка и недотепу, а он таки улучит минуту, чтобы застать их врасплох и выведать самое главное. Тем более что Чебаков то ли проговорился во время обеда, не стесненного присутствием третьих лиц, то ли закинул удочку, пытаясь выведать действительную цель приезда в город московского журналиста, намекнув на то, что на комбинате в последнее время выявились некоторые проблемы, которые решены лишь частично. Валера сделал вид, что не заметил эту удочку, не стал раскручивать главную для себя тему, но, в любом случае, это была зацепка, которую можно будет использовать в надлежащий момент.

Все поднялись и потянулись к выходу. И, как показалось Валере, со скрытым вздохом облегчения.

Экскурсия по комбинату заняла менее часа. Говорил в основном директор Косолобов, иногда с истинным вдохновением показывая и объясняя технические новинки управления производством, каких нет еще нигде в России и даже мало на Западе, напирая на нано-технологии, козырять которыми вошло в моду в последние годы. Валера в этих сверхсовременных технологиях ничего не понимал, но кивал головой с видом знатока и задавал вопросы тоже далеко не самые наивные, так что Косолобов, отвечая на них, заливался соловьем, а руки его порхали точно крылья, готовые приласкать любую железку и мерцающий разноцветными огоньками прибор.

Собственно говоря, писать тут было не о чем: все эти мнимые и действительные достижения местных и зарубежных инженеров вряд ли заинтересуют читателя. Но Валера прилежно совал под нос директору свой диктофон, а свой нос во все дырки под хмурые взгляды операторов. Одному из них Валера задал традиционный вопрос, как им тут работается, на что получил не менее традиционный ответ: работается нормально. Более конкретный вопрос о зарплате, в том смысле — регулярно ли ее выдают, вызвал замешательство не только у оператора, но и у Косолобова, однако ответ был ожидаемый: все, мол, нормально, выдают регулярно, никаких претензий к дирекции нет.

И этот ответ был зафиксирован на диктофоне. А когда покинули пункт дистанционного управления процессами расфасовки и упаковки, Косолобов засуетился и принялся объяснять, что на всех не угодишь, что лентяи и вообще недобросовестные работники, привыкшие к советским порядкам безответственности и всепрощения, иногда вносят смуту в среду тружеников комбината, но дирекция...

— Ну, чего ты мелешь! — вдруг раздался злой голос Осевкина. — Какая-то смута? Откуда ты ее взял? Если есть лентяи и безответственные, то таких ты должен выявлять и гнать в три шеи. Иначе я выгоню тебя. А если их нет, то нечего и выдумывать!

— Я имел в виду, Семен Иванович, — начал было растерявшийся Косолобов, но Осевкин так глянул на него, что тот тут же прикусил язык, виновато пожав плечами, и стушевался на задний план.

Это пожимание плечами Валера расшифровал в том духе, что на вас, мол, не угодишь, и, следовательно, в этой компании заранее распределены роли, чтобы запудрить мозги московскому журналисту. И его вдруг охватила такая тоска, что хоть вой. Он понял, что в этом городе все боятся друг друга, особенно чужих, что ему не пробить глухую стену молчания и страха. Умные мысли, с которых он начал этот день, куда-то подевались, а если даже и не подевались, то из них, как говорится, шубы не сошьешь. Однако останавливаться было никак нельзя, и, едва они вернулись в кабинет Осевкина и расселись все в том же порядке, он снова задал ему вопрос, от которого тот ушел перед экскурсией по комбинату: об авангардной роли частного сектора в преобразовании экономики страны и, в частности, в масштабах отдельно взятого населенного пункта.

Увы, Осевкин смотрел на него совсем другими глазами, будто перед ним сидел его личный враг, от которого надо избавиться решительно и любым способом. От этого взгляда у Валеры поползли по спине мурашки, а в животе похолодало.

— О роли частного сектора вы и без моих рассказов знаете. Нечего толочь воду в ступе, — прокрипел Осевкин, держа то один, то другой палец, точно готовясь к драке. — Что касается нашего города, то об этом вам лучше всего расскажет мэр этого города. Если еще не рассказал, — отговорился Осевкин, уже ни на кого не глядя. — Мне кажется, что мы вам и так все показали и рассказали.

И тут зазвучала игривая музыка из оперетты Легара «Веселая вдова», так не вяжущаяся с мрачной атмосферой, повисшей в этом роскошном кабинете.

Осевкин вытащил из кармана мобильник, приложил к уху, произнес лишь одно слово: «Слушаю». И слушал довольно долго, не перебивая, не переспрашивая. Потом спросил:

— Вы где? — Опять молча слушал, затем велел: — Ждите, скоро буду. — Убрав мобильник, посмотрел довольно весело на Валеру, посоветовал: — Тебе, парень, лучше всего ехать в Москву: у нас не любят тех, кто заглядывает в замочную

скважину. Все, что надо, ты получил. Ничего новенького не предвидится. На этом заседание считаю закрытым. У меня — дела. — Встал и, не попрощавшись, пошел из кабинета.

Все поднялись, задвигая стулья под стол. У двери уже стояла секретарша, всем своим видом давая понять, что гости засиделись, пора и честь знать. Чебаков виновато пожал плечами. Косолобов выпрямился и принял весьма значительный вид. Лишь Шупляков не изменил выражения своего неподвижного лица.

Валера убрал диктофон, тоже пожал плечами, пытаясь сообразить, как ему поступить дальше. Материала для статьи, от которой стало бы жарко небу, он не собрал ни строчки и не видел, где его можно раздобыть. Конечно, можно опереться на то, что имелось, судя по всему, в распоряжении Иваныча, но тогда это будет уже не твоя заслуга, и надежду на прорыв в ведущие сборки газеты придется отложить на неопределенное время. Следовательно? Следовательно, надо рисковать.

Валера вместе с мэром, простившись с директором и его таинственным заместителем, сели в машину, и Чебаков вдруг спросил, заглядывая Валере в глаза:

— Ну, Валерий Игнатьевич, вы, надеюсь, довольны?

— Да как вам сказать, Андрей Сергеевич? — Замялся Валера. — Материала много, но ничего конкретного. А главное, нет проблем и нет, так сказать, рецептов, как эти проблемы решаются в конкретных условиях. Получится не проблемная статья, а сплошная аллилуйя, которую мое начальство расценит как бесполезную трату денег и времени. У меня еще имеется два дня, за которые я рассчитываю узнать что-нибудь конкретное. Вы не посоветуете, к кому мне обратиться?

— Да почему же нет! — воскликнул Чебаков с таким воодушевлением, будто и сам был кровно заинтересован в проблемной статье. — Конечно, посоветую! Давайте сделаем так. Мы сейчас поедем ко мне на дачу. Там все обмозгуем и решим. Тем более что соседями моими по даче являются очень интересные люди, достаточно информированные по части этих самых проблем. Как, принимаете мое предложение?

— Принимаю с удовольствием. Но я надеюсь, мы не сейчас туда отправляемся?

— А зачем откладывать? Что это вам даст? Кстати, вы где остановились?

— Да тут... на частной квартире, — замялся Валера. — В поезде случайно познакомился со старушкой, она и посоветовала. Мне сказали, что у вас нет гостиницы.

— Увы, что правда, то правда. И средств на гостиницу в городской казне нет, и приезжающих в наш город раз, два и обчелся.

— Но у вас в городе, как мне сказали, выходит газета. В киоске я, к сожалению, этой газеты не обнаружил.

— Ах, Валерий Игнатьевич, Валерий Игнатьевич! Наша газета — это сплошная реклама. Ничего существенного. И люди, которые там работают, к журналистике не имеют никакого отношения. Поверьте мне на слово. Хорошие журналисты к нам не рвутся, плохие нам без надобности. Так что лучше не тратить вашего драгоценного времени на пустые разговоры.

Валера попросил полчаса на то, чтобы зайти на квартиру и взять кое-какие вещички.

Чебаков согласился. Договорились встретиться на углу возле универсама. И Валера, выбравшись из машины, пошагал к дому, в котором нашел кратковременное пристанище.

Глава 34

Олег Михайлович Щупляков, покинув кабинет Осевкина и перейдя в свой, несколько минут ходил от окна к двери и обратно, пытаясь понять, что именно его насторожило в разговоре Осевкина с неизвестным абонентом. Он еще и еще раз прокручивал в голове этот разговор, соотнося его с изменяющимся выражением лица Осевкина, но ничего определенного из этого соотношения не вытанцовывалось. Тогда он написал на листе бумаги в столбик:

1. «Вы где?» — Лицо обычное, спокойное, затем что-то вроде торжествующей улыбки.

2. Приказ «Ждите, скоро буду!» — Повеселевший взгляд.

3. Почти насмешливо: «Тебе, парень, лучше всего ехать в Москву».

4. Угрожающе: «У нас не любят тех, кто заглядывает в заможную скважину».

5. Категорически: «Все, что надо, ты получил. Ничего нового не предвидится».

6. Пренебрежительно: «На этом заседание считаю закрытым. У меня — дела».

И, глядя на эту схему, Олег Михайлович стал размышлять.

Итак, Осевкин получил какое-то, можно сказать, радостное сообщение. Радостное сообщение он мог получить из двух источников: от Нескина — в связи с конвейером по разливу водки, что весьма сомнительно, если предположить, что они

наверняка обо всем договорились перед отъездом представителя братьев Блюменталь; и от своих людей, если иметь в виду единственную проблему, возникшую в связи с писаниями на гаражах и во Втором корпусе, вынудивших Осевкина выплатить часть зарплаты работникам ФУКа. Сообщение, скорее всего, касается именно этой проблемы. Что в нем может быть радостного? Абонент, во-первых, сообщил новость; во-вторых, где он находится; в-третьих, это не очень далеко от Угорска; в-четвертых, Осевкину будет мешать корреспондент московской газеты; ну и наконец, в-пятых... В том-то и дело, что ты не знаешь, о чем это сообщение. Пойдем от противного: что может обрадовать Осевкина в данной ситуации? Пожалуй, только одно: его люди выяснили, кто зачинщик всего этого дела. Ничто другое в цепочку последних событий не встраивается. Теперь надо решить, что делать тебе в данной ситуации. Пожалуй, позвонить Улыбышеву. Но рация, которую дал Улыбышев, осталась дома, пока до него дойдешь, пока то да се, время будет упущено. Воспользоваться мобильником? Но как объяснить Улыбышеву, чтобы он понял, что нужно делать, когда ты и сам не можешь сказать по этому поводу ничего определенного? Тем более что все звонки контролируются, о чем тебе сообщил однажды по пьяному делу начальник городской полиции (тогда еще милиции) Купчиков, то ли хвастаясь, то ли предупреждая, то ли желая втянуть его, Щуплякова, в свою игру. Значит, если звонить, то надо не тебе, а кому-то другому. Кому?

И тут Щупляков понял, что он никому не может доверить даже такой малости, как один-единственный звонок, что у него в этом городе нет ни друзей, ни даже приятелей. Да и в Москве их тоже не имеется. И никогда, увы, не имелось. Более того, он сам так до сих пор и не решил, на чью сторону ему становиться. Хотя, конечно, он подписывал трудовой договор, а в нем черным по белому расписано по пунктам, что он должен делать в том или ином случае. В договоре, правда, не указаны ни забастовки, ни митинги на территории комбината, ни писание на стенах, направленных против его владельцев. Там речь идет исключительно о нарушениях установленного режима, о возможном проникновении посторонних лиц и преднамеренных действиях отдельных сотрудников, идущих вразрез с интересами коллектива. Писание на стенах можно рассматривать и как идущие вразрез, и как не идущие.

«Чертово время!» — выругался Щупляков, затем достал из сейфа бутылку коньяку, налил рюмку до краев, выпил, закурил. Он впервые не знал, как ему поступить. Встать на сто-

рону того же Сорокина и его товарищей? Держаться Осевкина? Ничего не предпринимать? В любом случае он может проиграть. А проигрывать ой как не хотелось. Тем более что на нем висит Пашка Лукашин, из-за которого Осевкин погрозился выгнать его, Щуплякова, без выходного пособия, если повторится нечто подобное. Плохо, что в окружении Осевкина не нашлось ни одного человека, который бы, желая насолить своему работодателю, и притом совершенно бескорыстно, искал бы себе сообщников. Остается Улыбышев. Вот пусть он и решает, что и как делать. А спустя некоторое время, — тут главное не опоздать! — самому начать подыгрывать Осевкину. С одной стороны — он предупредил зачинщиков, с другой стороны... Но ведь еще надо предупредить — в этом все дело.

И Щупляков стремительно кинулся вон из кабинета, тем более что делать тут ему было совершенно нечего: все и без него шло по раз и навсегда заведенному им порядку. К тому же — выходной. И от Осевкина он не получил никаких распоряжений. Однако в коридоре Щупляков убавил шаги и территорию комбината покинул, что называется, вразвалочку, будто никуда не спешил. И только сев в машину, почувствовал лихорадочное возбуждение — то ли от выпитого коньяка, то ли от неизвестности, в которую собирался окунуться, так и не решив, каким образом и зачем ему это надо.

Он остановил машину, не доезжая сотни метров до квартала «хрущевок», в густой тени раскидистых лип. И опять его охватило сомнение — то ли он делает, что нужно? Он сидел и барабанил по рулю пальцами, курил и сквозь деревья сквера смотрел на обшарпанные серые дома, на мужиков, стучащих костяшками домино по столу, на старух, катающих коляски с внуками и внучками, на молодых мам и ползающих в песочнице малышей. Вон в том доме во втором подъезде на третьем этаже живет медсестра Оксана Николаевна. Он, Щупляков, уже как бы состоял с ней в негласном стоворе, следовательно, мог обратиться за содействием, особенно не таясь. Оставалось лишь одно — встать и пойти мимо «козлятников», бабушек и мам, пройти под их недоуменными взглядами до подъезда, позвонить в квартиру и... Хорошо, если медсестра будет одна, хорошо, если поймет его с полуслова. Конечно, для посторонних можно выдумать предлог — мало ли что случается, заставляя человека идти туда, где его не ждут. Но этот шаг довольно быстро станет известен не только всему Угорску, но и Осевкину, а ему надо будет как-то объяснить, что привело начальника охраны комбината к медсестре, которая в известном смысле повязана с ним Пашкой

Лукашиным. Да и сам звонок медсестры Улыбышеву может Осевкина насторожить. И именно после того, как у нее побывал Щупляков... Нет, идти туда нельзя ни в коем случае.

Тогда что же? И тут Щупляков понял, что он, несмотря на весь свой опыт работы в органах, так и не научился анализировать ситуацию во всех ее аспектах и взаимосвязях. Он привык действовать по планам, продуманным наверху, самому думать лишь в рамках этих планов, то есть от сих до сих. Мерзкая система, лишавшая человека индивидуальности! Впрочем, он и сам никогда не стремился выходить за известные рамки, установленные этой системой, оправдывая себя тем, что чем меньше знаешь, тем крепче спишь. А Улыбышев? Он выходил? Да, случалось. Не напрасно его выгнали из органов одним из первых, и именно за то, что совал свой нос туда, куда его не просили.

«И что дальше? — спросил у себя Щупляков. — А вот что: поехать домой, тяпнуть еще пару рюмок и уткнуться в телевизор. И катись оно все к такой матери».

И он уже повернул ключ зажигания, как вдруг увидел долговязую сутулую фигуру московского корреспондента, вышедшего из другого подъезда с сумкой через плечо. Скорее всего, тот последовал совету Осевкина и теперь направляется на станцию, так, собственно, ничего и не выведав. И Щупляков, следуя застарелой привычке, какой следует дрессированная собака, утратившая хозяина, быстро достал из бардачка цифровой фотоаппарат, сделал пару снимков и только тогда тронул машину, надеясь перехватить журналиста на пересечении дорог. Зачем это ему, Щуплякову, нужно, он еще не решил, но азарт преследования дичи, заложенный в него годами работы в оперативном отделе контрразведки, отсек все рассуждения и доводы.

Щупляков не проехал и ста метров, как увидел, что возле тротуара остановилась машина мэра, открылась дверца, журналист нырнул в машину, и она покатила. Но совсем в противоположную сторону от железной дороги. И этот факт был тоже зафиксирован в электронной памяти аппарата.

«Фу ты, черт!» — выдохнул Олег Михайлович, не зная, радоваться ему или огорчаться такому повороту событий. Собственно, никаких событий пока не видно, но они явно назревают — инстинкт его еще ни разу не подводил. Тем более что Чебаков не внял совету Осевкина и зачем-то потащил журналиста к себе на дачу. Ульстить? Дать информацию против Осевкина? Неужели между ними пробежала черная кошка? Или под Осевкиным зашаталось его кресло?

И Щупляков поехал следом, тоже не зная, к чему это его приведет. В конце концов, он имеет право ехать в любую сторону. Хотя бы за грибами. Их, говорят, нынче столько, что хоть косой коси. А жена очень любит жареные грибы. С картошкой.

Машина мэра вскоре повернула на шоссе, ведущее к озеру Долгое. Ехать за ней не имело смысла. Тем более светиться на этом шоссе, где у Щуплякова нет ни дачи, ни каких бы то ни было интересов. Он свернул на дорогу, ведущую на север, и ехал по ней до тех пор, пока не заметил поворот на грунтовку, съехал на нее и покатил дальше.

Глава 35

Машина осторожно пробиралась по узкой, извилистой дороге. Прошедший ночью дождь наполнил водой каждую впадину, которая могла таить в себе что угодно, хотя, судя по свежим следам, по ней уже проехали в глубь леса, по крайней мере, две машины. Скорее всего, грибников. Однако встречаться даже с грибниками Олегу Михайловичу не хотелось. Ему вообще не хотелось ни с кем встречаться после всех своих мучительных размышлений, которые так ничем и не закончились. И он, заметив прогалину, а вдалеке белые стволы берез, повернул в ту сторону, уверенный, что после дождя среди берез можно встретить подберезовики, что жене будет приятно, если он привезет домой хотя бы с десяток грибов. Он ехал до тех пор, пока не уткнулся в наполненную водой канаву, которая когда-то, вполне возможно, была окопом. Проехав метров пятьдесят вдоль нее, уткнулся в другую канаву, пересекающую первую, и, решив не испытывать судьбу, поставил машину среди кустов лещины. Взял из бардачка пакет, складной нож с фиксацией лезвия, из багажника достал резиновые сапоги с короткими голенищами, переобулся. Подумав, что, пожалуй, не стоит оставлять в машине цифровик, тем более пистолет и документы, собрал все это в сумку, поставил машину на сигнализацию и отправился за грибами.

Увы, березовая роща только издалека казалась привлекательной. На самом деле деревья росли среди густой осоки, там и сям попадались глубокие бочажины с черной водой, приходилось перелезать через бурелом. В добавок ко всему, Щупляков набрал в сапоги воды, она хлюпала там, раздражая его все больше, так что он, в конце концов, повернул назад, но не по своим запутанным следам, а напрямик, и лишь выйдя на окраину рощи на сухое, среди кустов черники сразу же приметил несколько белых, таких ядерных, таких вос-

хитительно красивых, что даже резать их было жалко. Однако жалость эта была недолгой, и в пакет стали шлепаться грибы один за другим, доставляя Олегу Михайловичу хоть и краткое, но все-таки удовлетворение и отвлечение от бесплодных размышлений.

Огибая березняк, протянувшийся узкой извилистой полосой среди ельников, Щупляков впереди услышал стук топора, взял чуть правее, чтобы не встречаться с дровосеком, и тут лес неожиданно оборвался, замерев перед обширной поляной, зарастающей юными березами. Он прошел немного вдоль опушки и вскоре услышал негромкую музыку. Потянуло дымом костра и запахом шашлыков, а еще через пару минут послышались голоса. Сам не зная зачем, Щупляков пошел на эти голоса. Ему оставалось продрасться через густой еловый подлесок, как вдруг до его слуха донесся знакомый задыхающийся смех. Щупляков замер, боясь пошевелиться. Сквозь ветви виднелись два внедорожника, вокруг костра сидели трое на поваленной березе. Женский голос расказывал что-то смешное, мужские голоса взрывались безудержным смехом, и один из них таким особым — задыхающимся смехом, как бы застревающим в глубине человеческой утробы, который нельзя спутать ни с чьим другим.

«Осевкин!» — молнией промелькнуло в голове у Щуплякова, и по телу его будто пробежало полчище муравьев, покусывая кожу своими острыми челюстями.

Справа, метрах в сорока, вдруг затрещало, Щупляков присел за елкой, даже перестал дышать на какое-то время. Вот чья-то темная фигура проявилась на фоне белесого неба, двинулась в сторону костра, волоча за собой сухую лесину. За этой фигурой тащился треск ломаемых сучьев и шевеление верхушек молодых елок и берез.

Щупляков, переведя дух, быстро сместился влево и, оставившись и прислушиваясь, двинулся к костру, ориентируясь на белый дым. Он достиг обломанной ветром ели, комель которой держался на полутораметровом пне, и только здесь, прикрываясь за ним, приподнялся и увидел всех, кто сидел возле костра. Их было четверо: трое мужчин и одна женщина. Двоих из них Щупляков знал слишком хорошо: это были Осевкин и его телохранитель по кличке Колун, молчаливый детина с маленькими глазами, глубоко упрятыми в подлобье. Третьего он видел впервые. Как, впрочем, и женщину, сидевшую к нему лицом, прикрытым большими темными очками и широкополой шляпой. Все четверо одеты вовсе не для прогулок по лесу. И, судя по уверенным следам, оставленным на проселке машинами, очень хорошо знали это место.

Так вот с кем Осевкин спешил на встречу!

Ничего не скажешь, милая компания, решившая отдохнуть после трудовой недели, отведать шашлыков и позубоскалить.

Увы, разобрать с такого расстояния, о чем говорила женщина, было совершенно невозможно: голос ее заглушался треском ломаемых Колуном сухих веток и громким мужским хохотом. Громче всех и заразительнее хохотал Осевкин. Его смех то взлетал до сиплого визга, то опадал, задохнувшись, до сипения. Такого смеха Щупляков от него не слышал ни разу. Даже не подозревал, что хозяин ФУКа может смеяться так заразительно и беспечно. Видать, эти люди были настолько свои для Осевкина, что притворяться перед ними не было никакой нужды. Сфотографировать эту компанию тоже не получалось: и далековато, и слишком опасно высываться.

Присев, Щупляков двинулся в обратную сторону, прощупывая глазами заросли, вслушиваясь в каждый треск и каждый шорох. Только удалившись от поляны метров на триста, Олег Михайлович выпрямился во весь рост и поспешил к своей машине.

Не доезжая до города, он свернул в сторону, помыл машину, черпая ведром воду из канавы. С чувством исполненного долга поставил машину в гараж, поднялся на лифте на свой этаж и, держа в руках пакет с грибами и веточками черники, густо усыпанные сизыми ягодами, представляя, как обрадуется им жена, открыл ключом дверь своей квартиры.

Олег Михайлович еще не успел включить свет в прихожей, как увидел в полумраке на полу неподвижное тело своей жены. Слышалось тяжелое, с хрипом, дыхание. Попытки растормошить ее не дали никакого результата. Еще через полчаса «скорая» везла ее, оглашая окрестности, в городскую больницу, а оттуда, после обследования, в Москву: с женой случился инсульт, в местной больнице помочь ей ничем не могли.

С тех пор, как Щупляков покинул лес, миновало семь с половиной часов. Он сидел в приемном отделении больницы Склифосовского, ожидая результатов предварительного обследования. Время тянулось невыносимо медленно. Оно почти остановилось. Наконец в помещение, где стоял один стол и две кушетки, покрытые несвежими простынями, вошел высокий молодой врач с аккуратной бородкой и усами, с болтающимся на груди «намордником», спросил:

— Вы по поводу Щупляковой?

— Я, — откликнулся Олег Михайлович, поднимаясь с кушетки, приготовившись к самому худшему, чувствуя, как замерло у него все внутри.

— Вы ей кто?

— Муж.

— Что ж, скрывать от вас не стану: положение критическое. Ваша жена в глубокой коме. Мы будем делать все, что положено в таких случаях, но... сами понимаете: гарантий никаких быть не может. Более того: если удастся ее вытащить с того света, то она, скорее всего, будет обездвижена.

— Сколько? — Спросил Щупляков, вонзив взгляд своих серых глаз в бегающие глаза врача.

— Сорок, — ответил тот, ничуть не смутившись.

— Рублями?

— Конечно.

— Хорошо. С собой у меня нет, но завтра я вам их доставлю. В этом случае я могу надеяться?

— Надежда умирает последней. К тому же у вашей жены рак легкого. Вы об этом знаете?

— Нет. Мне говорили, что у нее отек, который должен рассосаться. — И пояснил: — Она попала в аварию восемь лет назад. Ей делали операцию...

— Мы это заметили при томографии. Если в течение десяти дней ей не станет лучше... Признаться, у нас слабая надежда на улучшение. Нам нужны лекарства. Завтра же. — И врач набросал несколько слов на отрывном рецепте и протянул бумажку Щуплякову, добавив: — Лекарства покупайте в аптеке, номер которой здесь указан. Иначе могут быть подделки. Об остальном поговорим потом.

Щупляков вышел из приемного отделения. Над Москвой висела желтоватая луна и, пригорюнившись, смотрела вниз с мертвого неба, совершенно лишенного звезд. Ехать в Угорск? Но поручить сыну покупку лекарств... Надо будет позвонить врачу, знакомому еще по Афгану, проконсультироваться у него по поводу диагноза и дальнейших перспектив, а заодно узнать, что это за лекарства и какова их реальная стоимость, потому что в указанной аптеке они могут стоить значительно дороже: нынешняя медицина так же обирает население, как и все прочие. А Щуплякову очень не хотелось попадать в ряд обираемых.

Но это все утром. А сейчас...

Он набрал номер домашнего телефона. Долго никто не подходил. Затем девичий голос спросил:

— Вам кого?

— Мне Евгения Щуплякова.

— Извините, но он спит.

— Так разбудите! Скажите ему, что звонит отец, — заговорил Олег Михайлович, едва сдерживаясь, чтобы не заорать. — Через пятнадцать минут я буду дома, — цедил он слова сквозь сжатые зубы. — Надеюсь, он найдет в себе силы и время, чтобы открыть мне дверь.

«Вот так все и разрешится само собой без твоего вмешательства, — думал он, двигаясь в разреженном потоке машин, представляя, как оно будет теперь — без Ани. Странно, но ничего в его сердце не дрогнуло, когда он представил, что вернется в Угорск, в свою квартиру, а там пусто — хоть шаром покати. И наступит у него другая жизнь. Во всяком случае, не надо будет оглядываться и отводить глаза, когда Аня смотрит на тебя тоскующим взором, выматывая душу, может быть, догадываясь, где он и с кем проводит свободное время. — О чем это я? — удивился Щупляков, трогая машину, вслед за другими. И сам себе ответил с кривой ухмылкой: — О продолжении жизни».

Глава 36

Получив подробную информацию от своих агентов, что заправилкой всего дела оказался, скорее всего, бригадир наладчиков Сорокин, Осевкин вернулся в Угорск и засел в своем кабинете, названивая нужным людям. В его голове вертелись самые разные варианты расправы со своими обидчиками. Ему нужно было знать, кто сейчас из его бывших поделщиков где находится, на кого можно опереться и как, исходя из этого, распланировать акцию, чтобы город вздрогнул, но никакой следователь не докопался бы до исполнителей и организаторов этой акции. Выяснилось, что бригадир наладчиков Сорокин с завтрашнего дня считается в отпуске, что его жена, главный бухгалтер городского коммунального хозяйства, тоже в отпуске, двое детей в лагере отряда «Поиск». И вся бригада Сорокина тоже в отпуске. Но на бригаду начхать, а вот самого бригадира необходимо покарать и как можно скорее, пока еще не улеглись страсти, вызванные сорокинскими художествами.

Осевкин хотел было привлечь к этому делу Щуплякова, но домашний телефон начальника охраны молчал, а мобильник его был почему-то недоступен. Тогда он позвонил Криволобову, и тот доложил, что Щупляков в Москве, что у его жены случился инсульт или что-то в этом роде, и он разрешил ему оставаться там столько времени, сколько понадобится, но в счет будущего отпуска. И Криволобов принял

торопливо объяснять, почему он принял такое решение, но Осевкин оборвал его и положил трубку.

Итак, завтра—послезавтра из Москвы приедут несколько крепких парней, с которыми когда-то Осевкин занимался рэкетом, потрошил, не гнушаясь никакими методами, новых бизнесменов. Конечно, его парни давно уже не парни, обзавелись семьями, иные даже своим не шибко крупным бизнесом. Но большинство из них тоскует по прошлому, когда жили громко и весело, не задумываясь над тем, что даст им завтрашний день. Нынче это называется тягой к экстриму. Кое-кто отнекивался, ссылаясь на занятость или нездоровье. Но таких, кого затянула новая жизнь, кто поставил на прошлом жирный крест, было мало. А из тех, кто приедет, тоже сгодится не каждый. Придется приглядываться, придется выбирать наиболее надежных и небрезгливых. Рефлекс рефлексом, а время свое дело делает.

Впрочем, сам Осевкин, разговаривая со своими бывшими подельниками, уже не испытывал того возбуждения перед предстоящим делом, как в былые времена, тем более что само дело вытекало из насущной необходимости подтвердить свою власть над городом и живущими в нем людьми.

Ночевать Осевкин в Заведении не остался: и шумно здесь, и что-то мешало ему сосредоточиться на предстоящем деле. Устроившись в машине на заднем сиденье, он велел ехать на дачу и спал там до двенадцати дня, не терзаемый ни сомнениями, ни тем более угрызениями совести.

Да и откуда их взять — эти угрызения? С чего им возникнуть? Все, что он делает, диктуется даже не столько его желаниями и прихотью, сколько обстоятельствами. Любой моралист на его месте, получив власть и деньги, вел бы себя точно так же. А морализм в них пробуждается от несоответствия желаний и возможностей. В таком случае человек озлобляется и впадает в крайность, оправдывая ее своими будто бы высокими нравственными и моральными принципами, забывая, что человек по природе своей есть зверь, только зверь мыслящий, и мыслительность его направлена прежде всего на удовлетворение своих желаний, амбиций, обычного чувства голода и природной установки на продление рода. Когда на земле народу станет настолько много, что ничего из этого большинство удовлетворить не сможет, тогда в действие вступит закон естественного отбора сильнейших, все слабые погибнут, и никто не станет их спасать, потому что это вновь поведет к бесконтрольному размножению слабых, больных и просто уродов. Жить должны исключительно сильные прагматики. А из них оставаться наверху сильнейшие.

Осевкин, проснувшись, лежал, прислушиваясь к тишине, царящей вокруг него, и мысли сами текли в его голове, выстраиваясь в петляющие ряды. Так, по крайней мере, ему казалось. И он не впервой подумал, что надо бы эти мысли записывать, чтобы на стрости лет посмотреть на себя, нынешнего, с вершины накопленных знаний и мудрости и проверить, в том ли направлении эти мысли шагали. Он знал, что мысли эти изначально навеяны ему Нескиным, но лишь потому, что тот значительно старше его и, следовательно, более опытен.

Потянуло прохладой из окна, и Осевкин догадался, что кто-то открыл дверь в его спальню. Он сунул руку под подушку, холодная рубчатая сталь плотно легла в ладонь. Лежа под балдахином, он смотрел на проем двери, прикрытый портьерой, ожидая того, кто осмелился без вызова войти в его спальню.

Портьеры чуть шевельнулись, раздвинулись, и он увидел испуганное и заранее виновато улыбающееся лицо своей жены.

— Тебе чего? — спросил он.

— Я подумала, — пролепетала та, — что тебя нет и нет... Подумала: мало ли что...

— Ну и дура! — произнес Осевкин. — Я буду жить долго. Еще тебя, дуру, переживу.

— Нет, я просто так, — залепетала она. — Я ни о чем таком не думала.

— Тебе и не надо думать, — произнес Осевкин, вынимая руку из-под подушки. Затем откинул легкое одеяло, взмахнул в воздухе ногами, совершил плавный взлет, оказался на ногах, мускулистый, как дикий зверь, наделенный человеческими чертами.

Зеркала отразили его обнаженное тело, Наталья смущенно хихикнула, и отступила за портьеру: ее муж давно не пользуется ее телом, и от этого Наталья чувствовала себя обделенной.

Глава 37

Ранним воскресным утром, едва солнце оторвалось от зубчатой стены леса, старенькая, но хорошо сохранившаяся «Волга» выехала из города и направилась по шоссе в сторону озера Долгое. За рулем машины сидел Алексей Дмитриевич Улыбышев, на заднем сиденье разместились чета Сорокиных: Артем Александрович и Нина Петровна. У мужа было растерянное выражение лица, у жены сердитое. Их разделяли па-

кеты и сумки с продуктами, которые пойдут в общий котел отряда «Поиск».

Нина Петровна все еще переживала признание своего тихони-мужа в совершенном преступлении, которое он преступлением не считал, и только страх, как она полагала, перед разоблачением толкнул его на это признание. И она, ошарашенная, не сдержалась и наорала на него, что случалось с ней крайне редко, наорала именно за то, что он, ее муж, не подумал о последствиях, которые могли обрушиться на его жену, не последнее, между прочим, лицо в этом городе, на их детей, на него самого. Больше всего ее возмутило, что он даже не посоветовался с ней, прежде чем решиться на такой поступок, и молчал до сих пор, следовательно, не доверял ей, чего-то опасался. Уж она дала волю своему языку, обзывая мужа самыми последними словами. Она проклинала тот день и час, когда решилась выйти за него замуж, призналась, что всю жизнь мучается с ним, таким остопом, что могла бы стать женой более достойного ее человека, забыв, что в пору своего девичества буквально разметала всех девок, которые увивались вокруг бравого спецназовца-десантника, грудь которого была увешана значками и медалями, а больше всего потому, что не пьет, не курит, работая до такой степени, что оторвать его от какого-то дела и заманить на танцульки было не так-то просто.

Много чего выплеснула на голову своему безропотному мужу Нина Петровна, мечась по спальне в одной рубашке, заламывая руки и время от времени хватаясь за голову, чаще всего представляя, как она явится после отпуска на работу, и как ее встретят: наверняка даже не пустят в ее собственный кабинет.

А еще Нина Петровна, при всем своем здравомыслии, никак не могла взять в толк, как это ее тихоня-мужик мог вляпаться в такое опасное дело. Конечно, Осевкин — действительно паскуда, и это словечко, начертанное на гаражах и ставшее достоянием всего города, твердо за ним закрепилось, вызывая у одних злорадство, у других одобрение, у третьих опасение, что все это может каким-то образом ударить и по ним, не имеющим к данному делу никакого отношения. Более того, осуждая скаредность хозяина ФУКа, Нина Петровна сама была втянута в различные махинации с бюджетными деньгами, недвижимостью, землей и вообще всем, что могло давать доход и от чего можно отщипнуть хотя бы кроху. И считала это в порядке вещей. Как считала в порядке вещей, когда каждый, кому нужно было подписать какую-нибудь бумагу, незаметно совал ей конверт с денежными купюрами в соответствии с негласно установленным тарифом за

те или иные услуги. Да и как бы она смогла удержаться на своем месте, если бы поступала иначе? Ее либо выгнали бы с занимаемой должности, либо зарыли где-нибудь в лесу. Да и кого стесняться, если нынче берут все? Чиновник — за то, что ему положено делать по должности и в установленные законом сроки; врач — за то, что ты купишь лекарство в той аптеке, которую он тебе назовет, и потребует оплаты за предоставление врачебных услуг; торговец берет, завышая цену товара в разы; издатель заплатит автору гроши, остальное положит в карман; полицейский не станет искать преступника, придерется к пустяку, возьмет штраф наличными... — и так везде и во всем. А в результате всех этих притягательных соблазнов и сопутствующих им опасностей в среде чиновничества и служивого люди сложилась философия, оправдывающая подобное отношение к делу. Уж если Осевкин, Нескин, тем более братья Блюментали и им подобные, сумели хапнуть столько, сколько смогли унести и переварить, и не понесли за это никакого наказания — более того, их воровство было узаконено и признано морально оправданным — то и они, кому приходится подбирать всего лишь крохи, на которые не обратили внимания будущие олигархи, не должны подлежать осуждению. Что же касается примитивного воровства — так это ж совсем другое дело, и отношение к нему тоже должно быть другим. Для того и существует нынешняя полиция, которая должна следить за теми, кто лазает в форточки, угоняет машины, залезает в карман честного гражданина и крадет его личный кошелек, кто насилует в подъездах несовершеннолетних дочерей, убивает безвинных старух и стариков... Да мало ли всяких подонков, которым место только за решеткой и нигде больше!

Одно только удручало Нину Петровну: деньги, которые ей доставались в силу ее служебного положения, она отчаянно боялась тратить, держала в разных московских банках, договора и сберкнижки хранила тоже в разных потайных местах, и тоже боялась. Боялась, что какой-нибудь из банков обанкротится, что кто-то прознает про ее вклады, а более всего, что прознают в ее семье, каким образом она эти деньги приобрела. Как она после этого будет смотреть в глаза своим детям? Какие слова скажет себе в оправдание? Что подумает или даже скажет Артем, ее волновало меньше всего. Но что скажет заряженный на справедливость Сережка? Или семнадцатилетняя Надюшка? И откуда они набрались идиотской наивности, не отвечающей жестоким законам нынешней действительности? Всё, скорее всего, идет от школы, от ее директора-идеалиста. А давно ли Нина Петровна сама

училась у Лукашина, давно ли она искренне полагала, что ее детям повезло, потому что у них такой директор и такие учителя? И вот к чему эти учителя во главе с директором привели ее детей, и еще не известно, какие беды сулит им это в будущем, если учитывать, что страна катится в такую прорву, где каждый каждому может стать заклятым врагом. Послушать того же сына Сережку, который все более сторонится своей матери, будто чувствуя в ней какой-то тайный порок, так всех воров вроде Осевкина надо стрелять, как их стреляют в Китае, или вешать вдоль дорог, как в Древнем Риме, тогда бы в государстве установились законность и порядок.

И теперь, когда они ехали в лагерь, где находились ее дети, да и всю предыдущую ночь, Нина Петровна ломала свою многомудрую голову в поисках выхода и не видела даже малюсенькой щелки, в которую можно было бы пролезть, чтобы избежать возможной беды. Бежать, бросив все, но куда? От Осевкина не убежишь.

И тут, глядя на стриженный затылок Улыбышева и сопоставив частые встречи своего мужа с ним, особенно в последнее время, и саму эту бессмысленную поездку, Нина Петровна вдруг догадалась, что с этим делом как-то связан и бывший чекист, о котором в их среде поговаривают, что он осел в Угорске не просто так, а с какой-то целью, хотя на поверхности лежало самое простое объяснение: он родился в этом городе, здесь у него жили отец с матерью, здесь его дом. Но то, что на виду, еще не значит, что это и есть главная причина.

«Боже мой! Боже мой! Мозги вывернешь наизнанку, а толку никакого», — металось в отчаянии все существо Нины Петровны, замирая в те мгновения, когда в зеркале замечала внимательный взгляд Улыбышева. И постепенно в ее голове зрело решение, а не намекнуть ли мэру, что так, мол, и так, а муж мой всего лишь слепое и глупое орудие в руках пронырливого кагэбэшника? И пусть они с ним разбираются, а ее дурака-мужа оставят в покое... Но, увы, не мэр решает такие дела. И даже не начальник полиции Купчиков. А исключительно Осевкин.

Не доезжая до озера и расположенных вдоль него дач местной элиты, машина свернула на другое шоссе: с потрескавшимся асфальтом, с колдобинами, наполненными водой после вчерашнего дождя.

Глава 38

Возле казармы, приспособленной под жилые помещения для детей, уже стояло не менее десятка машин. Дети еще спали. Из открытых окон на первом этаже, затянутых сеткой,

прохладный утренний ветерок доносил запахи молока, печеного хлеба, подгорелого масла, звон ножей и кастрюль. Вокруг машин гудели голодные комары, поджидая свои жертвы.

— И как они тут живут? — вздохнула Нина Петровна, не вылезая из машины, размазывая на щеке комара, успевшего залезть в салон машины, едва была приоткрыта одна из дверей.

— Так и у нас не меньше, — откликнулся Улыбышев, глянув вприщур на женщину.

— Что ни говорите, Алексей Дмитриевич, а у нас меньше, — сердито возразила Нина Петровна, привыкшая, что за ней всегда последнее слово.

— Разве что на одного комара, — усмехнулся Улыбышев, хорошо знавший жену Сорокина и не без оснований предполагавший за нею то, что она так тщательно скрывала даже от своих близких.

Еще в ту пору, когда он только появился в Угорске и стал оформлять на себя доставшийся ему после смерти родителей в наследство дом и участок, он столкнулся с Ниной Петровной Сорокиной, тогда еще просто бухгалтером городского хозяйства, и понял, что без взятки не обойтись. Однако Алексею Дмитриевичу в его тайной и явной жизни брать взятки, а тем более давать, не приходилось, и он пошел проторенной дорожкой — показал свои документы, которые у него в той неразберихе, в каковой происходил разгром властных структур, не успели отобрать в отделе кадров ФСБ. Красная книжка с двуглавым орлом подействовала на чиновников решительным образом, и документы на владение домом и участком земли были оформлены в относительно короткие сроки без всякого подмазывания.

Алексей Дмитриевич, привыкший в своей прошлой жизни сталкивать лбами разных людей с разными интересами, решил, что было бы неплохо показать Нине Петровне, какво оно, когда над тобой занесен топор. Из всего этого вполне мог получиться конфликт, обязанный разделить городские власти на два лагеря, борьба между которыми может отвлечь их от такого, в сущности, незначительного происшествия, как несколько дерзких надписей. Не исключал он и того, что его тоже могут втянуть в этот конфликт, и заранее готовил пути, как к отступлению, так и к нанесению новых ударов.

Ни словом не перекинувшись ни с Артемом Сорокиным, ни с его женой, Алексей Дмитриевич догадался по одному виду, какая бурная сцена произошла между супругами, в которой Нина Петровна наверняка играла решающую роль, и теперь незаметно наблюдал за обоими, стараясь понять, как развернутся события дальше.

Неожиданно запела труба, да так звонко, что Нина Петровна, погруженная в свои мысли, вздрогнула.

Захлопали дверцы машин, из них полезли женщины и мужчины. В окнах второго и первого этажей замелькали детские лица, руки, взлетали одеяла: шла уборка постелей. Гулкие звуки, рожденные топотом множества ног и голосами, наполнили здание. Через некоторое время, точно пламя из цистерны с бензином, вырвалась из дверей здания разновозрастная толпа мальчишек и девчонок, одетых в армейскую униформу, и громкими криками, визгом, хохотом взорвалось до этого сонное пространство.

Радио скомандовало построение на плацу. Команду подхватили командиры отрядов. Дети — от десяти лет до шестнадцати — бежали к стадиону, на бегу окликая своих родителей и приветственно маша им руками. Там, между футбольными воротами, баскетбольными щитами, беговыми дорожками и скамейками для зрителей, они шумно растекались по заранее отведенным местам, формируясь в маленькие колонны.

И вместе с ними туда же протрусил и директор школы Лукашин Филипп Афанасьевич. В таком же полувоенном костюме. И встал в ряду со всеми.

Зазвучала веселая музыка, детские голоса выговаривали из серебристых репродукторов, развешанных на столбах: «Ну-ка, ветер, гладь нам кожу, обдувай нашу голову и грудь! Каждый может стать моложе, если ветра веселого вдохнуть!». И на фоне этой музыки чей-то решительный голос командовало: «Раз, два — наклон влево! Три, четыре — вправо! Выше голову! Дышать равномерно! И еще раз... начали!».

«Хорошо-то как, господи!» — воскликнула про себя Нина Петровна, пораженная этими естественными картинами, виденными ею не впервые, так не вяжущимися с ее страхами.

Перед завтраком дети окружили своих родителей, разбирали гостинцы, тащили в здание пакеты. Подбежали Сергей и Любаша.

— Вы же не собирались сегодня! — удивлялась дочь, чмокая родителей в щеки.

Сергей степенно пожал руку отцу, затем Улыбышеву, принял поцелуй матери.

— Как тут у вас, все в порядке? — спросил старший Сорокин.

— Нормально. А что? — вскинул голову младший.

— Да так, ничего особенного, — ответил Артем Александрович и глянул на жену. Но та была занята дочерью.

Выручил Улыбышев. Взяв подростка под локоть, отвел в сторону, заговорил:

— Сережа, им известно все. Или почти все. Имей это в виду. Ты уже взрослый парень и должен понимать, что существует определенная опасность. В том числе для тебя лично. Пока чисто теоретически. Но надо быть готовым ко всему. Мы, разумеется, примем меры, предупредим Филиппа Афанасьевича, но он за всеми уследить не сможет. Мой тебе совет: никому не верь, даже знакомым, если кто-то предложит куда-то поехать или пойти. Тем более от имени родителей. Любаше ничего говорить не надо, но присматривать за ней — твоя обязанность. Тебе все ясно?

— Да, Алексей Дмитриевич. Я все понял. Но если им нужен я, то мне лучше отсюда уехать с вами. А то сами знаете...

— Мы над этим подумаем, — пообещал Улыбышев, подивившись здравомыслию пятнадцатилетнего подростка. — А пока иди. Мы здесь побудем какое-то время.

И Сергей, крепко взяв Любашу за руку, в другой руке неся пакеты с гостинцами, скрылся внутри здания.

— Ну что ж, давайте позавтракаем и мы, — предложила Нина Петровна, беря инициативу в свои руки. В голове ее возник план.

Глава 39

Николай Афанасьевич Лукашин возвращался из поездки на самый дальний участок своего лесничества. Он дремал в седле, клонясь к лошадиной гриве, время от времени вскидываясь и выпрямляясь, когда лошадь, беспородная бурая кобыла-четырёхлетка, останавливалась перед упавшей поперек тропы лесиной или оступалась, бредя по залитой водой низине. В таком случае он машинально оглядывался в поисках межевых столбов, но редко они попадались ему на глаза. Впрочем, Николай Афанасьевич особенно не беспокоился, уверенный, что лошадь и собака сами найдут дорогу к дому.

С тех пор, как лесников и егерей сократили до минимума, расширив границы их участков в несколько раз, зачастую объединив их должности, не прибавив при этом ни копейки жалования, браконьерство расцвело таким пышным цветом, что стало не только бесконтрольным, но и смертельно опасным для охранителей лесов и их обитателей. Громадные участки лесов были розданы в аренду под санитарную рубку, почти без всякой ответственности для арендаторов. Многие лесники пошли на сделку с новоявленными хозяевами леса, опасаясь за жизнь своих близких, пытаясь избежать таким образом безденежья и нищеты. Но Николай Афанасьевич на сделки не шел, был неумолим и даже жесток по отношению к

злостным нарушителям расплывчатых законов, призванных охранять народное — будто бы — достояние. В него уже не раз стреляли, но то ли стрелки оказались мазилами, то ли выстрелами пытались всего-навсего застрашить несговорчивого службиста. Да только Николай Афанасьевич, прошедший суровую школу заключения среди бандитов и воров, будто утратил спасительное чувство страха. Более того, он испытывал необходимость в постоянной опасности, она скрашивала его одинокое существование, наполняя его смыслом, горячила кровь, давая шанс отомстить нынешней системе за безвинное осуждение и бессмысленно потраченные годы. Более того, он, как ни странно, оказался очень приспособленным к такой жизни, хотя в прошлом не был ни охотником, ни рыболовом. Родившись в маленьком городке, окруженном лесами и болотами, он тонко чувствовал лес в любое время года, суток и при любой погоде, быстро усвоил повадки его обитателей. И звери чувствовали это, судя по тому, что ни разу не проявили по отношению к нему повышенной агрессивности.

Найда бежала чуть впереди лошади, иногда вдруг молча кидалась в лесную чащу, тревожа выводки рябчиков, и быстро же возвращалась к своему хозяину, виновато помахивая лохматым хвостом. Вся надежда у Николая Афанасьевича на свою умную, все понимающую собаку, которая за версту учует чужака и предупредит своего хозяина об опасности.

Но на этот раз Николаю Афанасьевичу пришлось столкнуться с таким, с чем до этого сталкиваться не приходилось: в северной части его участка вдруг ни с того ни с сего загорелся лес — и сразу с четырех сторон. Ясно, арендаторам лесного участка, наполовину состоящего из корабельной сосны, понадобился предлог получить древесину, и получить практически задаром, то есть по цене леса, идущего на дрова. Поджог устроили гастарбайтеры, поселившиеся в бараках на берегу речки, но не по своей воле, разумеется, а хозяина. Им то что: велели — сделали, за что и получили деньги, хоть и небольшие. И Николай Афанасьевич, уже не раз пробовавший усостить арендатора Петьку Клещеватого, когда-то работавшего на деревообрабатывающем комбинате снабженцем, решил действовать своим методом: ночью он незаметно подкрался к стоянке трелевочных тракторов и поджег бочки с соляркой. На этот огонь, когда он разгорелся весьма основательно, собрались все жители поселка. Метались старшие, командуя бестолковыми рабочими, пытаясь с помощью бульдозера завалить землей горящие бочки, шарахались люди от взрывов, галдели, размахивали руками, не решаясь близко подходить к огню.

И тут вдруг крик: «Горим!». Все обернулись и увидели, что горят бараки со всем их барахлом, бензопилами и прочим инструментом. Все кинулись туда, но было поздно: сухие бревна, из которых были сложены эти бараки, крыши, покрытые драньем — все это вспыхнуло порохом, дружно и сразу со всех сторон.

Только во второй половине дня Николай Афанасьевич объявился на пожарище, принялся снимать допрос и писать протоколы по поводу исключительно лесного пожара, который, слава богу, потушила пронесшаяся ночью над лесом гроза и мощный ливень. Но гастарбайтеры лишь пожимали плечами, делая вид, что не понимают, о чем идет речь, а те, которые понимали, тоже пожимали плечами, доказывая, что днем они работали на санитарной рубке, а пожар начался, когда стемнело, а почему начался, не знают.

Ближе к вечеру на месте пожарища появился и сам Клещеватый. Он обошел свое разоренное гнездо, под конец подошел к Николаю Афанасьевичу, спросил, глядя ему в глаза своими наглыми белесыми глазами:

— Это, случаем, не твоя работа, Афанасич?

Николай Афанасьевич глянул на него с презрением и, вместо ответа, сплюнул.

— Смотри, Афанасич, доиграешься, — пригрозил Клещеватый.

— Не пугай — пуганый, — огрызнулся Николай Афанасьевич, затем, собрав бумаги, сел на лошадь и уехал. Пусть Петька почешется, пусть повертится, а то привык, подлюга, все хапать да хапать, не думая о том, как это отзовется на будущем лесов и всей природы.

Ночь Николай Афанасьевич провел у костра на берегу реки. Неподалеку, привязанная к колу длинной веревкой, паслась на поляне лошадь, слышалось ее фырганье и хлесткие удары хвоста по крупу. С недалекого болота доносились утробно булькающие взмыкивания выпи. На опушке леса время от времени начинал хохотать филин. Огонь облизывал армейский котелок, висящий над костром, дрова стреляли горячими углями. Над рекой поднимался туман. Небо ярко светилось мириадами звезд, гудели комары. Среди звезд, пульсируя огнями, беззвучно летел самолет. Рядом поскуливала во сне Найда. Николай Афанасьевич дремал, сидя на чурбаке. В лесу он почему-то не мог спать так же беспечно и беспробудно, как в избе. И не потому, что опасался нападения человека или зверя, а неизвестно почему. То ли ночь как-то действует, то ли костер, то ли звуки лесные, то ли мерцающие из недосыгаемой бездны звезды, то ли опасности, под-

стерегавшие его днем, начинали звучать тревожными шорохами и маячить крадущимися теньями, то ли мысли о прошлом, паскудном настоящем и неясном будущем — трудно сказать. Едва провалившись в дрему, он тут же, встрепенувшись, ловил ускользнувшую нить размышлений, и все как-то ни о чем конкретно и обо всем сразу, иногда даже и не словами, а картинками из далекого и недавнего прошлого, картинками молчаливыми, как бы с выключенным звуком. И так это тянулось до самого рассвета.

Очнувшись от дремы, Николай Афанасьевич долго тянул горячую терпкую жидкость из алюминиевой кружки, настоянную на разных травах, запивая ею сухари с вяленым мясом косули, вслушиваясь в звуки просыпающегося леса.

Солнце еще не встало, а он уже качался в седле, отдавшись на волю Найды и лошади.

Чем ближе к дому, тем резвее бег лошади. Вот Найда нетерпеливо взвизгнула, и Николай Афанасьевич увидел не раз меченный ею межевой столб с цифрами 1/13. Вон за той раскисстой сосной будет поворот налево, болотистая лощина с ленивым ручьем, а за ней лесничество, к которому на машине не проедешь, не зная потайной дороги через болото, потому что все остальные дороги, когда-то проезжие, за два с лишним десятка лет безвременья заросли кустарником и молодыми елками. Николай Афанасьевич не трогал молодую поросль и бурелом, отгородившись ими от остального мира. Да и бесполезно трогать: одному с буйством природы не справиться, тем более, что это не самая главная обязанность лесничего. А лесному начальству из новеньких, мало что понимающему в жизни леса, совершеннейшим образом наплевать, как живет и служит их подчиненный.

День только-только разгорался. Издалека послышался громкий лай Ратмира, учуявшего своего хозяина. Ему ответила радостным лаем и повизгиванием Найда. Все как всегда. С той лишь разницей, что в лесничестве его должен ожидать Пашка. Он всякий раз рвется в поездку вместе с отцом, но ехать на одной лошади вдвоем невозможно, а пешком... К тому же почти любая поездка грозит опасностью, и подвергать ей сына он не имеет права. Слава богу, и на этот раз обошлось, но никто не знает, что ожидает их завтра.

Первое, что увидел Николай Афанасьевич открыв ворота и заводя в них лошадь, хотя обычно ворота открывал Пашка, так это два велосипеда, приткнувшиеся к стене возле крыльца. И тут на крыльцо вышел сам Пашка, а из-за его плеча выглядывала темноволосая головка дочки мэра Чебакова. Оба выглядели растрепанными и смущенными.

«Вот те раз!» — с изумлением подумал Николай Афанасьевич, но подумал как-то отвлеченно, не называя словами то, что стояло за его изумлением. Он сделал вид, что ничего не заметил, и не выговорил сыну за то, что тот прозевал возвращение отца.

— Здравствуйте, дядя Коля! — первой опомнилась Светка. И, выступив вперед, как бы прикрыв своим телом Пашку, затараторила: — А мы вчера ходили по грибы... Грибов — про-орва! Но много червивых. Устали-и! Пришли, поели и уснули. Вот, Рагдай залаял, я Пашку трясу, а он не просыпается. — И глянула на Николая Афанасьевича невинными глазами изнеженной кошки.

— Ничего, бывает, — произнес Николай Афанасьевич, и тут же велел Пашке: — Расседлай Ключку, отведи на конюшню и дай воды. Сходи потом к осинникам и накоси травы. А я баню натоплю. С едой-то как у нас?

— Картошки я наварил, — оживился Пашка. — И грибы мы почистили. И травы вчера накосил. И воды в котел налил. Если хочешь, я сам растоплю баню. А поесть — в ларе: пирожки, колбаса, сыр.

— Пожалуй, растопи. Устал я что-то, — согласился Николай Афанасьевич, как бы не обратив внимания на сообщение об откуда-то взявшихся съестных припасах.

Он разулся на крыльце, развесив на перилах сопревшие портянки, прошел в избу, заглянул в Пашкину комнату: постель была убрана, но как-то небрежно, второпях. Обычно Пашка убирает ее очень тщательно и аккуратно, чтобы все было ровненько и нигде ничто не висело — привычка, приобретенная в отряде «Поиск». А тут...

Николай Афанасьевич покачал головой, подумав, что в его время в пятнадцать лет любовь не крутили, хотя, конечно, влюблялись и даже целовались, но не более того. Видать, у каждого времени свои манеры.

Глава 40

Николай Афанасьевич прошел в свою комнату, лег поверх одеяла, некоторое время смотрел в потолок, думая о том, что надо все-таки будет решить и свой личный вопрос: развестись с женой и забрать сюда Варвару, которая недавно развелась с мужем и на которой надо было жениться в самом начале — после окончания института. Увы, все мы задним умом сильны.

А Варвара... Она, оказывается, и сама считала, что не за того вышла замуж. Не стала ждать Кольку Лукашина, уехавшего учиться в Ленинград, не зная, какие у него на нее пла-

ны: ни открытки к празднику, ни письма, будто и не было тайных встреч десятиклассника с восьмиклассницей и робких поцелуев. И вот миновали годы. Колька вернулся в Угорск с семьей и детьми, заделался большим — по местным меркам — начальником и на нее, Варвару, ноль внимания. А потом... потом все начало рушиться. И не только у него, но и у нее. Потом был суд — и Николай исчез на целых четыре года. Странно, она ждала его из заключения так, как могут ждать только самого близкого человека, и втайне радовалась, что жена Николая таким ожиданием не страдает: она уже через полгода вела себя так, будто ей дали вольную. Может быть, именно поэтому семейная жизнь Варвары начала трещать по всем швам. Дети росли, муж удалялся от нее, время шло, жена Николая спуталась с его бывшим замом, потом запила, потом... потом вернулся Николай и пропал в лесах и болотах, почти не показываясь на люди. А Варвара все чего-то ждала и ждала. И однажды она неожиданно для себя самой оказалась рядом с лесничеством, оправдывая перед собой и Николаем свое появление тем, что будто бы заблудилась, бродя по лесу в поисках грибов — это за двадцать-то километров от дома. И он ей поверил. Или сделал вид, что поверил. И, похоже, даже не обратил внимания на то, что она так легко согласилась остаться у него на ночь. И будто не было прожитых лет, будто к ним вернулась нерастратенная юность. И все разговоры в эту бессонную ночь только и были о том прошлом, в котором они потеряли друг друга. Но не было произнесено ни слова о завтрашнем дне, оба старательно обходили эту тему.

Во второй раз она уже не оправдывалась, а с порога заявила, что соскучилась — вот и пришла. И жила у него несколько дней. И даже предложила, смехом прикрывая свое смущение и страх:

— Женись на мне — я теперь свободна. А то мне одной скучно. Да и тебе, небось, не весело.

— А школа?

— А что школа? Сейчас в школе учитель мало что значит: одни компьютеры. Четыре вопроса — угадай правильный ответ. Не экзамены, а сплошное шоу, — говорила Варвара, все более возбуждаясь: видать, наболело. — Русский язык и литература уже не являются обязательными предметами. История — тоже. Они хотят наш народ превратить в стадо баранов, не помнящих ни своих корней, ни своей истории, ни культуры, чтобы легче было им управлять. Я не собираюсь им в этом помогать, — закончила она, упрямо сжав губы.

— Но вот, скажем, математика, — решил уточнить Николай Афанасьевич, далекий от школьных проблем. — Тебе она

нужна? И девяноста девяти процентам женщин, и уж не знаю, какому проценту мужчин, она не нужна тоже. Во всяком случае, высшая математика. А также физика и химия. У меня жена, например, считала, что закон Ома — это так, выдумка бездельника, и когда я ей объяснял, что одновременно нельзя включать столько электроприборов — сеть не выдержит, она смотрела на меня, как на какого-то дурачка: как это — не выдержит? А для чего тогда столько розеток? А кому-то не нужна ни литература, ни история, — заключил он.

— Ну что ты такое говоришь, Коля! Просто удивительно! — возмутилась Варвара. — Да, мне ни математика, ни физика, ни химия не нужны в практической жизни. Но знание их основ на мое общее развитие, так или иначе, повлияло. Во всяком случае, я не открываю от изумления рот, как моя бабушка, закончившая всего четыре класса, когда речь идет о каких-то физических или химических процессах, происходящих вокруг нас. Незнание основ точных наук для нормально развитого человека ведет к чертовщине и прочим мерзостям. А в церковь идут — от безысходности.

— Но разве в церковь идут только малограмотные люди? — не сдавался Николай Афанасьевич, больше из желания уяснить, в какой степени вредны нынешние преобразования. — В церкви нынче кого только нет. И врачи там, и физики, и лирики. Я уж не говорю о политиках. Эти пойдут куда угодно и за кем угодно, лишь бы оказаться на виду.

— В церковь люди идут потому, Коленька, что они потеряли после всех пертурбаций в нашей несчастной стране жизненную опору. Нынешние условия жизни лишают человека не только нравственной опоры, но и веры в человека вообще. То, что раньше считалось хулиганством и дальше заборов не шло, нынче признано искусством. Одни творят подобное искусство по глупости, другие по злобе, третьи потому, что на лучшее они не способны. В любом случае эти ублюдки плюют в душу нашего народа и получают от этого удовольствие, как педофил от убийства изнасилованного им ребенка. Раньше за подзаборное творчество штрафовали или давали пятнадцать суток, нынче присуждают премии, расхваливают на телевидении и в газетах. И неудивительно, если иметь в виду культурный уровень нынешних властей. Все, что раньше копилось на дне, в затхлости и крошечной темноте, все это всплыло на поверхность и заявляет свои права на лидерство... — Варвара осеклась, и с недоумением посмотрела на Николая Афанасьевича, лицо которого, заросшее бородой, расплывалось в неудержимой улыбке. — Прости, но я не понимаю, чему ты улыбаешься! — воскликнула она.

— Извини, пожалуйста, — прижал руки к груди Николай Афанасьевич. — Но... но ты восхитительна. Я люблю тебя тобой. Я вообще не понимаю, что со мной происходит, когда ты вот так взволнованно говоришь!

— Извини, мне показалось... — тихо произнесла Варвара. — Я, наверное, забываюсь.

— Нет-нет! Что ты! — испугался Николай Афанасьевич и сделал движение к Варваре, но остановился, наткнувшись на ее ожидающий чего-то другого взгляд. — И хорошо, что забываешься. Я представляю, как, должно быть, слушают тебя ученики. Небось, рты не закрывают.

— Ах, всякое случается: и не закрывают, и не открывают, — всплеснула руками Варвара. — Я не об этом. Я подумала, что тебе мои разговоры совсем не интересны.

— Что ты! Совсем наоборот! Я хочу только заметить, что эти, власти предрержащие, учились вместе с нами, — напомнил Николай Афанасьевич.

— Именно поэтому, Коленька! Именно поэтому! — воскликнула Варвара, возвращаясь к прерванному разговору с прежним азартом. — Эти люди не чувствовали потребности в Толстом и Лермонтове, в Маяковском и Шолохове, и поэтому возненавидели настоящее искусство за то, что его им, как они утверждают, навязывали, пытаясь сделать их культурными людьми. Поэтому они слишком хорошо знают, чем была сильна старая школа, которая возглашала: «Человек — это звучит гордо!». Им не нужны гордые люди, Коленька! Им нужны холопы. Среди нашей так называемой правящей элиты слишком много развелось двойников приснопамятного академика Лысенко. Тот проповедовал псевдонауку, презрев законы природы, эти разводят развесистую клюкву, которой и без того полно на наших российских болотах — в прямом и переносном смысле.

Варвара остановилась в двух шагах напротив Николая Афанасьевича, пытливо заглядывая в его глаза, точно он был учеником, не выучившим урок. Глаза ее потемнели, фигура, не потерявшая своей статности, вытянулась в струнку, лицо горело, грудь дышала глубоко и часто, голос дрожал. Казалось, что она вот-вот заплачет, сообщая о вещах обыденных, но потрясающих ее сознание, почему-то не замеченных ее возлюбленным:

— Ты не можешь себе представить, Коленька, что творится в современных семьях! Дети избавляются от библиотек своих родителей, дедушек-бабушек, которые те собирали годами, гордились ими. Они в лучшем случае несут их в городскую или в школьные библиотеки. В худшем случае — на

помойку. И это не потому только, что наступила эра компьютеризации! Нет, нет и нет! Им не интересны ни Пушкин, ни Толстой, ни Чехов, ни Шолохов! Я уж не говорю о других писателях. Они читают убогие книжонки про то, как крутые парни и девчонки делают деньги, а заодно любовь и все прочее. Это уже не люди, способные тонко чувствовать, наслаждаться природой, настоящей музыкой, ценить человеческую дружбу, дорожить семьей. Это зомби, механически исполняющие определенные акты, по своему нравственному развитию вернувшиеся в каменный век. Они поклоняются тряпкам. С такими людьми ничего путного не создашь и не построишь. Они все больше начинают походить на дятлов, которые по весне находят наиболее пригодный сухой сук, из которого можно извлечь наиболее громкий звук. И на эти громкие звуки: в одежде, в поведении, в определенных пристрастиях, летят самки, такие же примитивные, как и самцы. И что самое удивительное — они не терпят тишины! В их ушах обязательно что-то должно выть, визжать, барабанить. Они разучились думать! Они боятся думать! И это как раз та категория людей, которая и представляет из себя так называемый средний класс. Именно о нем более всего на словах печется нынешняя власть...

— Постой, разве мой брат тоже втянулся в эти игры? — снова нахмурился Николай Афанасьевич, перебив взволнованную речь Варвары.

— Твой брат, Коленька, святой человек. Он умеет и в этих мерзких условиях учить детей нужным и полезным вещам. И весь преподавательский состав его в этом поддерживает. А в новой школе — все наоборот. Я, Коленька, очень жалею, что ушла из нашей школы. Поманили рублем, квартирой, свободой выражения личности. Вот я и клюнула... Квартиру, правда, дали, зарплата оказалась не настолько уж больше, чем в нашей школе, а что касается свободы личности, так лучше бы ее и не было. В новой школе учителя не несут никакой ответственности за своих учеников. Ни малейшей! — воскликнула Варвара, точно перед нею стоял министр образования или сам президент страны. — Планы преподавания предмета с них не требуют, тетрадки проверять не заставляют, работать с родителями считается лишней заботой, как подается материал детям, никто не контролирует. Доходит до того, что учителя просто читают на уроке учебник. И на этом все. А наш директор... — ты его должен помнить: Степка Колготкин, учился вместе с нами, только на два класса сзади, — так он каждое утро встречает учеников, дымя сигаретой у всех на виду, встречает неряшливо одетым, таким купчиком вре-

мен Салтыкова-Щедрина. Неудивительно, что в его школе курят почти все ученики, даже девчонки пятого класса, пьют пиво, даже водку, матерятся. Я уж не говорю об учителях. Слышал бы ты, как молоденькие учительницы кроют матом! Уши вянут. Ой, да всей мерзостей и не перечесать! — воскликнула Варвара и зябко поежилась. — И не только потому, что директор сам порядочный мерзавец: устраивает побои с родителей, пристаёт к молодым учительницам и даже к старшеклассницам, но больше всего потому, что школа стала рассадницей так называемого модерна и либерализации с благословения свыше... Я так жалею, что ушла из нашей школы, — повторила Варвара, качнув головой. — А вернуться назад не позволяет гордость. Да и Филипп Афанасьевич не примет тех, кто однажды его предал.

И Варвара отвернулась к окну, обхватив свои плечи руками.

Николай Афанасьевич подошел к ней, обнял и, тоже глядя в окно, за которым ветер раскачивал деревья и пытался оторвать сороку, вцепившуюся в засохшую ветку старого дуба, забормотал:

— У меня такая работа, Варюша, что поехал — и не вернулся. Всякое может случиться...

— А ты ездй осторожненько, — тут же откликнулась Варвара, поворачиваясь к нему лицом и заглядывая в его глаза. — И с людьми не ссорься. Толку-то что от этого? Разве от нас с тобой зависит, рубить лес или не рубить? Ничего от нас не зависит. Это они только болтают, что от нас что-то зависит. А на самом деле захотели они развалить Союз — взяли и развалили, хотя мы голосовали на референдуме против. Захотели разворовать все, что народом создано за годы советской власти, — взяли и разворовали. А теперь не знают, как это воровство остановить. Если вообще хотят это сделать. И ты это воровство, один на весь лес, не остановишь. Потому что таких, как ты, раз-два — и обчелся. А их — тьмы и тьмы. Они и порядочных людей втягивают в эту мерзость, потому что... Да что я тебе говорю! Ты и сам все это хорошо знаешь. Даже лучше меня.

— И что прикажешь: смотреть на все эти мерзости, будто тебя они не касаются? — произнес Николай Афанасьевич с ожесточением, сведя вместе свои лохматые брови.

— А ты уйди с этой должности, Коленька. Давай мы с тобой поселимся здесь, коз заведем, овецек, пасеку, огород. Проживем как-нибудь. Ну их всех в болото! Опротивело мне все это до последней крайности.

«А что, может, и правда, уйти? — подумал Николай Афанасьевич, глядя волосы Варвары. — Ведь тот участок, что

спасла гроза, Клещеватый все равно спалит. Да и на тебя пуля рано или поздно найдется. Так что, как ни крути...». И вслух, продолжая ту же мысль:

— Здесь нам жить не дадут: лесничество за управлением лесного хозяйства числится. Моего здесь — только лошадь да собаки. Но я знаю одно местечко...

Варя подняла голову, ожидая продолжения.

— Да, есть тут в наших лесах болота, а посреди них грива. Там еще во время войны партизаны базировались. Большая грива — гектаров тридцать, если не больше. И заимка там есть, и землянки с тех пор остались... На первый случай вполне пригодятся. А там, глядишь, и что-то новое можно построить...

— Так далеко?

— Все относительно. Не так уж и далеко. Зато никакая сволочь дорогу туда не найдет.

— А вертолет? А вдруг пожар, как в десятом?

— А вдруг с крыши вашего дома сосулька упадет на голову? Волков бояться — в лес не ходить. Да и куда еще податься? В Сибирь? Так это раньше она беглецов спасала от властей, а нынче там тоже не спрячешься. Более того, в Сибири беспредел особенно распространен буквально на все стороны жизни: и от Москвы далеко, и власти чувствуют себя этскими удельными князьками, для которых законы не писаны. А тут все-таки есть на кого опереться. И дети рядом...

Этот разговор совсем недавно произошел. Нервный разговор, однако ни к какому решению он пока не привел. А попробуй, оторви себя от пуповины, к которой прирос всеми своими мослами... Да и Пашка... Как бросить его, такого же наивного и увлекающегося, как и ты сам? Пропадет.

Николай Афанасьевич дремал и видел Варю: как ходит она босиком по комнатам, что-то делает, и так у нее все ловко получается, что остается лишь любоваться да радоваться. И сами по себе в голове всплывают успокаивающие мысли: «Боже, как мало человеку, в сущности, надо: чтобы рядом был другой человек, который хорошо тебя понимает. Пожалуй, завтра-послезавтра поеду на гриву. Посмотрю. Что там и как. Начну приводить в порядок заимку.. И вообще... А там будет видно».

Глава 41

Розалия Борисовна, жена Андрея Сергеевича Чебакова, трясла за плечи своего мужа, приговаривая визгливым голосом:

— Да проснись же ты, наконец, скотина! Нажрался, как свинья, так что не добудишься!

Она шлепала его по щекам, а он только мычал и крутил головой, не желая просыпаться. Тогда она зажала ему нос. Андрей Сергеевич пару раз втянул в себя щеки, не получая воздуха, открыл рот и вытаращил мутные глаза на свою жену, растрепанную, не успевшую наложить на стремительно стареющее лицо слой дорогих кремов и масел.

— Светка пропала! — взвизгнула Розалия Борисовна и завывла в голос.

«Боже, — подумал Андрей Сергеевич, еще не понимая, чего от него хотят, — до чего же у нее отвратительная рожа. Так бы и дал по ней чем-нибудь тяжелым». А вслух спросил:

— Сколько сейчас времени?

— При чем тут время! — опять завизжала жена. — У тебя дочь пропала-ааа! Ты хоть это можешь понять? Или совсем мозги залил водкой?

— Как пропала? — опешил Андрей Сергеевич. — Когда?

— Откуда мне знать, когда? Я знаю, что она не ночевала дома. Звоню, звоню на мобильник — никто не отвечает. Может, она утонула! Может, ее похи-ити-или-иии! — завывла Розалия Борисовна дурным голосом.

— Не выдумывай чепухи! — прикрикнул на жену Чебаков, садясь на постели и растирая лицо обеими руками.

Действительно, вчера они здорово таки поднабрались. Черт его знает, с чего бы это он так потерял над собой контроль? Просто удивительно. Хотя чему тут удивляться! Работаешь как вол, не зная ни выходных, ни проходных. Все время на виду, все время надо держать себя в узде, быть со всеми равным, улыбаться, когда хочется орать и материться, когда знаешь, что не ты являешься хозяином в городе, что надо пресмыкаться не только перед Осевкиным, но даже перед своими подчиненными, которые тоже знают, что ты, собственно говоря, ничто и никто. И каждый норовит тебя лягнуть исподтишка и облапошить. Да и жена тоже пила вместе с ними, только не водку, а эту... как ее?... в общем, какую-то дрянь. И так накачалась, что ее пришлось отправить в ее спальню. А они с журналистом Валерой остались. И продолжили.

Очень, между прочим, толковый малый. Вот бы его на место Угорского в районную газету. Он бы и местное телевидение потянул, и радио, и все остальное. Потому что чувствует размах и широта взглядов на действительность. С таким человеком поговорить — бальзам на тоскующую душу. Главное, он к тебе со всем своим уважением и пониманием твоих необъятных задач.

— Нам бы в Угорск привлечь капиталы из-за границы, — делился своими мечтами с Валерой Чебаков, налегая на стол

жирной грудью. — Представь себе завод по сборке современных машин. Или, скажем, приборов для медицины. А то у нас в больнице рентгеновский аппарат времен Никиты Хрущева, а больше ничего нету для проведения лечения на уровне генной инженерии. Нонсенс! А Осевкин денег на это не дает. Ему что? Ему лишь бы хапать и хапать. Известное дело. Только это, Валерочка, строго между нами, — понижал голос до шепота Чебаков и грозился коротким пальцем. — А то у нас запросто: был человек — и нету... Хах-ха-хах! — Зашелся он в испуганном смехе, понимая, что наговорил лишку. Но тут же, после еще одной рюмки, забыв обо всем, снова пускался в рассуждения, уверенный, что журналист все это изложит в своей статье, и тогда непременно где-то там, на самом верху, заметят и обратят внимание не только на маленький город Угорск, но и на его главу. Опять же, есть установка на развитие бизнеса в малых городах, из которых и состоит большая часть России. И Валера это тоже понимает. А если бы заводик по производству чего-нибудь современного, то от Осевкина можно было бы избавиться.

— А вы не пробовали подать заявку? — перебил Валера сладкие мечтания Андрея Сергеевича, заедая водку красной икрой, и даже чайной ложкой, будто эта икра для Чебакова ничего не стоит. А она очень даже стоит, но не станешь же попрекать человека, от которого ожидаешь положительных результатов.

— Нет, не пробовал, — признался Андрей Сергеевич. — Понимаете, текучка? Текучка — это, я вам скажу, такая штучка, — хе-хе! — что маму родную забудешь. Но самое главное — люди. Для этих проектов нужны умные и знающие люди. А где их взять? То-то и оно. Все умные разбегаются по заграницам, остаются одни дураки и жулики. А с дурака, да еще и жулика в придачу, какой спрос? Никакого. Вот и мучаешься, во все приходится входить самому и всех контролировать, иначе никакого дела не будет. Давеча пошел на станцию... И станция-то у нас всего четыре колеи, а порядку никакого. На путях пустые бутылки, банки из-под пива, пакеты — чего только не валяется! А станция — это, я вам скажу, главные ворота города, по ней проезжающие и приезжающие судят о нашем житье-бытье. А тут кучи мусора! В эту кучу сунет кто-нибудь бомбу — и не заметишь. А рванет так, что все сразу забегают. Толкуешь им, толкуешь, а им хоть бы хрен по деревне. Тяжелый народ, скажу я вам, Валерий... Все никак не запомню вашего отчества...

— Да бог с ним, с отчеством, — отмахнулся Валера, тоже порядочно захмелевший, но еще контролирующей ситуацию,

что для журналиста очень важно. — Вы мне вот что скажите, Андрей Сергеевич: вот у вас Осевкин... Он как?

— В каком смысле? — насторожился Чебаков, пряча глаза за толстые мешки, нависающие над ними и подпирающие их снизу, так что в узких щелках можно было разглядеть разве что снующие туда-сюда темные зрачки.

— Ну, в смысле отношений с трудовым коллективом, — стал разъяснять Валера. — В том смысле, как он решает социальные и политические проблемы на уровне своего комбината. И, разумеется, города... Интересно, знаете ли... Тем более что проблема эта, как известно, глобальная, не в одном Угорске обозначена.

— Ну, как вам сказать, как он решает? Решает. В зависимости от обстоятельств. Тут у него все схвачено. Хозяин, одним словом, — увиливал от прямого ответа Чебаков, пытаясь вспомнить, что он такого уже наговорил про Осевкина. Никак не вспоминалось. Однако надо как-то соответствовать, а то Валера подумает, что мэр — это так себе, пустое место. И Чебаков, понизив голос и наклонившись поближе к Валере, заговорил: — Понимаете, Валера, мы все, так сказать, еще только приноравливаемся к новой системе. Один так, другой этак, третий черт знает как. Что касается Осевкина, то, честно скажу: жадноват. Копит деньги. А куда копит и для чего, непонятно. Было предложение создать в Угорске футбольную команду, чтобы выступала на первенстве области. И чтобы Осевкин ее финансировал. Куда-а там! И слышать не хочет. А мне приходится думать о людях. И не только по должности, но и по человечности. О каждом, можно сказать, индиви-ду-уме, — споткнулся Чебаком на трудном слове. — И о детях, и о рождаемости в том числе, и о той же бабке. Она ж, эта бабка, работала всю свою жизнь, вкалывала, а мы ее бросили, дали пенсию с гилькин нос, и — крутись, бабуля, как хочешь. А у нее — никого. Одна! И силы уже не те. И все ложится на мэра, все на него. Опять же, не стану скрывать: воруют.

— Все? — Спросил Валера, заглядывая в заплывшие глаза мэра.

— Как это — все? — Обиделся Чебаков. — Все — это есть в корне неправильная точка зрения с политической точки зрения, — назидательно произнес он и опять погрозил своим коротким пальцем. — У нас в городе большинство граждан — честные, порядочные люди. Опора, можно сказать, власти, — выставил он палец вверх и с удивлением посмотрел на него. Вдруг сморился и захекал: — На всех не хватает! Кхе-кхе-кхе!

Закхекал и Валера, чтобы поддержать настрой собеседника.
— А Осевкин? — не выпускал он мэра из орбиты своих интересов.

— Осевкин? А что Осевкин? Ну, иногда задерживает зарплату. Штрафует за всякие нарушения. Но, должен сказать прямо: народ относится к этому с пониманием. Не все, конечно, есть отдельные типы, которым сколько ни дай, им все мало и мало... — И, насторожившись: — А что, жаловались на него?

— Да нет, что вы! Я, честно говоря, еще в самые низы не спускался: не успел.

— И не надо спускаться, Валерочка! Что вы там найдете, в этих низах? Ни-че-го! Так вот, надо смотреть шире. Особенно столичному журналисту. Это в нашей газетенке можно понизу шаркать тапочками, а вам — вам не к лицу. Давайте выпьем еще! Выпьем за успешное решение глобальных проблем! Только достаточно глобальные проблемы решают достаточно положительно все, так сказать, остальные проблемы! — воскликнул Андрей Сергеевич, разливая водку по рюмкам.

«Да-а, перебрал я вчера, перебрал, ничего не скажешь, — думал Чебаков тряся перед собой штанами и никак не попадая ногами в нужные места. — Еще возьмет, черт долговязый, и опишет в своей газете, как мы с ним пили водку и о чем разговаривали. У него, поди, и диктофон был включен... Как же это я не сообразил? Ведь что-то в его кармане оттопыривалось! И лазил он туда то и дело. Неспроста же лазил, а наверняка включал и выключал. А делал вид, что за платком. Вот и доверяй после этого людям, — убивался Андрей Сергеевич, будто статья уже появилась в газете и теперь все будут показывать на него пальцем. Пальцем еще куда ни шло. А вот если Осевкин... — И в животе у мэра похолодело. И даже руки вспотели и перестали слушаться. — Однако, — принялся он искать выход из положения, — можно будет сунуть ему несколько тысяч... в рублях... Конечно, в рублях! Не в евро же. Скажем, штук десять. В порядке гонорара. Он и этому рад будет до соплей. Видно же — голь перекатная. Вот только как это сделать? Черт его знает, как это сделать. Надо будет посоветоваться с Ниной Петровной Сорокиной. Баба она умная и пронырливая, ей все нипочем, — решил Андрей Сергеевич. И тут же встрепенулся, вспомнив, что его разбудили по поводу пропажи дочери. И еще вспомнил, что вчера он ее, дочь-то свою, не видел. И даже не вспомнил о ней. А все из-за этого Валеры, черт бы его побрал!».

Вызвав своего шофера и телохранителя по совместительству, человека основательного, из бывших милиционеров, он велел ему опросить всех на предмет, кто видел Светку, когда и где.

— Так она, Андрей Сергеевич, скорее всего, в лесничестве укатила, Светланка-то ваша, — не задумываясь, ответил шофер. — Дружок там у нее, Пашка Лукашин. Сохнет она по нему. Нынче девки созревают рано. Об этом и по телеку говорят. И в школе им все про секс рассказывают. Чтоб, значит, и спид не подхватить, и не забрюхатить. Опять же — интернет. Черте что, прости господи! Помойная яма, да и только! А ребяташки в этой помойке копаются, что-то ищут. И находят, конечно, самую дрянь, которая их уму не под силу.

— Так, говоришь, в лесничество?

— Выдвигаю как основную версию, Андрей Сергеевич. Могут, конечно, иметь место и другие.

— Похищение? — вскинулся Андрей Сергеевич.

— Не исключаю, хотя эта версия весьма сомнительна.

— Это почему же?

— Потому, что достаточных поводов для подобного акта не имеется. Насколько мне известно, вам, Андрей Сергеевич, никто не грозился, вы дорогу никому не переходили, в должниках не значитесь.

— А если выкуп? А если по политическим мотивам?

— Очень даже я сомневаюсь в этих версиях, Андрей Сергеевич. Если иметь в виду ваше финансовое положение и все прочее.

— Что ж, по-твоему, у меня и положения никакого нет? — с обидой в голосе проворчал Чебаков. — Я, между прочим, как тебе известно, не какая-то там сошка.

— Все это так, Андрей Сергеевич, а только дитя крадут, когда дело пахнет миллионами. Что касается политики, так все в городе вами довольны и другого мэра не желают. Уж поверьте мне на слово.

— Тогда так: позавтракаем и поедем, — принял окончательное решение Чебаков.

— В лесничество?

— А куда ж еще? Сам же говоришь, что это основная версия.

— Так туда не проедешь, Андрей Сергеевич. Дороги все заросли так, что разве что на танке.

— А как же Светка туда могла проехать?

— Так на велосипеде же!

— А у лесника телефон-то хоть есть?

— У Лукашина-то? Должно быть, имеется. Только не телефон, а рация. Как же без рации? Да только я номера не знаю.

Надо позвонить Блинкову, его начальнику. Он должен знать. Если не укатил в Москву или еще куда.

— Так звони. Чего ж не позвонил раньше?

— Дак это... А вдруг вы будете против? Мое дело: приказали — исполняй. Я в политику не лезу. Не мое это дело.

— Твое—мое, — проворчал Андрей Сергеевич.

Тут он вспомнил о Нине Петровне Сорокиной и сразу же забыл о дочери. Он вернулся в спальню и оттуда стал звонить Сорокиной на ее мобильник.

Та откликнулась сразу же.

— Как отдыхаете, Нина Петровна? — начал Чебаков издалека. — Никуда не собираетесь?.. Как куда? В Египет, например. Или в Турцию. Мало ли куда... Ну нет и нет. И то сказать: у нас у самих можно хорошо отдохнуть... Это правильно. Совершенно верно... Нет-нет, что вы! Просто так позвонил. Вспомнил о вас и позвонил. Я о всех людях помню, уважаемая Нина Петровна. А об вас — с особым удовольствием. Вы у нас, как сказал поэт, светоч негасимый. Спасибо, спасибо... Вы у меня первый советчик по вопросам финансов... Ах, не скромничайте! Да, вот вспомнил! Я что у вас хотел спросить, нельзя ли нам как-нибудь пересечься?.. Да где вам будет удобно... Лучше всего сегодня... После обеда? Очень хорошо. Так вы в лагере «Поиск»? И как там?.. Нормально? Часа в три?.. Прекрасно! Так я вас перехвачу на перекрестке... Ну да, ну да! Именно там! Именно там!.. Не смею больше задерживать. Взаимно, взаимно...

Андрей Сергеевич отключил телефон и облегченно выдохнул скопившийся в груди воздух. И побрел в столовую завтракать.

Только там он вспомнил о Валере, велел будить его и вести в столовую.

Глава 42

Нина Петровна убрала телефон после разговора с мэром Чебаковым и огляделась. Ни Улыбышева, ни мужа видно не было: после завтрака как ушли о чем-то поговорить с Филиппом Афанасьевичем, так не явились до сих пор. Правда, и ее звали тоже. Отказалась, сославшись на головную боль. С некоторых пор не выносит она внимательного взгляда сквозь сильные очки директора школы. Любое его посещение мэрии — для нее настоящая пытка: дотошный до ужаса. Каждая копейка у него на учете: и куда ушла, и что принесла, а если какая и пропала невеста куда, так это ж целая трагедия. Да и разговоры о детях, об их учебе тоже сводятся к

этим рублям и копейкам, и ты на него смотришь, и кажется тебе, что имеет он в виду исключительно тебя одну, и очень при этом неодобрительно к тебе относится.

Нина Петровна все более сердилась, поглядывая на золотые часики — подарок мужа. Время-то уже третий час, а их все нет и нет. И о чем можно говорить так долго? Когда придут, надо будет как-то объяснить им этот звонок и предстоящую встречу с мэром. И чего ему взбрело в голову? Совсем не подходящее время для частных разговоров.

Артем Александрович, между тем, сидел за столом в небольшом кабинете директора школы Филиппа Афанасьевича Лукашина. Рядом с ним расположился бывший его командир Улыбышев, а сам хозяин кабинета сидел напротив.

Шипел и посвистывал самовар. Гости и хозяин пили чай из фарфоровых чашек, крепко заваренный травами. Запах цветущего луга и лесных полян плавал в небольшом помещении вместе с паром.

Филипп Афанасьевич поглядывал на своих гостей сквозь большие очки, и серые глаза его, увеличенные стеклами, походили на совиные, и так же медленно взмахивали ресницы, а по обширной лысине скакали веселые солнечные зайчики, пробиваясь сквозь листву растущей под окном березы, колышимоной ветром.

Улыбышев только что закончил рассказывать о минувших событиях, имевших место в Угорске и на самом ФУКе, и теперь шурился на директора школы хитрыми щелками глаз, окруженных мелкими морщинами.

— М-мда, — произнес наконец Филипп Афанасьевич, отодвигая от себя пустую чашку и откидываясь на спинку стула. — Задали вы мне задачку, к которой я, честно признаюсь, даже не знаю, как подступиться: уж больно все запутано, и куда ни кинь, всюду клин.

— То-то и оно, — с удовлетворением подтвердил Улыбышев, распуская лучики морщин вокруг глаз. — Я и сам, как человек военный... вернее сказать, бывший военный... не вижу, за какую ниточку потянуть, чтобы развязать этот узел. Разве что разрубить...

— Беда... или, наоборот, счастье мое в том, что я по большей части имею дело с детьми. А если даже с их родителями, то, опять же, в отношении их детей. Здесь у меня вроде бы получается неплохо. Хотя, надо признаться, нынешние времена иногда ставят меня в тупик. Поистине: если Бог решит кого-то наказать, то сперва он лишает его разума. Та элита, что правила нами на протяжении последних десятилетий, лишнее тому доказательство. Интеллигенция, в исконно рус-

ском значении этого слова, исчезает, вырождается. Если этот процесс не остановить, государство наше может развалиться... Впрочем... — Филипп Афанасьевич оборвал свою речь и задумался, подперев голову кулаком. Он смотрел мимо своих гостей, и, казалось, забыл об их существовании.

Кашлянул Улыбышев, заговорил, будто бы нащупывая ускользящую мысль:

— Да, я с вами, дорогой Филипп Афанасьевич, совершенно согласен. Хотя, должен заметить, мой старший сын настолько проникся вашими идеями, вашим мировоззрением, что даже новые веяния их нисколько не поколебали. И это внушает надежду, что еще не все потеряно.

— Да-да! — встрепенулся Филипп Афанасьевич, и глаза его радостно заблестели. — Ваш Игорь — очень цельная натура. Когда он приезжает в Угорск, мы с ним подолгу разговариваем и даже спорим... Да-да! Спорим! — воскликнул он с неподдельным восторгом. — И каждый раз я испытываю ни с чем не сравнимое удовлетворение оттого, что это мой бывший ученик. Но, увы, таких, как ваш Игорь, не так уж много. И самое печальное, что они не пользуются у нынешних властей ни авторитетом, ни, тем более, поддержкой. Нынешние власти, похоже, настроены на продолжение линии дикого капитализма, и такие, как Игорь, да и мы с вами, грешные, им кость в горле. Одна надежда, что время все расставит по своим местам и призовет к служению родине здоровые силы. — И Филипп Афанасьевич, надвинувшись на стол грудью, уставился на Улыбышева и спросил: — Вы знаете, что меня беспокоит? Меня беспокоит, что русский народ дошел до предела, за которым начинается нечто ужасное. Когда-то Достоевский изумлялся, что наш народ, переживший столько потрясений в своей истории, не потерял оптимизма, веры в счастье, и только поэтому не уменьшается численно, а, наоборот, возрастает. Но то было до века двадцатого. Достоевскому не довелось узнать более страшной исторической действительности, а именно: Первой мировой войны, революции, гражданской войны, голода, коллективизации, Великой Отечественной, которые буквально выкашивали русский народ неисчислимыми миллионами. События девяностых, похоже, явились той каплей, которая переполнила чашу народного оптимизма. Он надорвался. Он начал вымирать. Вот в чем ужас нашей действительности, милые мои! И никакие жалкие подачки в виде материнского капитала, по сравнению с фараоновскими стройками, в которые вбухиваются миллиарды, ничего изменить не смогут. Император Веспасиан построил Колизей и тем подорвал экономику Рим-

ской империи, ускорив ее падение. Боюсь, что никакие указы, издаваемые нынешними властями, которые никто не собирается исполнять, не способны решительно повлиять на самочувствие русского народа. Нужно нечто радикальное. Нужно вселить в русский народ уверенность в завтрашнем дне. Именно в русский народ, потому что на нем все держится. А игры в так называемую толерантность только усугубляют эту проблему, лишняя раз доказывая слабость государства перед лицом некоторых народов, живущих по законам средневековья и не желающих от них отказываться. Толерантность хороша между народами близкими по духу, в противном случае она идет в ущерб народу государство образующему. — И Филипп Афанасьевич замолчал, опустив голову.

В открытое окно врывались крики детей, играющих в футбол, шумел ветер листвою берез, на крыше бывшей казармы ссорились вороны, ярко светило солнце. Все противоречило только что произнесенным словам, но трое взрослых людей, ни раз битых и тертых жизнью, в молчаливой задумчивости не слышали ни этих азартных криков, ни шелеста листвы, ни птичьих голосов.

Филипп Афанасьевич поднял голову, виновато улыбнулся.

— Вы не подумайте, что я нечто подобное внушаю детям. Ни в коем случае! — воскликнул он. — Но у каждого из них рано или поздно наступает время задуматься, и я... то есть, простите, и весь коллектив нашей школы старается подготовить их к этому моменту истины, чтобы он не был для них неожиданным. Другими словами, мы готовим их к реальной жизни, но не пассивными наблюдателями, а активными борцами. Увы, не все оправдывают наши ожидания, столкнувшись с омерзительной действительностью, в которой нет места милости к слабому. Жестокость, жестокость непонимания и отчаяния царит в нашем обществе, не зная ни границ, ни пределов. Животных жалеем, а человека третируем, унижаем. По телевизору показывают, как молодежь дубасит друг друга без всякой жалости, забывая иных до смерти. И политики, психологи находят этому оправдание, потому что им это выгодно — направить энергию народа против него самого. Если и дальше пойдет так... — И тут же, как бы вернувшись к действительности, спросил: — Так вы считаете, что Сережу надо забрать в город? А зачем? Мне кажется, здесь ему будет значительно безопаснее. Я уверен, что люди Осевкина не решатся приехать сюда и устроить здесь самосуд. Или нечто подобное. Все-таки здесь есть и их дети. А? Как вы думаете, Артем Александрович? — обратился он к Сорокину.

Тот вздрогнул от неожиданности и виновато улыбнулся.
— Я? Я думаю, что... Дело в том, что мы с женой в отпуске, и они вряд ли решатся...

— Может быть, может быть, — пробормотал Филипп Афанасьевич. — Но если что, сразу же отсылайте его к нам... Впрочем, что значит, если что? Они не имеют права: он же еще ребенок!

И снова Сорокин не нашелся, что сказать на это. Он пожал плечами, и все с той же виноватой улыбкой посмотрел на Улыбышева.

— Дело в том, Филипп Афанасьевич, — заговорил Улыбышев, — что Сергей сам решил уехать с родителями.

В кабинет постучали. Дверь приоткрылась, заглянула девочка лет двенадцати, спросила:

— Филипп Афанасьевич! А вы сегодня будете в нашем отряде? А то мы уже готовы.

— Ах, господи! Совсем заговорился! — воскликнул директор школы, вставая. И, обращаясь к своим гостям: — Вы уж простите меня, но мне надо идти. А что касается Сережи, то пусть будет так, как он решил сам. — И поспешно покинул кабинет.

— Ну что ж, Артем, пошли и мы. А то Нина Петровна небось нас заждалась, — произнес Улыбышев, отставляя в сторону пустую чашку.

Глава 43

Пока Николай Афанасьевич парился в бане, Пашку и Светку захватили утренние заботы, которые для Пашки были обычными, а для Светки в диковинку. Тем с большим рвением она в них погрузилась. Для начала надо было собрать куриные яйца. Конечно, в птичнике оборудованы места для кладок, но куры почему-то с наступлением теплых дней предпочитали откладывать яйца то среди картофельных грядок, то в куче конского навоза, то в лопухах, то еще где. С некоторых пор у Пашки даже выработалась привычка вслушиваться в куриное квохтанье и запоминать место. Если вовремя яйцо не отыскать, то пиши пропало: хорек утащит. Так что едва за Николаем Афанасьевичем закрылась дверь в баню, Пашка повел Светку проверять куриные тайники. Для Светки это было открытие в другой мир, о котором она не имела ни малейшего представления. Она с радостным визгом кидалась к обнаруженному яйцу, такому белому-белому, что просто удивительно.

Затем Светке пришла в голову идея приготовить завтрак. Ей хотелось угодить дяде Коле, который так благодетель-

но к ней отнесся, а она-то боялась, что он возьмет ее, да и выгонит. Еще и накричит. Потому что про дядю Колю на даче говорили разное. В том числе и о том, что он живет как дикий медведь, людей не любит, и люди его не любят тоже. А оказалось все совсем не так.

После долгих споров Светка и Пашка остановились на оладьях, для которых имелось все: и мука, и молоко, и сахар, и соль, и даже питьевая сода. А самое главное — имелась почти целая кринка сметаны, припасенная Николаем Афанасьевичем. Сказано — сделано.

Николай Афанасьевич, распаренный, вошел в избу, когда Пашка водрузил большую сковороду прямо на угли, на которой белели оладьи — одни поменьше, другие побольше, круглые и со всякими закорючками, похожие то на цыплят, то на утят.

— Ух ты! — воскликнул Николай Афанасьевич, разглядывая раскрасневшиеся лица ребят. — Ай да молодцы! А я-то иду и думаю, чем это таким вкусным пахнет.

И хотя его удивление было деланным и не совсем искренним, Светке почему-то оно особенно было приятным.

— Это все Паша! — воскликнула она. — Я, дядя Коля, совсем готовить не умею.

— Ничего, научишься: дело нехитрое, — утешил ее Николай Афанасьевич.

Они сидели за столом, накрытым клеенкой, и уплетали оладьи, намазывая их медом, затем макая в сметану с размятыми в ней ягодами, запивая чаем, настоящим на травах. Светке казалось, что ничего более вкусного она в своей жизни не пробовала. И вообще она чувствовала себя так, будто Пашка и бородатый и угрюмоватый дядя Коля и есть ее настоящая семья. Даже этот дом, с торчащими из пазов между растрескавшимися бревнами клочками мха, большая русская печка, от которой так вкусно пахнет кирпичами и почему-то березовыми вениками, этот некрашенный пол, на котором лежат цветастые самодельные половички, деревянные несколько прогнувшиеся потолки, маленькие окошки с двойными рамами, лавки и табуретки вдоль стен и у большого стола, сколоченного из толстых досок, черная икона в углу.

— Ой, как мне не хочется отсюда уезжа-ать, — жалобно произнесла Светка, оглядывая горницу. — Так бы у вас жила и жила.

Пашка с испугом глянул на отца и, уткнувшись в тарелку, принялся выбирать оладышком остатки сметаны и раздавленных ягод.

— Что ж, оставайся, — спокойно произнес Николай Афанасьевич. Затем спросил: — Твои-то знают, где ты сейчас находишься?

— Ой, ну что вы, дядя Коля! Им это совсем не интересно! Мама только и крутится возле зеркала. Да ходит по поселку от одной подруги к другой. Папа всегда занят. Даже в выходные. К нему все время кто-нибудь приезжает, они запираются в его кабинете и о чем-то все шепчутся, шепчутся...

— Так уж и шепчутся, — усмехнулся Николай Афанасьевич. — Выдумываешь ты все, малыш.

— И совсем даже не выдумываю! — воскликнула Светка, всплеснув обеими руками. — У них всегда какие-нибудь секреты. А разве могут быть секреты, если гласность и это... и прозрачность?

— Ну почему же? Очень даже могут. Потому что на практике любой вопрос сперва лучше всего обсудить в узком кругу с привлечением специалистов. А уж потом выносить его на люди. Толпа не может принимать правильного решения. Потому что толпа состоит из самых разных людей: умных и дураков, знающих и невежд, и просто бузотеров, которым лишь бы поорать. Так что у руководителей, таких, как твой отец, всегда есть и должны быть секреты, то есть вопросы, на которые не найдены единственно правильные ответы... — Николай Афанасьевич помолчал и, видя, с каким интересом его слушают эти слишком рано посчитавшие себя взрослыми дети, продолжил: — Другое дело, когда принимаются решения, заведомо идущие не на пользу общества, а ему во вред. Или на пользу небольшой его части. Тогда — да, тогда шептаться будут всегда, а на люди выносить такие решения, в которых непосвященному человеку разобраться невозможно. Или очень и очень трудно. Потому что это даже и не решения, а действия, скрывающие правду.

— Так я о том же и говорю, дядя Коля! — Воскликнула Светка. — Паша с ребятами написал на гаражах против Осевкина, а они взяли его и побили. Да еще покрасили. Разве это правильно?

— Конечно, неправильно, — согласился Николай Афанасьевич, с любопытством разглядывая Светку.

Его удивляло, что дочь мэра рассуждает совсем не так, как ей положено по статусу, что она вообще выглядит взрослой девушкой, несмотря на свои пятнадцать лет. В то время как Пашка по сравнению с ней смотрится ребенком и вряд ли их дружба приведет к чему-нибудь хорошему. А если между ними любовь, то и в этом случае Светка в ней главенствует, а Пашка всего лишь плетется у ней на поводу. А еще Николай Афа-

насьевич знал, что, несмотря на свое отцовство, не имеет ни малейшего понятия, как вести себя с детьми, надо ли вмешиваться в их отношения или предоставить времени расставить все по своим местам. Он чувствовал неловкость перед ними за свое незнание, за то, что в те далекие годы, когда все было еще более-менее ясным, он почти не уделял внимания своим детям, препоручив заботу о них своей жене, а она, как и мать Светки, больше заботилась о себе. И вот они получили то, что получили: семьи нет, дети — каждый сам по себе, а он опять в стороне. И, чтобы увести разговор от щекотливой темы, посоветовал:

— А все-таки, Светик, позвонить родителям надо. Может, они тебя ищут. Тебе только кажется, что они на тебя не обращают внимания. На самом деле все, что они делают, направлено на то, чтобы устроить твою жизнь наилучшим образом. Вот когда вы вырастаете, тогда будете сами принимать решения. Но принимать вы их будете, исходя из того, что дали вам ваши родители. Ты это понимаешь?

— Понимаю, — вздохнула Светка, доставая из кожаного футляра маленький мобильник и вставляя в него батарейку. — Я им только скажу, где я, а больше ничего говорить не буду, — сообщила она, набирая номер. И точно: — Мам! Мам, ты меня слышишь? Мам, со мной все в порядке. Да не кричи ты, пожалуйста! Никто меня не крал. Я в лесничестве. Скоро приеду. И не надо меня искать. Все. — И Светка, вытряхнув батарейку, сунула телефон в футляр. — Как начнет кричать, — пожаловалась она, — так ее не остановишь.

— Так вы что, собираетесь ехать? — Спросил Николай Афанасьевич.

— Да, — ответила Светка. — Но чуть попозже. Мы с Пашкой решили приготовить обед... Правда, Паш?

Пашка, прежде чем ответить, опять вопросительно глянул на отца, но тот уже возился с трубкой, набивая ее табаком-самосадам. Тогда Пашка согласно кивнул головой и понес свою тарелку к рукомойнику.

Солнце давно перевалило за полдень. Было жарко, душно, зудели слепни и оводы, по двору бегали трясогузки, хватали мух, что-то клевали в траве. Куры и подросшие цыплята рылись в пыли, черно-огненный петух стоял на козлах для пилки дров и следил за своим пестрым семейством. Со стороны пруда доносилось гоготанье гусей и кряканье уток.

Пашка подкачивал колеса. Светка стояла рядом. Из окна, затянутого сеткой, слышался храп Николая Афанасьевича.

— Ну что, готово? — Спросила Светка, вся какая-то грустная и вялая.

— Готово, — ответил Пашка в тон Светке.

— Ну что, поехали?

— Поехали.

Через полчаса Светка и Пашка выехали на разбитую пыльную дорогу, ведущую к старым армейским казармам. Пашка ехал впереди, демонстрируя Светке свое умение ездить без рук, огибая колдобины с еще не высохшей водой.

Глава 44

Вытерев рот бумажной салфеткой, пыхтя и отдуваясь, Андрей Сергеевич Чебаков выбрался из-за обеденного стола.

— Оставляю вас, Валерий Витальевич, на попечение моей благоверной, — произнес он, обращаясь к Валере, который тоже встал, отодвинув в сторону стул. Чебаков замахал руками: — Сидите, Валерий Витальевич, сидите! Это у меня все дела и дела, а вы пока отдыхайте. — И, повернувшись к жене, соорюив умильную физиономию: — Розочка, лапочка, покажи Валерочке усадьбу, познакомь его с папой... Очень, между прочим, интересный для журналиста человек, — добавил он, снова обращаясь к Валере. — Много чего повидал, много чего знает из нашего прошлого. А я через часик-полтора вернусь, и мы продолжим с вами беседу на интересующую нас тему. И с людьми интересными я вас познакомлю. — И снова к жене: — Скажи Куркову, чтобы покатал гостя на катере. Одним словом, займи Валерия Витальевича в мое отсутствие.

— Ах, Андрюша, с огромным удовольствием! — воскликнула Розалия Борисовна, молитвенно сложив руки перед собой, будто перед нею стоял не муж, которого она поносила почему-то зря менее часа назад, а сам Иисус Христос. Андрей Сергеевич пошел к двери. Затем, обращаясь к Валере, Розалия Борисовна кокетливо повела обнаженными плечами и продолжила томным голосом: — Ах, Валерий Витальевич! Вы уж извините меня, ну никак не могу успокоиться, что моя дочь ночевала в лесничестве. Кто его знает, чем они там занимались. Ведь удрала, никому ничего не сказав. Даже не подумала о своей матери, каково ей переживать подобное. А у меня гипертония, голова раскалывается — и все из-за нее, все из-за нее.

Валера сочувственно покивал своей лохматой головой, так и не решив, что ему делать: то ли кинуться вслед за мэром, то ли продолжать корчить из себя светского повесу, то ли вернуться в город, в котором его наверняка ждет Аделаида.

Дверь за Андреем Сергеевичем закрылась, отрезав рококоющий бас Валеры и воркующий голос жены.

«Вот уж дура так дура, — думал о ней Чебаков, спускаясь по ступенькам крыльца к ожидающей его машине. — Давно ли сама с хлеба на квас перебивалась, давно ли считала каждую копейку, а перед ним, Чебаковым, стелилась цветастым ковриком. Черт меня дернул на ней жениться! И вот ведь ситуация: никуда от нее не денешься. Начни разводиться, половину отдай. А с какой стати? Сама-то она ни гроша не вложила ни в квартиру, ни в дачу — буквально ни во что. А теперь — как же: вумэнша! Тьфу! Одно только и удерживает меня от решительных шагов, что, в сущности, она не мешает мне жить так, как хочется. Ну — орет. Ну — кривляется. Ладно, пусть орет и кривляется. Вообще не обязательно на нее смотреть. Тем более слушать. А так что ж, жить можно. А вот Светка... И чего она нашла в этом мальчишке? Бывает же...»

У парадного крыльца возле черного лимузина топтался водитель. Увидев хозяина, он поплевал на сигарету, бросил ее в урну, предупредительно открыл переднюю дверь машины.

— Ты, Владя, дай мне сегодня порулить, — решительно велел Андрей Сергеевич, минуя своего шофера и открытую им дверь. — А то совсем разучусь.

— Так это, Андрей Сергеич, не имею права. К тому же вы вчера некоторым образом перестарались. Мало ли что, а с меня спросят.

— Ну, кто с тебя спросит, голова садовая? — проворчал Чебаков, обходя машину. — Я что, собираюсь в Москву на ней ехать? Я и в лучшие-то годы туда на машине старался не ездить: как поедешь, так обязательно вляпаешься. Иногда по нескольку раз приходилось гаишникам давать на лапу.

— Что ж, под вашу ответственность, Андрей Сергеевич, под вашу ответственность, — отступил Владя, занимая место пассажира на переднем сиденье.

— Ты еще с меня расписку возьми за эту ответственность, — огрызнулся Чебаков, усаживаясь за руль.

Он повернул ключ зажигания, включил скорость, и машина, тихо урча, тронулась с места, хотя и не без рывка.

На повороте Чебаков притормозил и, не заметив никаких машин, глянул на часы на приборной доске — часы показывали без четверти три. Вздыхнул и повернул в сторону казарм.

Собственно говоря, можно было бы и не ехать, и не встречаться с Ниной Петровной, а подношение Валере оформить как плату за рекламу Угорска и его нужд перед вышестоящими инстанциями. И статья в расходах на подобные, мол, вещи предусмотрена законом. А предусмотрена или нет, Вале-

ре знать вовсе ни к чему. Главное он, с одной стороны, не окажется как бы в неловком положении, а с другой — какое-никакое обязательство на себя примет.

— Это кто ж это там такие? — спросил Андрей Сергеевич, заметив вдаль две слившиеся фигурки, и спокойно заерзал на сиденье.

— Никак ваша дочка, Андрей Сергеич, — высказал догадку Владя.

— Ах, мать твою в демократию! Да они ж целуются! Ну, я им! — И он надавал газу.

Фигурки распались, подхватили велосипеды и кинулись наутек по разбитой дороге, виляя между колдобинами.

Андрей Сергеевич жал на клаксон и газ, не слыша предупреждающих криков Влады. Он видел краем глаза свою дочь, крутящую педали по правой обочине, и мальчишку, удирающего по левой. Ему хотелось догнать его и выполнить наказ жены: надрать ему задницу так, чтобы помнил всю свою жизнь. Андрей Сергеевич кидал свой внедорожник слева направо и снова влево, объезжая ямы, согбенная мальчишеская фигурка в коротких шортах стремительно приближалась.

И вдруг...

И вдруг перед капотом машины выросла Светка на своем велосипеде, заорал Владя, пытаясь повернуть руль, заорал Андрей Сергеевич, но вместо того чтобы нажать на тормоз, нажал на газ, и... девичье тельце взлетело вверх, упало на капот, ударилось о лобовое стекло, скользнуло по нему и исчезло из виду. И только тогда Владя, коленом отшвырнув толстую ногу мэра, вдавил своей ногой тормоз до самого пола. Машина взвизгнула, подпрыгнула и развернулась поперек дороги, накренилась — вот-вот опрокинется, но, постояв на двух колесах долгое мгновение, будто в раздумье: опрокидываться или нет, решила не опрокидываться и бухнулась на все четыре. Андрей Сергеевич, не пристегнутый ремнями, еще раньше ударился грудью в подушку безопасности, затем сила инерции бросила его вверх, и он врезался головой в лобовое стекло. Однако больше всего досталось шоферу: он тоже не был пристегнут, но оказался в момент торможения между двумя сиденьями. И когда машина, взвизгнув тормозами, будто налетела на стену, всем телом своим вышиб стекло и вылетел на дорогу.

И только потом послышался жуткий крик Пашки. Он безостановочно звучал на высокой ноте, разносясь по лесу, ввинчиваясь в голубое небо.

В это самое время на дороге со стороны казарм показалась старая «Волга»...

Осевкин после обеда с полчаса повозился с детьми. Дети вели себя с ним скованно, на ласку не отвечали, дичились, жались к матери. Не испытывая к ним особой привязанности, сославшись на занятость, он покинул детскую, поднялся на башню, потребовал себе чаю и принялся названивать. Сперва позвонил на комбинат, чтобы выяснить, как идет работа, потом связался с одним из своих снабженцев, отвечающих за поставку спирта, затем позвонил в Заведение и несколько минут слушал отчет о минувшей ночи сперва от Шахиншаха, потом от Катерины. Вроде бы все шло так, как и должно было идти, то есть ничего нового, ничего из ряда вон выходящего. И Осевкину стало скучно. Он некоторое время паялился в трубу на противоположный берег, но и там ничего новенького не разглядел. И решил ехать в город.

Переодевшись во все белое: полотняные брюки, рубашку-безрукавку, чтобы были видны накачанные бицепсы, белые легкие туфли с перфорацией, белые носки, он сел в свой внедорожник и приказал водителю:

— В Заведение! — И, откинувшись на спинку сиденья, прикрыл глаза.

Возле ворот к его машине присоединилась машина с охраной.

В отличие от Чебакова, Осевкин в дороге отдыхал, ни о чем не думая. Да и о чем таком можно думать? Все думы уже передуманы, жизнь однообразна и привычна, как эта дорога, с ее елками, соснами, березами и прочими деревьями и кустами. То ли дело — прошлые годы: все время настороже, все время на адреналине. Зато потом, когда очередная опасность останется позади, можно развеяться на всю катушку, чтобы земле и небу было жарко. А сейчас? Даже развеяться — и то не с кем. Вокруг лишь какие-то жалкие людишки, которые смотрят тебе в рот, и тебе так и хочется плюнуть им в лицо. За границу, что ли, смотаться? А что там может быть новенького? Черной икрой мазать задницы французским проституткам? А может, заняться политикой? Но для этого надо собирать соответствующую команду, потому что братки для такого дела не годятся. Скука.

Машина повернула на шоссе, ведущее в город. Осевкин краем глаза заметил, что в той стороне, где в дачную дорогу вливается старая, идущая от военных казарм, что-то происходит. Он оглянулся — точно, что-то там случилось: стоят две или три машины, толпится народ. Но тут же машина охраны закрыла задний обзор.

— Стой! — приказал Осевкин шоферу. — Разворачивайся!

Развернулись, разъехались с машиной охраны. Высунувшись, Осевкин приказал:

— Ждите меня здесь.

И его внедорожник покати́л в противоположную сторону.

Сперва Осевкин ничего не понял: поперек дороги стоит машина мэра, чуть дальше — старая «Волга», люди копошатся, а чего ради, сразу не разберешь. Оставив машину перед въездом на разбитую дорогу, выбравшись из нее, он дальше пошел пешком. За ним охранник по кличке Колун.

Постепенно картина прояснялась. На дороге, ближе всех к Осевкину, лежит девчонка, лежит на спине, лежит так, как лежат тряпичные куклы, то есть изломанно и по всей длине своего тела. Над нею, спиной к Осевкину, стоит мешковатый мужчина. Стоит, безвольно опустив руки, ссутулившись, как приговоренный к смерти. Уж кто-кто, а Осевкин таких повидал немало.

Чуть дальше, привалившись к кузову машины спиной, сидит, вытянув ноги, сам мэр Угорска и его окрестностей, голова и рубаха в крови. Над ним хлопочет женщина в шортах... Нет, не хлопочет, а сидит на корточках и кричит, прижимая к уху мобильник. Осевкин разобрал главное: женщина вызывает «скорую».

На обочине сидит шофер мэра, которого все, и старые, и старые, зовут дядей Владей. Он тоже в крови, к тому же прижимает к груди руку. Над ним склонился пожилой человек в соломенной шляпе. Где-то когда-то Осевкин его видел...

Из-под машины выглядывает измятая рама и переднее колесо велосипеда.

Осевкин подошел, спросил у мешковатого мужчины:

— Что тут произошло?

Мужчина повернулся к нему, и Осевкин узнал в нем Сорокина, бригадира наладчиков, который, судя по рассказу Лисы, и есть зачинщик всей этой катавасии с позорящими и оскорбляющими Осевкина надписями. У Осевкина от нахлынувшей ненависти перехватило дыхание. Он сжал кулаки и шагнул к нему, но тот то ли не понял ничего, то ли случившееся так на него подействовало, что все остальное не имело значения, мельком глянул на Осевкина и произнес глухим голосом, кивнув головой на лежащую девочку:

— Да вот... дочка мэра... насмерть.

— Это как же? — опешил Осевкин, останавливаясь в двух шагах от своего врага и чувствуя, как выходит из него весь запал мщения.

Сорокин лишь пожал плечами и отвернулся: перед лицом детской смерти все остальное, действительно, казалось ему настолько незначительным, что он даже не обратил внимания на Осевкина.

Случившееся действовало отрезвляюще и на хозяина ФУКа. Более того, он почему-то в эти мгновения вспомнил о своих родителях. Но не вообще, а сидящих в последнем ряду зала суда, когда его и еще нескольких подельников судили за валюту и наркотики. Он помнил, как поразили его глаза матери: в них он разглядел такую тоску, какая, скорее всего, может быть у человека, приговоренного к казни. Осевкин отвернулся, но его все время тянуло еще раз увидеть эти глаза и убедиться, что их выражение ему померещилось. А когда он снова глянул в ту сторону, там уже не было ни отца, ни матери.

Вернувшись из заключения, он, возглавив банду рэкетиров, купался в деньгах, вел разгульную жизнь. Несколько раз он передавал деньги своим родителям, которые, как он узнал, бедствовали, но не сам, а через одного из своих людей, однако вскоре выяснил, что деньги эти они отдавали в детский дом, не взяв себе ни копейки, и перестал заниматься пустой благотворительностью.

И была еще одна встреча, последняя. Однажды он стоял на перекрестке, в нетерпении барабанил пальцами по рулю, поглядывая на светофор. Ему казалось, что медленно переходящая дорогу пара пожилых людей и есть та причина, по которой не загорается зеленый. Пара шла медленно, мужчина бережно поддерживал женщину под руку, и когда они поравнялись с машиной, женщина глянула на Осевкина, и хотя она не могла его видеть за тонированным стеклом, глаза ее удивленно расширились — и Осевкин узнал в ней свою мать, а в мужчине — отца. Правда, отец на машину не обратил внимания, но мать даже оглянулась, точно почувствовав, что в ней сидит ее сын. Осевкина поразило, как они постарели. Он их помнил другими, не слишком молодыми, конечно, но вполне соответствующими своему возрасту, и ему казалось, что, когда он их увидит снова, они будут такими же. Они не были такими же, они превратились в самых настоящих стариков. И что-то тогда кольнуло его в сердце, но не настолько сильно, чтобы изменить свою жизнь.

Рядом с мэром что-то говорила женщина. Что-то утешительное. Чебаков тряс головой, прижимая к лицу окровавленные руки. И вдруг завыл, завыл страшным, истошным голосом — почти так же, как выл Пашка, только двумя октавами ниже. Он выл, но трудно было понять, отчего он воет:

оттого ли, что в пяти шагах от него лежит бездыханное тело его дочери, или оттого, что ему до того больно, что нет сил терпеть эту боль.

Этот вой вернул Осевкина к действительности.

Женщина, теперь Осевкин узнал ее, жена Сорокина, главный бухгалтер жилищно-коммунальной службы города, женщина эта наконец-то дозвонилась до «скорой» и теперь кричала, требуя, чтобы та ехала как можно скорее, иначе «вам там всем не поздоровится!».

Пожилой мужчина в соломенной шляпе, бинтовавший голову дяде Владе, оторвался от него и, с подозрением глянув на Осевкина, решительно направился в его сторону. При этом в его лице не было заметно ни почтения, ни страха.

Осевкин так и понял: именно в его сторону. И снова напрягся.

Мужчина подошел, кивнул Осевкину головой, постоял над телом девочки, отошел к Сорокиной, спросил:

— Ну, как?

— А что как? — вопросом на вопрос ответила женщина, с трудом поднимаясь на ноги. — Сами видите. — И добавила: — «Скорая» выехала.

— Надо будет милицию вызвать, — произнес мужчина. И поправился: — Полицию то есть.

— Ах! — произнесла женщина. — Вызывайте кого хотите! Хоть милицию, хоть полицию, хоть самого президента! — И пошла к «Волге», покачиваясь, будто пьяная, из стороны в сторону.

Делать тут было нечего, но Осевкин никак не мог уехать, его как магнитом тянуло к Сорокину. Более того, ему стало казаться, что надо этот узел разрубить — разрубить раньше, чем появится полиция. Он шагнул к Сорокину, все так же обреченно стоявшему над лежащей девочкой, положил на его плечо руку. Сорокин повернулся к нему, глаза их встретились — неподвижные Осевкина и тоскующие Сорокина.

— Так это ты написал против меня во Втором корпусе? — Спросил он.

— Я, — ответил Сорокин. И в свою очередь, но с вызовом: — А что, неправда?

— Д-да к-кто т-ты т-такой? — прохрипел Осевкин, заикаясь от ненависти. — Ты, мразь, будешь меня учить, что правильно, а что нет? Т-ты... мужик!..

И Осевкин нанес ему короткий удар в челюсть.

Голова Сорокина дернулась, однако тот упал не сразу, а сделав несколько шагов к обочине, будто боялся упасть на труп дочки мэра, и только достигнув обочины, как-то неловко пошарил в воздухе рукой и рухнул на колени.

Осевкин, все более стервенея, подскочил, ударил его ногой в лицо и стал топтать, выкрикивая одно и то же:

— Убью, сука! Убью! Убью!

На помощь Сорокину кинулся Улыбышев, но на его пути встал телохранитель Осевкина и, выпятив квадратную челюсть, прошипел:

— Только шевельнись, мент, в землю вколочу.

Улыбышев, неожиданно крикнув, бросил свое тело вперед и врезался головой в живот охранника. Тот не устоял, и они оба упали, при этом Улыбышев оказался сверху, и теперь молотил охранника кулаками, но длилось это всего несколько мгновений: охранник пришел в себя, сбил Улыбышева ударом и вскочил на ноги, готовый «месить» его так же, как Осевкин все еще «месит» податливое тело Сорокина.

Но тут из-за машины метнулась тоненькая фигура Сережки Сорокина, и на затылок Осевкина обрушился удар бейсбольной биты. Осевкин дернулся, упал на колени. Второй удар по тому же месту — руки его подломились, и он рухнул лицом вниз. Правая нога его задергалась, пальцы рук заскребли землю, нога вытянулась, пальцы сжались, да так и замерли, сжимая все, что сумели загрести.

К ним бежала, спотыкаясь, Нина Петровна, выкрикивая что-то однообразное, похожее на кудахтанье.

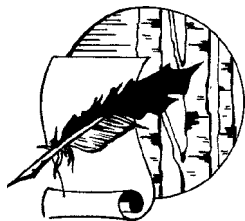
Охранник Осевкина в два прыжка подскочил к Сережке, готовому бить и бить в одно и то же место, отшвырнул его в сторону, подхватил Осевкина, желая поставить его на ноги, но тому явно было все равно — лежать или стоять. И охранник, беспомощно оглядевшись, понес тело своего хозяина в сторону от дороги, положил его на траву и теперь стоял и тупо смотрел на поверженного Осевкина, не зная, что делать дальше.

Улыбышев шевельнулся, покривился от боли в боку, сделал несколько осторожных глубоких вдохов — боль не проходила. И он остался лежать на спине и смотреть вверх, понимая, что от него уже ничего не зависит.

Над ним и над всеми прочими простиралось небо, такое голубое, такое глубокое, каким он его, казалось, видел впервые в жизни. По этому небу плыли на восток редкие пушистые облачка, похожие на барашков, пасущихся на голубых лугах.

И Алексей Дмитриевич, глядя на них, подумал со шмящей тоской: «Боже, как мы измельчали. Как мы все ужасно измельчали».

Издаലെка, точно из преисподней, возвещая о конце света, нарастали истерические вопли «скорой».

Анатолий АВРУТИН

Редакция «Молодой гвардии» сердечно поздравляет поэта, переводчика, публициста, главного редактора белорусского журнала «Новая Немига литературная» Анатолия Аврутина с 65-летним юбилеем.

Он — автор 20 поэтических книг, лауреат литературных премий имени Симеона Полоцкого и Бориса Корнилова.

Желаем юбиляру отменного здоровья и новых творческих свершений.

У РУССКОГО ПРЕДЕЛА

* * *

Да, не по-русски — всё *реченья*,
Лишь в русском слове слышу *речь*,
Когда в небесном облаченье
Оно спешит предостеречь
От небреженья суесловий,
Где, за предел сходя, поймешь,
Что языки, как группы крови,
Их чуть смешиваешь — и умрешь.

* * *

Не брести, а скакать
по холмам помертвелой Отчизны,
На мгновенье споткнуться, ругнуть поржавелую гать,
Закричать: «Ого-го-о...»,
зарыдать о растроченной жизни...
Подхватиться и снова куда-то скакать и скакать.

Только стайка ворон
да вожак ее странно-хохлатый
Будут видеть, как мчишься, как воздух колеблет вихры...

Да забытый ветряк,
будто воин, закованный в латы,
Тихо скрипнет крылом... И опять замолчит до поры.

Только черная рожь
да какая-то женщина в белом,
Что остались одни одиноко под небом стоять,
Могут встретить коня
вот с таким седоком неумелым —
Он кричит против ветра, но мчится опять и опять.

Завтра солнце взойдет,
из-за тучи восторженно брызнет.
И никто не припомнит, ловя озорные лучи,
Как нелепый седок
среди ночи скакал по Отчизне,
И рыдал...
И метался...
И сгинул в беззвездной ночи.

* * *

Еще не стемнело...
И можно немного пройтись
Вдоль влажной лощины
по серо-зеленому полю.
Недоля струится отсюда
в небесную высь,
А высь переходит
В безбрежную эту недолю.

И чтоб надышаться,
здесь нужно дышать и дышать,
Стараясь запомнить,
как стонут забытые травы.
И чуют — струится
в безмерную даль благодать,
А в той благодати —
Безмерная доля отравы.

Есть только мгновенье...
А суток и вечности нет...
Мгновенье к мгновению —
вот и дорога к прозрению.

О свет мой вечерний,
 туманный бледнеющий свет,
Для белого света ты тоже
Подобен мгновенью.

Ведь скоро над полем
 неярко засветит звезда.
Пора возвращаться...
Невидную стала дорога.
Пусть что-то осталось...
 Но что-то ушло навсегда...
И так же далёко
До истины.
Сути.
 И Бога.

* * *

Стою у русского предела,
Где Бог не терпит суеты,
Где осыпаются несмело
На сердце поздние цветы.

Стою в своей извечной смуте,
Примяв земли седую пядь,
И кровью чувствую — по сути
Здесь только тлен и благодать.

И за чертою пониманья
Сей путь, что начат не с нуля...
Зачем нам смутные терзанья,
Когда мы — бездна и земля?

* * *

То ль душа солгала,
 то ль мятежное сердце озябло,
То ль забытое чувство
 пробилось опять между строк,
Но в холодной ночи
Захотелось мороженных яблок...
Все, что впрок запасалось,
 опять оказалось не впрок.

Снова ветви гудят,
 будто струны гудят вековые,
Снова рушится небо
 в немую озерную гладь.
Снова годы летят —
Вновь по-блоковски — «со-роковые», —
И не в силах Всевышний
 иную судьбу ниспослать.

Что-то ухнет вдали...
Бабий голос истошно завоет.
И почти расколов
 бесполезную тушу Земли,
Роком посланный рок
 принесет нам свое, роковое,
И обрушив столетья,
 лениво исчезнет вдали.

Больно сдавит в груди...
Слабо пискнет испуганный зяблик.
Вспомнишь очи любимой,
 что молвила тихо: «Не люб...»
И останется привкус
 морозных антоновских яблок
На обугленной коже
 холодных, запекшихся губ...

* * *

Снова мокрый декабрь... Очертанья не резки...
Тьма во тьму переходит, что хуже всего.
Я не знаю, курил или нет Достоевский,
Но вон тот, с сигаретой, похож на него.

Так же худ... И замызганный плащ долгополый,
Не к сезону одетый, изрядно помят.
Он в трамвай дребезжащий шагнет возле школы,
На прохожих метнув с сумасшедшинкой взгляд.

Что с того? Те же тени на стеклах оконных,
Та же морось... И те же шаги за спиной.
И опять на «униженных» и «оскорбленных»
Все прохожие делятся в дымке сквозной...

* * *

Женщины, которых разлюбил,
Мне порою грезятся ночами,
С робкими и верными очами —
Женщины, которых разлюбил.

Я их всех оставил... Но они
Никогда меня не оставляли,
Появляясь в дни моей печали
И в другие горестные дни.

Женщины, которых разлюбил,
Мне зачем-то изредка звонили,
Никогда вернуться не молили
Женщины, которых разлюбил.

С расстоянья ближе становясь,
Все мои терзанья разделяя...
Появлялась женщина другая,
Обрывала вспомненную связь.

Женщины, которых разлюбил,
Мне и это, кажется, прощали.
До смерти разлюбятся едва ли
Женщины, которых разлюбил.

* * *

Спи, ненаглядная...
Тихо стекает с пера
Слово горячее,
 слово совсем не парадное.
Птицы в отлёте...
 И мне собираться пора...
Но до отлета
 поспи же, моя ненаглядная.

Я не жалею...
И ты ни о чем не жалеи.
Слышишь? — Листва устилает
 дорогу шершавую.
Тихо струится
 ночная листва с тополей...

О, этот вещей миг прозренья —
Острее взгляд, хоть хуже зренья,
Что б ни твердили доктора.

И голос в трубке телефонной,
Прорвавшийся сквозь вечер сонный,
Тебя в то лето воротит,
Когда попасть в струенье Леты
Стремилась желчные поэты,
Но ты один там был — пиит.

И лишь она осознавала
Все это с самого начала —
Влюбленных умников раздрай.
Как, власти забирая нити,
Твердила вежливо: «Прочтите!»,
А после властно: «Прочитай!»

Пустышка... Запятая... Чудо —
Из тех же букв: «Иди отсюда»,
Из тех же: «Идиот, сюда...»
Я, может, большего не стою —
Мне быть по нраву запятою
И верить в лживые уста.

Что дальше?.. Тишина иль вечность?..
О, эта жизни быстротечность,
Где вечность жаждет тишины.
Моя печаль иного рода —
Февраль двенадцатого года,
Не все прозренья сочтены...

Евгений СЕМИЧЕВ

ОГНЕННОЕ СЕРДЦЕ

ЛИТЕРНЫЙ ЭШЕЛОН

Майским салютом расцвёл небосклон,
Славя весну и Победу..
Литерный в небе идёт эшелон —
Павшие воины едут.

Через разливы бурлящей весны,
Через вселенские кущи

Павшие воины едут с войны
К нашим потомкам грядущим.

Мимо крылечка родного села,
Мимо заводов и пашен
Всех их в один эшелон собрала
Память священная наша.

Сполохи мирной рассветной зари
К горним возносятся высям.
В небе весеннем парят сизари,
Как треугольники писем.

Гулом объята небесная даль
Отчей родимой округи.
Солнце надраено, словно медаль
«За боевые заслуги».

Головы воинов снежно белы,
Лица светлы и бесстрашны...
Вот они — русской Победы орлы,
Соколы Родины нашей!

Им колокольный звучит перезвон,
Славя весну и Победу.
Литерный в небе идёт эшелон —
Павшие воины едут.

К однополчанам своим боевым
Через сраженья и беды
Павшие воины в гости к живым
Едут на Праздник Победы.

* * *

Ему бы жить в железном веке —
Несовременный человек!
Железа столько в человеке —
На весь железный хватит век!

Он и во сне, скрипя протезом,
Штурмует вражью высоту,
Примкнувший всем своим железом
К железорудному пласту.

Не вышел он из боя толком.
Не понят он ни там, ни тут.
Его блуждающим осколком
Друзья погибшие зовут.

Когда погибшие солдаты
Его возьмут к себе — всего,
Сломает клык свой экскаватор,
Окопчик роя для него.

ФРОСЯ

Она возьмёт гармонь, и в клубе сразу
Танцорши разбегутся по углам.
Она умеет так играть, зараза,
Что грудь трещит от песни — пополам!

И бабы просят, бабы тихо просят:
«А ну-ка, Фрося, выдай подюжей!..»
И, развернув мехи, поёт им Фрося
Про их, сейчас воюющих, мужей.

И бабы плачут. Бабы горько плачут,
Хотя и песня эта о любви.
И в фартуки залатанные прячут
Мозолистые рученьки свои.

* * *

...А росы на рассвете — капли крови
На гимнастёрках утренних полей.
И горизонт прерывист и неровен,
Как бинт, алеет в кронах тополей.

И никуда от памяти не деться.
Среди кричащей этой тишины
Всплывает солнце — огненное сердце
Солдата, не пришедшего с войны.

* * *

Спит народ, как солдат на ходу,
Утомлённый в тяжёлом походе.
Сплю и я, но с народом иду.
И во сне остаюсь я в народе.

И во сне от него ни на шаг
Никуда я себя не пускаю.
Упираюсь в походный большак.
Мать-землицу ногами толкаю.

Запевалы охрипли. Храпят
Командира сморило истомой.
Спит народ, с головы и до пят
Убаюканный чуткою дрёмой.

Эй, взбрыкнувший во сне обормот,
Что кричишь о продажной свободе?
Видишь, спит утомлённый народ
На ходу, как солдаты в походе!

Спит служивый в строю человек.
Отдохнуть на ходу рад стараться.
Может день, может год, может век...
Боже! Дай мужикам отоспаться!

Звёзды космос вселенский копят.
Зорьки в небо всплывают и тают.
Мародёры-шакалы не спят —
Неусыпно народ обирают.

Но не рушится воинский строй
И на милость врагам не сдаётся...
Вот народ — богатырь и герой!
Берегитесь, когда он проснётся!

* * *

Человек-простолюдин
Одинок и в людном храме...
Змей Горыныч триедин —
Суд, правительство, парламент.

В одиночку на веку
Человек судьбу пыгает:
Отшибёт врагу башку —
Вмиг другая вырастает.

Нескончаем вечный бой.
Затуманен взгляд кручиной...
Что ты, милый? Бог с тобой —
Он ведь тоже триединый.

* * *

Нет победителей в бою,
Ведь каждый, кто убит,
Уверен, что к воротам в раю
Щит воинский прибит.

Нет побеждённых на войне
И проигравших нет,
Ведь каждый, кто сгорел в огне,
Сам обратился в свет.

Нет пострадавших на земле,
Ведь каждый, кто любил,
К щиту Господнему во мгле
Луч солнечный прибил.

* * *

И жеребцы строптивые гнедые
Вздвигались перед строем на дыбы.
И генералы были молодые —
Воители фортуны и судьбы.

И золотом блистали эполеты,
И кудри развевались на ветру.
И молодые дерзкие поэты
Им гимны воспевали на пиру.

И канули навек в пылу и дыме
Во мглу те золотые времена.
И генералы стали сплошь седыми,
И не звенят зазывно стремена.

И потускнели крылья-эполеты,
В пыли музейной обрета приют...
И одряхлели дерзкие поэты,
И боевые гимны не поют.

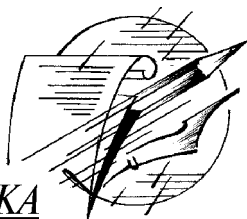
Но верю я — грядут года иные,
И на седой отеческий редут
Прибудут генералы молодые,
И молодых поэтов приведут.

УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Массовая миграция в Россию стала одним из главных вызовов наших дней. Это настоящая угроза национальной безопасности и будущему русской цивилизации, русской государственности и русскому суперэтносу. И в прошлом, и в этом году тема миграции не раз оказывалась в центре внимания российских СМИ. В сущности, можно сказать, что в этом смысле идёт настоящая информационная война.

Фактически те люди, которые выступают за массовую миграцию в Россию китайцев, представителей народностей Средней Азии и Южного Кавказа (они, видимо, согласны направить в Россию и потоки мигрантов из арабского мира и Чёрной Африки), играют на руку т.н. «мировому закулисию». В планах глобалистов смешение всех рас и народов. Главный удар наносится именно по европеоидам (белой расе) и в первую очередь — по России, т.к. именно она может предложить миру иную концепцию глобализации с сохранением расовых, национальных отличий, где все народы смогут сохранить свои особенности.

Хозяева Запада сознательно смешивают расы и народы, создавая идеаль-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ных рабов, без прошлого и будущего, живущих только потреблением. Не случайно из паспортов убрали графу «национальность», да и слово «русский» старательно заменяют на «русскоязычный» и «россиянин». Под ударом не только этнические русские, но и коренные народы русской цивилизации, которые приняли русский язык и русскую культуру как свои. После окончательной дезинтеграции и ассимиляции русских татары, мари, мордва, чуваша и др. обречены.

Знаковые предложения

12 ноября 2012 г. председатель комитета Госдумы РФ по делам национальностей Гаджимет Сафаралиев в ходе пресс-конференции «Может ли рынок труда России обойтись без приезжих?» заявил, что Российскому государству не хватает 50—70 миллионов приезжих рабочих. Сафаралиев считает, что для освоения малонаселённых Сибири и Дальнего Востока необходимы мигранты, что российские власти должны активно работать со странами, откуда идёт основной поток миграции, и создавать адаптационные центры в самой России. Таким образом нам предлагают ещё и оплатить «адаптацию» миллионов мигрантов. По словам депутата, миграция России нужна для решения экономических вопросов.

В очередной раз идёт подмена проблемы. Вместо того, чтобы ставить вопрос о кардинальных мерах по росту численности русского народа и большинства других коренных народов России, нам предлагают завести не просто миллионы мигрантов, а уже десятки миллионов. Вместо того, чтобы создавать рабочие места и повышать уровень зарплат, выводить народное хозяйство на новый технологический уровень, позволяющий обойтись без массовой низкоквалифицированной рабочей силы, предлагается завоз миллионов фактически рабов. Хотя в реальной среднесрочной перспективе преимущества дешевого рабского труда перестают быть таковыми из-за перехода на новый технологический уклад, роботизации большей части работ, где используют низкоквалифицированную рабочую силу.

10 декабря было опубликовано открытое письмо президенту России руководителя кадрового портала Superjob.ru Алексея Захарова. Это письмо сообщает об угрозах, создаваемых массовой миграцией из Средней Азии, экономической, политической и культурной безопасности Российской Федерации. Автор письма считает, что неконтролируемый поток миграции на территорию России из стран Средней Азии и Южного Кавказа представляет собой главную угрозу национальной безопасности, с которой наша страна может столкнуться в

ближайшие годы. Причём эта угроза при сохранении нынешних тенденций будет только нарастать.

Так, неконтролируемая миграция из южных стран может привести к тому, что озвученная президентом задача создания к 2020 году 25 млн. высокооплачиваемых рабочих мест не будет решена. К нынешним 10—15 млн. рабочих мест для низкоквалифицированных мигрантов появятся ещё 25 млн. таких рабочих мест. В результате мигранты составят до половины экономически активного населения РФ. Курс на «индустриализацию-2», инновационное развитие России в такой ситуации будет просто провален. А. Захаров называет цифры, отражающие сложившуюся на рынке труда ситуацию, страшными. Так, уже 18% граждан России сообщают о реальной конкуренции на рынке труда со стороны мигрантов (среди низкоквалифицированной молодежи и людей старшего возраста — 25%).

Культурные последствия массовой миграции, не менее опасны чем экономические. Миграция размывает русскую культуру, создавая целый ряд проблем уже не только в традиционно русских, но и в «мусульманских» регионах Российской Федерации. В Москве уже есть классы, где дети мигрантов составляют значительную часть учащихся, такие классы появляются и в других регионах. Эти дети плохо знают русский язык или вообще не владеют государственным языком. Фактически уже полным ходом идёт процесс формирования замкнутых этнических анклавов. Это ведёт и к росту угрозы повторения в России «сирийского сценария», когда мусульмане и мигранты будут использованы как «пятая колонна» для начала процесса дестабилизации РФ, её развала. Значительный рост числа мигрантов в России ведёт к падению общего уровня образования и культуры. Уже через 20 лет может сложиться ситуация, когда «среднестатистический» человек, проживающий на территории России будет с трудом читать и говорить по-русски. К этому стоит добавить и катастрофическое падение уровня образования русской молодежи из-за «оптимизации» системы образования. Понятно, что это сделает невозможным никакие прорывы в экономике.

По мнению руководителя кадрового портала Superjob.ru, единственный выход из сложившейся ситуации — это полное закрытие российского рынка труда для неквалифицированных мигрантов из стран Азии, включая полную отмену любых миграционных квот. Это заставит предпринимателей вкладывать средства в новые технологии, повышать заработную плату, создавать «хорошие» рабочие места. В ином случае нас ожидает постепенная системная деградация, которая через 20—30 лет похоронит все геополитические начи-

нения последних лет, включая экономическую и военную интеграцию бывшего постсоветского пространства.

Это письмо вызвало большой общественный резонанс, показав, что миграция в России стала одной из ключевых общественно-политических проблем. Фактически это вопрос выживания России и уникальной русской цивилизации. Захаров выразил чаяния большей части коренного населения нашей страны.

Глава государства в послании Федеральному Собранию, озвученном 12 декабря, заявил о необходимости существенного ужесточения миграционной политики в ближайшее время. Путин предложил ввести ускоренный порядок предоставления гражданства России «соотечественникам, носителям русского языка и русской культуры, прямым потомкам тех, кто родился в Российской империи и Советском Союзе», которые изъявят желание переехать на постоянное жительство в РФ и откажутся от прежнего гражданства. Также он предложил отменить с 2015 г. возможность въезда в Россию по внутренним паспортам для граждан всех иностранных государств, включая страны СНГ. Но пока российские власти предпочитают сохранять прежний льготный режим для мигрантов.

Кроме того, Путин заявил, что в России не допустят появления «замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, живущих вне единого правового и культурного поля страны, с вызовом игнорирующих общепринятые нормы, законы и правила». Таким образом, глава государства фактически признал, что такая проблема существует и ситуация достигла критической черты. Теперь дело за реализацией озвученных тезисов.

Надо отметить, что ужесточение миграционного режима в России может привести к крупным экономическим, социальным и политическим проблемам в большинстве государств СНГ. В частности, тяжелейшим ударом это будет для Таджикистана и Киргизии, которые без трудовой миграции в Россию существовать в нынешнем виде вообще не могут. Им придётся в кратчайшие сроки решать вопрос о вхождении в Таможенный союз (Киргизия уже в процессе присоединения). По данным Всемирного банка 47% ВВП Таджикистана формируется за счет гастарбайтеров. В 2011 году таджикские трудовые мигранты перевели на родину более 3 млрд. долларов. Причём эта сумма со временем только возрастает. В 2008 году объём денежных переводов из РФ в Таджикистан составлял 2,5 млрд. долларов (45% ВВП). Фактически Таджикистан может существовать только за счёт России. Необходимо также учесть, что Россия оказывает

помощь Таджикистану в охране границ и по линии военно-технического сотрудничества. Если Россия закроет для таджиков свои границы, это приведет к экономическому краху и серьёзному политическому кризису. Таджикистан вполне может войти в зону inferno, по примеру, Афганистана.

Крайне неприятные последствия будет иметь сокращение денежных переводов гастарбайтеров и для Киргизии. В этой стране денежные переводы трудовых мигрантов составляют 29% ВВП. В Узбекистане денежные переводы составляли в докризисный период около 1/5 его ВВП. Страна имеет более развитую экономику, природные ресурсы, включая нефть и газ. Однако слабостью Узбекистана является тот факт, что эта страна занимает первое место по абсолютной численности работающих в России гастарбайтеров из Средней Азии. Это также ставит Узбекистан в экономическую зависимость от России.

Понятно, что жители Средней Азии едут в Россию не от хорошей жизни. Деградация социально-экономической инфраструктуры, аграрное перенаселение, дефицит земельных и водных ресурсов, привели к тому, что жители постсоветских республик вынуждены искать заработок в России. Однако это не проблема России, с 1991 года эти республики ушли в самостоятельное плавание. Российские власти должны в первую очередь решать задачи, связанные с национальной безопасностью России. Только безальтернативный курс на евразийскую реинтеграцию бывших республик СССР должен стать причиной пересмотра миграционной политики. В этом случае Россия должна дать шанс на спасение от катастрофы, к которой идёт Средняя Азия («афганизация»). Но и в этом случае необходима не массовая миграция в Россию представителей среднеазиатских народностей, а создание условий для благоприятной жизни на своей, потенциально вполне благополучной земле (по принципу «где родился, там и пригодился»). Надо чётко помнить, что речь идёт не о влиянии из стороны в сторону, а именно реальном воссоединении, где общим будет не только рынок товаров, труда и капиталов, но и единая валюта, внешняя и военная политика, социокультурное единство (на базе русской культуры и языка). Если какое-либо государство не готово к этому, оно и должно остаться вне этого единого пространства со всеми вытекающими последствиями, в том числе и миграционными барьерами.

Но многие чиновники этого не понимают или не хотят понимать. Так, 24 декабря секретарь Ростовского регионального отделения «Российский Социально-Консервативный Союз» партии Единая Россия Антон Бредихин предложил переселить в Сибирь 15—16 млн. западных украинцев, кавказ-

цев, таджиков и киргизов. Это предложение было сделано во время «круглого стола» «Евразийский союз: утопия или реальность?» в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону). По мнению Бредихина (фамилия довольно-таки говорящая), в России после вхождения Украины в Таможенный союз необходимо будет создать «демографический кордон против китайского наплыва». Партийный функционер предложил отправить в Северную Сибирь 7 млн. украинцев, в основном из западных районов, на Юг Сибири — Забайкалье — направить 3,5 млн. кавказцев и перенаправить в Зауралье поток мигрантов из Киргизии и Таджикистана — 5 млн. человек.

Понятно, что такие предложения очень радуют сторонников «европейского выбора» на Украине. Отличная «реклама» проекта евразийской интеграции, куда Москва всячески зазывает Киев. Западным украинцам предлагают сотнями тысяч грузиться в вагоны и ехать осваивать Северную Сибирь. И это в то время, когда под «мудрым» руководством наших властей продолжается отток населения из Сибири и Дальнего Востока. Вместо того, что принять и начать реализацию масштабных проектов по росту численности коренного населения РФ, новому освоению Сибири и Дальнего Востока, чиновники ищут лёгких путей. Намного проще заменить коренных жителей на мигрантов.

Нужна ли вообще России массовая трудовая миграция?

Чтобы понять откровенное вредительство российских чиновников и представителей бизнеса, надо осознать простой факт — никакой первостепенной важности в трудовой миграции в нынешней России в настоящее время нет. Массовый завоз трудовых мигрантов, по сути рабов, связан с интересами работодателей в целом ряде отраслей и сфер деятельности. Это большие деньги. Сложилось целое лобби, которое поддерживает установку на жизненную необходимость трудовой миграции для России. Бизнес интересуется сиюминутная выгода, а не средне- и долгосрочные интересы России и её народов. То, что выгодно фактическим рабовладельцам, приносит прямые и косвенные убытки стране и народу (в том числе и в долгосрочной перспективе). Большая часть заработка трудовых мигрантов вывозится из России, не попадая ни под какое налогообложение, и выпадает из системы внутреннего спроса. Огромное негативное воздействие оказывается и на рынок труда. Утверждение, что гастарбайтеры не являются конкурентами коренному населению на рынке труда, — это откровенная ложь.

Ещё одна проблема, которую создаёт массовая трудовая миграция, это психологическая деградация населения РФ. Работодатели привыкают использовать рабский труд, становятся рабовладельцами. Простые люди начинают предпочитать не производственный труд, а работу продавцов, пополняют ряды «офисного планктона» и охранников. Это крайне опасный симптом, говорящий о вырождении народа.

Как уже выше отмечалось, массовая миграция представляет опасность и с точки зрения политической стабильности. Так, 26 декабря в Казани прошло заседание местного экспертного клуба Российского института стратегических исследований (РИСИ) на тему «Исламский фундаментализм и мигранты в России в постсоветский период: масштаб распространения, последствия, конфликтный потенциал». Руководитель Приволжского центра Раис Сулейманов сообщил, что массовая трудовая миграция из государств Центральной Азии привела сегодня к потоку исламских фундаменталистов. «У себя на родине радикалы на законных основаниях подвергаются строгому уголовному наказанию, правительства среднеазиатских республик не церемонятся с ними, однако в России в силу либеральности уголовного наказания для исламистов последние чувствуют себя вольготно», — сообщил эксперт. К примеру, во время митингов в столице Татарстана в июле 2012 года в качестве основной массовой присутствовали не только выходцы из среднеазиатских республик — узбеки и таджики, но даже группа египетских арабов.

Эксперт также отметил, что в среде мигрантов идёт активный процесс создания организаций, альтернативных существующим национально-культурным структурам. И они практически сразу начинают делать заявления от имени мигрантов, оказывая воздействие на информационное поле России. Кроме того, мигрантов в своих интересах используют некоторые религиозные организации и отдельные политические, общественные деятели, повышая собственную значимость и влияние. Отметились на этом поле и правозащитники, защищая интересы мигрантов и религиозных фундаменталистов.

Раис Сулейманов делает весьма печальный для России вывод: «Мы абсолютно реально можем оказаться в ситуации Западной Европы, где никакой интеграции мигрантов уже нет, а идет процесс замещения населения с насаждением привнесенных радикальных религиозных убеждений под идеей толерантности, давно превратившейся в идеологию диктатуры меньшинства над большинством».

Интересные выводы сделал в своём докладе и другой эксперт Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований РИСИ Василий Иванов. В своём докладе

«Второе поколение мигрантов в России и политизация их религиозных взглядов: прогноз возможных последствий» он сообщил, что особенностью молодых мигрантов является сугубо религиозная самоидентификация («мы — мусульмане»), когда национальная идентификация отходит на второй план и навязывается «демонстративная россиефобия». Радикальность их взглядов заключается в том, что они нормы шариата ставят выше российских законов и ценностей. Территория России в их понимании — это будущая часть «Великого халифата». За скобками остаётся тот факт, что её ещё надо захватить и решить «русский вопрос». При этом мигрантская молодёжь уже не считает себя «приезжими», а акцентируют внимание на том, что они — «местные», т.е. пользуются либеральностью российских законов и порядков, чтобы распространять свои идеи, строить «халифат».

Экспертами отмечается, что в России уже активно идёт процесс создания этнорелигиозных кварталов, этнических анклавов по образцу Западной Европы. В частности, в Казани — это улицы Тукая и Нариманова (район Центрального рынка). В Москве — район метро «Проспект Мира» (соборная мечеть), Люблино и станции метро «Войковская». Отмечено, что в 23 населённых пунктах Татарстана стали компактно оседать группы мигрантов, которые обычно стараются построить «свои» мечети, моленные дома, которые со временем превращаются в центры пропаганды радикального ислама. К примеру, это село Шумково Рыбно-Слободского района Татарстана, где уже почти треть населения — таджики. Исторически Шумково было русской деревней, в советское время в ней стали селиться татары, но это не вызвало напряжённости, т.к. татары уже несколько столетий являются «русскими». В 2000-е годы село начали активно осваивать таджики. Процесс «захвата» села стандартен: вначале дом в деревне купил один из них и перевез свою многодетную семью. За первой семьёй дома стали покупать другие таджики. Они перевозили своих домочадцев, нередко были и полигамные семьи. Отношения с русскими и татарами там напряжённые, уже имели место потасовки, коренные жители села против строительства мечети.

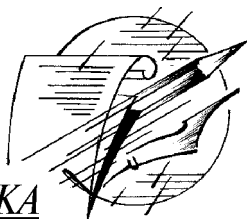
Россия идёт по пути стран Европы, и в скором будущем мы можем стать свидетелями бунтов мигрантов. Они будут использованы врагами России как способ давления на политическое руководство. Их вооружённые столкновения с полицией в Москве происходят уже сейчас. Фактически мы являемся свидетелями процесса захвата нашей Родины. Может так случиться, что когда мы опомнимся, будет уже поздно.

Владимир БОГДАНОВСКИЙ
Лариса АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

МИГРАНТЫ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ОККУПАНТОВ

Подмосковное сельскохозяйственное производство сегодня практически полностью зависит от трудовых ресурсов, которые исправно поступают на территорию региона из стран СНГ. Какие угрозы таит этот неконтролируемый процесс для аграрной отрасли? Об этом корреспондент «Подмосковья» Лариса Александровская беседовала с кандидатом экономических наук, руководителем отдела экономики и социологии труда ВНИИ организации производства, труда и управления сельского хозяйства РАСХН Владимиром Богдановским.

В сельскохозяйственных организациях и особенно в крестьянских (фермерских) хозяйствах Московской области сегодня сплошь и рядом работают выходцы из стран ближнего зарубежья — Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии. Их точное количество не назовет никто. Например, в миграционной службе Пушкинского района сообщили, что лишь один фермер в нынешнем году сделал заявку на пять человек, имеющих хотя бы небольшое представление о работе в сельском хозяйстве. Основная же масса приезжающих

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

на заработки из бывших союзных республик «растворяется» на бескрайних просторах строительного бизнеса.

Многие эксперты утверждают, что российская экономика не выживет без труда мигрантов. Лет десять назад это категоричное утверждение считалось кощунственным. Однако уже через три года трудовые ресурсы страны сократятся на восемь миллионов человек, а к 2025 году — на 18—19 миллионов. Во многих регионах локальные рынки испытывают абсолютный дефицит рабочей силы.

— *Владимир Андреевич, когда начался активный приток мигрантов в подмосковное сельское хозяйство?*

— Социологические исследования дают исчерпывающие ответы на многие вопросы, которые сегодня находятся на острие общественного интереса. К таким относится и использование иностранной рабочей силы. Ее недостаток в отечественной экономике стал активно покрываться за счет внешней трудовой миграции, начиная с 2000 года. Официальные данные формируются, как правило, на основании выданных разрешений на работу; уведомлений, получаемых от работодателей, привлекающих иностранных работников; выданных разрешений на работу лицам без гражданства. Сегодня в общей численности занятых в стране на иностранную рабочую силу приходится уже свыше 16%, и она становится важной составляющей баланса трудовых ресурсов.

Сельское хозяйство до 2005 года не отличалось большими масштабами использования иностранных работников. Однако уже к 2008 году число трудовых мигрантов в аграрном секторе возросло почти в восемь раз. Сейчас этот показатель еще выше. Однако для сельского хозяйства в еще большей мере, чем для экономики в целом, характерно фактически неконтролируемое участие мигрантов. Подчеркиваю, именно участие, а не использование, потому что иностранцы на пустующих землях бывших сельхозпредприятий организуют собственные производства.

— *Чем плохо использовать трудовых мигрантов в производстве сельхозпродукции?*

— На таких производствах происходят грубые нарушения. В результате на рынках реализуется сельхозпродукция сомнительного качества. И даже если контролирующие органы устанавливают подобные факты, улучшения ситуации в целом не происходит. Например, фактически неконтролируемая работа многочисленных бригад китайцев по производству сельхозпродукции, в основном овощей, стала важнейшим дестабилизирующим фактором для сельских территорий Дальнего Востока, Восточной Сибири и даже Нижнего

Поволжья. Казалось бы, это довольно далеко от центральных регионов. Но формы самостоятельного хозяйствования иностранцев в производстве овощной продукции распространились и в Московской области. На полях бывших крупных и высокоэффективных сельхозорганизаций ближайшего Подмосковья можно встретить их «кочующее» пленочное производство, последовательно от одного поля к другому истощающее природное плодородие земли и загрязняющее окружающую среду. Произведенная таким способом продукция не соответствует установленным стандартам качества, но все равно ее реализуют, игнорируя предписания контролирующих органов.

— *Как трудовые мигранты адаптируются в аграрном секторе Подмосковья?*

— Исследуя проблему использования иностранной рабочей силы в сельском хозяйстве, я не раз сталкивался с довольно агрессивным протестом коренных жителей сельских поселений, в том числе и в Подмосковье. На селе, с его консервативным укладом жизни, адаптация мигрантов происходит с большим трудом. Мне встречались деревни, где их количество буквально подавляет местное население. Но и социальные протесты весомых результатов не дают. Причина такого положения дел — в правовой слабости и коррумпированности местных чиновников.

— *Но ведь такие предприятия создают конкуренцию на рынке, что должно быть на пользу потребителям?*

— Открытие в аграрной отрасли собственных производств теми мигрантами, которые не обладают достаточными знаниями для профессионального ведения сельского хозяйства, но готовы заработать лишнюю копейку любой ценой, приводит не только к наполнению рынка некачественной сельхозпродукцией, но и разоряет местные фермерские хозяйства. Приведу лишь один пример. В этом году на полях значительной части фермерских хозяйств Волгоградской и Астраханской областей остался неубранным выращенный урожай помидоров, а позже — и арбузов. Почему такое стало возможным? Да потому, что функционирующие рядом китайские сельхозпредприятия реализовали те же помидоры с арбузами по ценам ниже, чем минимально допустимый уровень затрат фермеров на рабочую силу. Но даже такой, довольно низкий, уровень оплаты труда работников из местного населения, нанимаемых на уборку урожая, фермеры не могли себе позволить. Ведь тогда себестоимость их продукции стала бы выше цены, по которой китайцы продавали свои помидоры и арбузы.

Таким образом иностранцы практически сформировали локальные цены продаж, заставив фермеров свернуть свое производство. О законах конкуренции здесь говорить не приходится, так как добросовестная конкурентная борьба обя-

зательно предполагает повышение качества товара. Наши фермеры поставлены перед весьма неприятным выбором: либо искать иную форму хозяйственной деятельности, либо пополнять миллионные ряды экономически неактивного населения, переходя на ведение семейного потребительского хозяйства. Так в некоторых регионах мигранты превращаются в настоящих оккупантов.

— *Как бороться с нелегальными предприятиями мигрантов по производству сельхозпродукции?*

— Чтобы часть рынка аграрного труда, которая сегодня восполняется мигрантами, стала дополнительным управляемым ресурсом развития сельских территорий, необходимо существенно дополнить нормативно-правовую базу, особенно в части самостоятельной сельскохозяйственной деятельности иностранных граждан. Центр тяжести должен находиться в сфере регулирования трудовых отношений, причем на тех направлениях, которые более всего затрагивают миграционные процессы. Необходимо наладить учет собственных трудовых ресурсов на сельских территориях, определить объем иностранной рабочей силы, необходимый для эффективного развития села. Условия найма и использования рабочей силы иностранцами-предпринимателями должны соответствовать условиям трудовых отношений по законодательству нашей страны. Только так можно противостоять существующей жесточайшей эксплуатации иностранными работодателями (а нередко и российскими, нарушающими законы) соотечественников, имеющих крайне низкую оплату труда, антисанитарные условия проживания, которые противоречат всем международным конвенциям и соглашениям, но зато дают огромные преимущества в снижении затрат на производство продукции. В конечном итоге должны быть созданы такие нормативно-правовые и экономические условия привлечения иностранцев в сельское хозяйство и в целом АПК, которые будут привлекательны не только для них, но и для нашего государства, регионов и отдельных муниципальных образований. Это позволит вывести из тени использование сотен тысяч иностранных трудовых мигрантов, спрогнозировать их необходимую численность по стране и каждому региону, отраслям экономики и профессиональному предназначению. То есть разработать реальную политику стратегического формирования баланса трудовых ресурсов в стране, без чего никакая экономика развиваться не может.

«Подмосковье», №233

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

БОБРОВАЯ ХАТКА

Порой случается, что жизнь как будто замрет. Облака по небу, словно по кругу ходят, и, глядя на них, кажется, что ты живешь уже долго-долго, все знаешь, все понял, и ничего впереди интересного нет. Скучно в такие дни.

«Где же лето? — стоял на берегу речки Сан Саныч. — Туристы бы хоть развлекли. А в такую распутицу редко кто приезжает».

Плотник Сан Саныч безвыездно жил в музее исторической реконструкции, жил в избе из старинных огромных бревен, так что до потолка было уложено всего пять венцов. Дом стоял над рекой, место холодное, но выручала печь. О дровах думать не приходилось, их привозили для бани машинами. В купеческой бане изредка мылись музейщики, однако в последние годы повадились нахрапистые «крутые», и отказать им было нельзя. Но они же снабжали дровами, — иначе откуда взять, если даже электролампочки директор музея кое-как выколачивал у местного руководства.

По ночам, ворочаясь на деревянной скрипучей кровати, Сан Саныч раздумывал: «Почему такой важный объект существует на крохи и мелоч-

ПРОЗА

ные подачки?» И переносился мыслью в музейные здания: земская школа, сельский трактир, городская почта, ямщицкий двор, купеческая баня... Огромные средства были затрачены, чтобы восстановить старину, чтобы люди своими глазами увидели, как жили когда-то их предки! Советская власть понимала значение этих музеев, а у нынешней они «проедают» бюджет...

Но и не думая о музее, не раздражаясь ничем, Сан Саныч спал плохо. Вставал, выходил на крыльцо, облокачивался на резные перила и словно к чему-то прислушивался. Речка привычно журчала, мигали на небе звезды, изредка кошка Анфиса прижучит мышь, и та закричит детским голосом... Мышей Анфиса не убивала, только играла с ними. Приносила хозяину поиграть. Дважды, зимой, Сан Саныч слышал шаги и знал, что это она идет через лес по каким-то неизвестным тропам, ищет, ищет его...

— Я здесь, Наташа, я здесь! — беззвучно кричал, боясь, что шаги исчезнут.

Жена умерла после долгой болезни. Он отдал шурина ружье — боялся, что от глущей тоски застрелится. Больше трех лет душила тоска. Жена приходила во сне, и он не хотел просыпаться. Однажды она подала ему сок в бумажном стаканчике, терпкий и необычный. Никогда он не пил такой сок. И были в том сне они молодые, и дочка была еще маленькой, он дал ей денег на цветные карандаши...

Долго потом размышлял, отчего такой сон? Как получается, что люди проходят сквозь время, сквозь жизнь и смерть, и всё происходит как будто в яви?

Взрослая дочь не понимала его.

— Ты какой-то старорежимный. Женись, отец. Много хороших женщин.

Он отмалчивался. Когда появилась возможность перебраться в музей, продал квартиру, а деньги оставил дочери.

Днем Сан Саныч строил гостиницы. Плотницкая бригада была небольшой, а работы невпроворот. Приятель Володя занимался наличниками и причелинами, вырезая орнамент по специальным рисункам, возмущался, что платят мало. Мало платили всем.

В гостиницах, выполненных под старину, однако с удобствами по-современному, останавливались разные люди, но чаще — вальяжные отпрыски сытых родителей. Приезжали на роскошных машинах, везли с собой выпивку и девчонок — до утренних зорь слышались музыка, хохот и визг.

— Красные фонари уже надо на них, — сказал однажды Володя директору. Тот усмехнулся: с гостиничных выручек реставрировали музейные здания.

Сан Саныч все же дождался хорошей погоды. Бродил по музею в компании пса и Анфисы, улыбался, сам не зная чему. Одуванчики устелили землю яркими ковриками. Как ошалелые, пели птицы. По ночам Сан Саныч слушал соловья, казалось, что даже видит его, видит, как трепещет у него горлышко. И однажды под вечер увидел в речке бобра: он плавал, медленно поворачивая свое крупное тело.

Сан Саныч замер на крыльце, боясь испугнуть неожиданно-го гостя. Пес тоже увидел пришельца. Какой-то момент был в шоке, и вдруг прямо с крыльца кинулся в воду.

— Стой! Стой! Стой, паразит, — не своим голосом закричал Сан Саныч. — Стой, Дружок!..

Но пес приближался к бобру. Тот нырнул, как дельфин, выплыв у берега и взбаламутив воду. Пёс кинулся следом, бобер шлепнул хвостом, и брызги огромным крылом накрыли Дружка! В два скачка добравшись до заводи, бобер исчез под водой. Пристыженный пес виновато смотрел на хозяина.

Через несколько дней бобер появился снова. А еще через несколько дней Дружок потащил хозяина за собой вниз по реке, и Сан Саныч увидел кучами сложенный мусор. Пластиковые пакеты, бутылки были отдельно; тряпки, стеклянная тара, сигаретные пачки — отдельно. Увидел спиленные зубами бобра деревья. «Жить остается!» — понял. И уже сам, без приглашений Дружка, стал ежедневно ходить «к бобру», удивляясь, как умно тот строит плотину, как вмуровывает в свою бобровую хатку собранный мусор, прочно замазывая его илом.

С теплой погодой посетителей в музее прибавилось. Приезжали поодиночке и группами, часто с детьми. Восторженно ахали, увидев ветряную и водяную мельницы, «настоящую лошадку» на лугу, старинные церковки... Подкармливали Дружка, и он от избытка чувств работал за экскурсовода, — водил их «к бобру».

— Добегаешь, — предупреждал плотник. — По заслугам получишь.

В одну из «экскурсий» Дружок действительно получил, — бобер укусил его в голову.

— Как только глаз у тебя не вытек, — обрабатывал рану Сан Саныч. — Почти у глаза хватил! Никто не виновен, ты сам достукался. Живет наш бобер, и пускай живет. Глянь, как он речку нам запрудил. Две плотины построил. Ты так попробуй: спили деревья, да потаскай... Анфиса вброд эту речку переходила, а теперь глубина, мельница бесперебойно работает...

Пес слушал его и скулил.

Однако к бобру относился тепло лишь Сан Саныч, остальные в музее бобра не любили. Он якобы губит природу, рас-

пугает и съест всю рыбу, а какую не съест, та подохнет в стоячей воде, и речка, поднявшись, затопит строения. Даже приятель Володя стал говорить, что пришельца надо прогнать.

— Ты-то чего? — удивился Сан Саныч. — Ну, прогони. И вода обмелеет. Много ты рыбы тут наловил? Мелочь одна, норка на пропитание.

Норка давно прижилась здесь у берега, но видели ее редко — она осторожничала.

Бобер между тем строил третью плотину, отвернув русло речки далеко в сторону, словно показывал, что топить ничего не будет. Он по-прежнему появлялся у дома Сан Саныча и с наслаждением плавал. В сентябре вместе с ним стал плавать второй бобер. «Жена!» — догадался плотник.

Самка заметно отличалась от супруга. Она была меньше, с коричневым мехом, округлая, а он — темно-серый и мускулистый.

Появление второго бобра всполошило музейщиков.

— Всё теперь изгрызут! — кричала завхоз, словно берег был подотчетным.

— Убить! — размахнулся старший научный сотрудник. — Бобровое мясо самое диетическое, а шкуры на шапки пойдут.

Сан Саныч не верил своим ушам. «Он к вам под защиту пришел, — а вы?..» И ночью долго не спал, мучаясь тем, что бобров или выгонят, или убьют. Кое-как дотянул до утра. Когда подъехал микроавтобус с рабочими, спустился к речке умыться. Колесо мельницы ровно скрипело, под ним шумела вода, и Сан Саныч опять обратился к бобру: ведь это его заслуга!

Немного взбодрившись, пошел к стройплощадке, но не работать, а испросить у директора разрешения съездить в библиотеку. Тот отпустил.

Добраться до города было непросто. Если не подвернется попутка, то только на электричке. Попутки Сан Санычу не подвернулось. Поднялся на железнодорожную насыпь, встал на платформе — ждать. Кругом золотился лес, уже по-осеннему тихий, ни ветерка — тихо было до звона в ушах.

Сан Саныч любил природу, в музей перебрался лишь потому, что он среди леса. Когда-то купил ружье бродить по тайге — без оружия все-таки страшно. Сколько троп исходил, сколько видел всего! Он и книги любил о тайге, особенно «Весьегонскую волчицу» Воробьева. Читал ее, перечитывал, и всегда горький ком застревал в горле. «— Милая... Прости, милая... Слышишь? — Он все гладил и гладил волчицу по голове, чувствуя, как жизнь уходит из нее».

Вот так и он гладил жену, и эти слова Егора к волчице непостижимым образом обращал к ней, Наташе...

Вдали послышался гул, рельсы ожили, — электричка.

В читальном зале библиотеки Сан Саныч потребовал дать ему все, что имеется о бобрах. Получив несколько книг, делая выписки, хмыкал: бобры, разрезая прибрежные заросли, препятствуют гниению деревьев и водоемы от постройки бобровых плотин становятся чище, а рыбы в них больше; корм у бобров только растительный.

Вернулся в музей в приподнятом настроении. Сейчас отнесет исписанный лист директору, пусть тот успокоит нервных сотрудников. Но в музее его оглушил Володя:

— Первую плотину разбили.

— Кто?!

— А бог его знает, территория не огорожена, народ вокруг всякий.

Сан Саныч помчался к плотине. Большое, красивое, умное сооружение было варварски изувечено. Ломал не один человек, один не осилит. Вода, перехлестывая через остатки плотины, все-таки не осела, — держали плотины вторая и третья. Стал пробираться к ним. Ветки хлестали по лицу, цеплялся курточкой за сучки... «Где же бобры? Крикнуть бы им: уходите отсюда! — может, поймут?..»

Сел у воды. «Да что же такое?! Нет ни законов и ни управы!»

Осень пришла с дождями. Бобров не было видно. Сан Саныч не верил, что оставили речку: куда им под зиму? И по первому снегу заметил следы. Обрадовался! Чуть позже увидел осинки, заточенные «под карандаш», — кормом, видать запасались. Никому ничего не сказал, — как норка, стал осторожен. Но в декабре городской спорткомитет начал готовиться к лыжным соревнованиям. Проводились они традиционно в районе музея, снегу выпало мало, и начальник спорткомитета подогнал к речке «снежную пушку».

— Не надо! Не надо! — взмолился Сан Саныч. — Искусственного снега вам все равно не хватит, водоем небольшой, а бобров вы погубите.

— Бобров? — удивился начальник. — Так, вроде, они ушли. Я так слышал.

Пришлось рассказать.

Человек оказался хороший, понял, пушку отволокли, соревнования перенесли на январь.

А зима Сан Санычу надоела, как никогда! Он словно впервые узнал, что есть сибирские зимы, что на работу идти надо затемно, возвращаться с работы опять в потемках, и что ме-

тели укорачивают без того короткий световой день. Анфиса тоже томилась — сутками валялась на сундуке. И только Дружок был счастлив — в музей прибежала чужая сука, и он усердно за ней ухаживал. Он даже бросил сторожевую службу, считая любовь гораздо важнее.

Но вот дожили до Масленицы, отпраздновали, и время помчалось быстро. К середине апреля речка освободилась ото льда, наполнилась таявшим снегом с гор, но затоплений не было, как обычно — бобер очень умно все рассчитал. Сан Саныч ждал его. Он привязался к нему, как к Дружку и Анфисе, и если бы надо было кормить бобра и бобреху, кормил бы, ничуть не жалея денег.

И плотник «дождался»: увидел на речке сеть. «Это когда же и кто успел?» — ахнул.

В бешенстве он явился к директору:

— МЧС вызывайте, самим нам не справиться! Звоните в милицию, берите бобров под защиту!

Директор смотрел на него как на идиота. Сказал, не скрывая зевка:

— Надоели вы мне вместе с бобрами. Не мое это дело, понятно?

У Сан Саныча опустились руки. «Никому ничего не надо... Да и пусть все провалится, что я один-то воюю!»

Вечером он напился. Плакал, размазывая кулаками слезы: «На мясо диетическое позарились!.. На мех позарились!.. Сволочи!..»

Анфиса с Дружком в испуге забились под лавку. Неприкрытая дверь распахнулась, в дом набирался холод. Сан Саныч не замечал, он даже не слышал плеск весел, чего на речке никогда не было. «Нет, я тебя выслежу, гад, я от тебя не отстану...» — стучал кулаком по столу, так что пустая бутылка упала на пол.

Но сеть на другой день исчезла. А вскоре Сан Саныч заметил бобренка. Чуть больше двухмесячного щенка, он то ли нырял счастливо, то ли метался, отыскивая родителей. Их не было видно. Плотник пошел по течению вниз, пристально вглядываясь в воду, в кусты... Добрался до третьей плотины, и тут наступил ногой на большой острый камень. Нагнулся. Это была бобровая челюсть.

Больше Сан Саныч не смог оставаться в музее. Купил домик на краю города, близко от леса, и забрал Дружка и Анфису.

СОСЕД

В «спальном» микрорайоне из старых пятиэтажек люди давно привыкли друг к другу, здоровались, улыбались при

встречах, и было не по себе, когда в одном из домов поселился в законе вор. Его однокомнатная квартира, бронированная со всех сторон, смотрелась дико и страшно. Дико было и то, что отделяли ее заключенные: их привозили издалека, охрана затаскивала в квартиру тушенку, картошку, крупы, — жили подолгу.

Наконец прибыл и вор. Невысокого роста, плотный, с приветливым взглядом. В первый же вечер явился к соседке Марише.

— Карасей наловил. Луку нет. Можно в обмен на лавровый лист?

Улыбнулся. Мариша тоже натянуто улыбнулась. Пригласила его на кухню.

— Ничего, подожду у порога.

Она немного расслабилась.

Когда приехали к вору жена и ребенок, совсем успокоилась. Соседи по лестничной клетке тоже стали спокойней, не закрывали дверей на десять запоров, не спрашивали перепуганно: «Кто?!» Привыкли и к «стрелкам» у вора. Вентиляционный канал пропускал абсолютно все звуки, но вора это не трогало. Кричал, как в степи, и кричали его подельщики. В общем шуме не разобрать было слов, да соседи и не прислушивались. Интересно было одно — никто не видел, как приходили к вору. Как уходили — тоже.

Время от времени вор уезжал вместе с семьей, затем они возвращались.

Как-то под осень Мариша встретила его у подъезда: нес корзину грибов, одет был в спортивный костюм, на который налипли сухие былинки. Весело поздоровался, вынул пакет из кармана и начал накладывать ей грибы.

— Чудесно в лесу! Мать приучила. Порой неохота, а скажет с утра: «Не отвертись, Вовка!» — и я иду.

Мариша знала уже, что он местный, и жил он в том же районе, где жила ее бабушка. Она часто бывала у бабушки, но о нем ни разу не слышала. Принимая грибы, поблагодарив, думала удивленно: «Такой обаятельный человек контролирует преступную сеть целой области!»

Иногда вор сидел у себя на балконе за крепкой решеткой, балконы его и Мариши были на одну сторону, и Марише казалось, что Володя сидит на скамье подсудимых. Было жалко его. Но ему, очевидно, было вольготно. Кидал с балкона окурки и поливал кого-то площадной бранью.

Случилось, Мариша ждала гостей. Резала овощи для салата. Из кухни было особенно слышно, что творилось в квартире соседа. Там шли разборки, потом утихло, и вдруг она замерла в изумлении:

— Лимон отдаем детдому. Но! Пусть хоть копейку зажмут у детей!

Это было невероятно! Воры, преступники думали о брошенных детях, когда напрямую ответственные за этих детей, обкрадывали их без зазрения совести. То, что «лимон» не с мира по нитке, было понятно, однако и не с рабочего люда, — и Мариша тех «пострадавших» не пожалела.

Привычный стереотип поломался. Экранные воры в законе, рвущие на себе майки, ботающие по фене, с косыми хари, испарились. Не стало веры телепрограммам, показывавшим воровские разборки с пулеметной стрельбой и сотнями трупов. Бывают, наверно, но редко и уж конечно без моря крови.

С тех пор она относилась к Володе как к другу. Подружилась с его женой, и скоро все перешли на «ты». Маришу смешили в Володе непонимание самых простых вещей, и то, что коренной житель их города, он плохо в нем ориентируется.

— Подкинь к администрации, — попросила однажды: Володя был за рулем и кого-то ждал.

— А где это?

— Где новый храм.

— Не знаю.

— Ну, где нарсуд.

— А-а. Садись.

Мариша была депутатом городской Думы. Дважды в месяц ездила на заседания. Сперва ей казалось, что она что-то сможет, ретиво взялась за борьбу с произволом жилищных компаний, но эта борьба была в одиночку. Почти в одиночку, и, просиживая подол, голосуя «за покупку склянки чернил губкооперативом», она ужасалась: начало двадцатого века и нынешний день одинаковы! Сравнивая соседа Володю с коллегами депутатами, которые запросто продаются и покупаются, думала, что лагерные законы надо внедрить на воле!

А в тот майский вечер она возвращалась из магазина. Пахло черемухой, распутившейся яблоней, ласковый ветер касался лица. Встретила двух знакомых мужчин: у одного в руках была водка, у другого пакет с помидорами.

— Третий не нужен? — расхохоталась.

— Воскресенье, Маришка... Вчера был День пограничника, не успели.

— Вы пограничники?

— Ракетные войска. Но все равно обеспечивали безопасность границ.

Тут подошел третий «пограничник», получился полный комплект, и Мариша с ними простилась.

У своего подъезда присела на лавочку, — не хотелось идти домой в такую приветливую погоду. Подъехала «Вольво», из машины вышла жена Володи — почерневшая и растрепанная. Сделала шаг и упала. Перепуганная Мариша кинулась ее поднимать, подбежал водитель.

— Мужа убили, — сказал.

Володю убили настолько нелепо, что поверить в это было почти невозможно: возвращался с автостоянки, напали пьяные парни.

— Нашли их уже, — водитель вздохнул.

На отпевание, в том самом храме, который Володя не знал, где находится, администрация города явилась в полном составе во главе с мэром. Тут же стоял начальник милицейского управления. И группа мужчин во всем черном. Суровых.

Люди прошались у церкви с вором в законе, «смотрящим», у которого при нападении был пистолет, но он им не воспользовался.

ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ

У Александры Ивановны больные ноги, и в холодное время года она редко выходит из дома. Поставив кресло напротив окна, она забавляется снегирями, синичками и воробьями, которые прилетают к ее кормушке. Возле кормушки пририта ветка, и синички то кувыркаются на ней, как акробаты, то ссорятся между собой, топыря крылышки, пугая друг дружку, то с любопытством заглядывают к Александре Ивановне в окно, вертя головами, раскрашенными, как детские мячики.

Но первыми утром появляются снегيري, огласив свое присутствие вежливым: «Гик!» Не спеша, пережевывают семечки, степенно посвистывают. Синички, опоздав, пытаются их вытолкать из кормушки, однако снегيري не обращают на них никакого внимания. Или шипят: успеете!

«Фити-фити!» — шумят синички, хватая из-под носа снегирей семечки и тотчас кидаясь прочь. Их «мамаша» — самая крупная и важная, сердится, чему-то их наставляет, а они, опрокинувшись вниз головой на ветке, весело ждут, когда она успокоится.

Бывает, что снегيري съедают все без остатка, и тогда синички находят Александру Ивановну в кухне, стучат носом в стекло: «Забыла о нас?»

А вот воробьев Александра Ивановна недолюбливает. Они шлепаются в кормушку прямо на снегирей и синиц, хватают как можно больше, и никак не могут наестись. А если заглядывают к ней в окно, то не просят, а требуют: «Давай семечки!»

Наблюдая за птицами, Александра Ивановна сделала вывод, что они ничем не отличаются от людей. Безалаберная синичка, степенный снегирь, нагловатый воробушек... — это люские качества, но тут поделены на отдельные особи. «Может, это переселение душ? — раздумывает она. — Какая душа у человека, такой он и птицей будет?»

Этажом ниже Александры Ивановны живет Люська. По ночам у нее пьяные сборища, крики, включают на полную мощность магнитофон и он убийственно бьет басами. Никто из соседей с Люськой не связывается: боятся. Александра Ивановна как-то отважилась пристыдить ее, но Люська стала кричать, что Александра Ивановна ловит птиц для еды.

— Своими глазами видела у тебя птичьи перья!

«Ну, гадина! — плакала Александра Ивановна. — Я ей показала пушинку, сказала, что синичка залетела в окно и вот, даже пушинку оставила... А она...»

Синички и снегири к ней залетали часто. Особенно по весне, когда отопление еще не отключено, а на улице тоже тепло. Стоило открыть форточку, а того пуще раму, влетали сразу по нескольку штук. Синички цеплялись коготками за тюль, снегири усаживались на плафон и гладильную доску. Сияло в комнате солнце, делая ее шире, трепыхали крылышками беспечные гости... «Как в раю!» — улыбалась Александра Ивановна, но все-таки выпроваживала незваных гостей: осторожно, боясь напугать резким движением.

В феврале у птиц начинались любовные страсти. Сядет синичка одна-одинешенька на самой макушке дерева, и на квартал слышно ее «витя, витя, витя, витя!» Словно стеклянным молоточком выстукивает. А то возьмет да залетится как глиняная свистулька! Снегири где-то в лесу, воробьев тоже не видно... К кормушке прилетают не часто. Но в марте снова паломничество. И — боже, как радостно «гикают» снегири, как весело кричат «фить-фить-фить» синички! И даже воробушки вместо привычного «ччи-вв!» журчат что-то ласковое.

И так до лета. Но и летом, когда случаются холода и мошкару прибывает к земле, птицы летят к Александре Ивановне. Стучат носом в кормушку, просят; знают, что у нее есть запас.

В августе прилетает уже детвора. Желто-зеленые снегирята, серо-кремовые синичата, светло-бежевые воробушки. Глупые, скандальные и драчливые. Голоса у них, как у сверчков, усиленные в десятки раз. Без опаски лезут в кормушку, толкая друг друга на перекладине распахнутой форточки и заваливаясь к Александре Ивановне прямо на по-

доконник. Синичата дерутся с взрослыми воробьями, долбят их тонкими, как иголки, носиками, и воробьи уступают.

Но на взрослых птиц ей смотреть больно. Измученные, побитые дождями и ветром, пока выкормили своих чад... Снегири всё еще кормят их, перемалывая семечки, проталкивая птенчику далеко в горло: носики у снегирят мягкие, самостоятельно справиться с семечкой они не могут. Но крику, крику! Звенит в ушах от их: «Уи-ии! Уи-ии!» Однако дней через десять, когда снегиренок начинает визжать и требовать пищу, папаша, как каратист, «рубит» крылом — и чад валится с ветки вниз головой! Всё, кормись уже сам!

Пока тепло и можно ходить в магазины, Александра Ивановна покупает корм про запас. Встречаясь на улице с Люськой, всклокоченной и почерневшей от пьянства, она мысленно говорит ей: «Если ты, Люська, не бросишь пить и над соседями измываться, то будешь после смерти вороной! Хочется тебе быть вороной?» И высказав это, Александра Ивановна все же надеется, что Люську минуют вороны перья: долгие годы у вороны, да уж больно скучен.

ПОД ЮЖНЫМ СОЛНЦЕМ

В большой усадьбе, где Александр Иванович снял флигель на месяц, было сейчас спокойно: отдыхающие разбрелись кто на море, кто на экскурсии. Хозяйка стирала под длинным навесом и что-то тихо мурлыкала.

Александр Иванович сидел за столом, затененным каштаном, пытался добиться от внука внятного чтения. Хрестоматия для второго класса, которую надо было прочесть от корки до корки, не давалась Даниле.

Поглядывая на его страдальческое лицо, слушая странно растянутые слова, дед возмущался: ну что тут такого, сказка про белую уточку. Читает же он в журналах всякую дребедень, не мямлит, не спотыкается. Во всем родители виноваты! Некогда ребенком заняться. Спихнуть за компьютер — и красота. То и в школу в шесть лет отдали.

— Это компьютер, Данила, тебя довел. Сидишь за ним, смотришь чужое, а свое, русское, знать не знаешь. Давай сюда книжку, я тебе прочитаю вслух.

Внук заревел и сквозь рыдания выжал:

— Читай... Но только без иностранных слов...

«Вот! — содрогнулся Александр Иванович. — Дожили! В русской сказке — иностранные слова».

— Ладно, слушай. «Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедывал не покидать высока терема, с дурными людьми не ватажиться...»

— Книгиня — что значит? — всхлипнул ребенок.

— Княгиня и есть княгиня.

— Из книги?

— Ну да, из книги. Тьфу! Из какой книги? Богатая женщина, вот тебе и княгиня.

— Как Лариса Игоревна у нас? Она княгиня?

— Она-то? Воровка она!

Тут Александр Иванович застопорился, и подумал, что для семилетнего ребенка эта сказка, пожалуй, сложная.

— Короче, княгиня, — и всё. При царе были княгини, а сейчас нету, — отрезал он.

— А терем?

— Что «терем»? Это компьютер тебя довел, не знаешь терем. Вот особняк с плавательным бассейном ты знаешь! Ладно, читаем дальше.

— А что значит «он заповедывал»?

— Чего «заповедывал»? Заповедывал — это наказывал. Ясно?

— Княгиню наказывал?

— Княгине. Что ты меня с толку сбиваешь?!

Внук зарыдал.

— Ну, ну, успокойся... — захлопотал дед. — Старинное это слово. Плохо, что сносок нет. «Ватажиться» — тоже старинное слово. Это вроде как с кодлой всякой не связываться. «Откуда ребенку понять ваших княгинь... — он уже обращался к издателям Хрестоматии. — Ни единой картинки, хоть бы на них показать».

— Данька, я эту книжку сам прочитаю, — вышел из положения, — буду тебе пересказывать, а ты, когда учительница потребует, тоже своими словами ей перескажешь. Пошли сейчас к морю. Может, поешь на дорожку?

— Я не хочу.

— А я бы поел. Чипсов бы с молоком. В такую жару только это и лезет.

— И я!!!

Получив кошелек, внук улетел в магазин.

«Попадет от его матери, — поцарапал щеку Александр Иванович. — Не разрешается ему. Скажу, чтобы дома, как рыба молчал!»

По возвращении внука, с удовольствием похрустели чипсами, запив холодным молоком, и двинулись на пляж. Вся улица к морю была запружена припаркованными ав-

томобилиями. Внук тыкал пальцем в них и требовательно выкрикивал:

— Дед, называй марку! С трех раз. Раз, два... Дед, сколько тебя учить: это «Ниссан», это «Опель», это «Киа», это «Шевроле», это «Пежо»...

— Да черт их поймет, все широкомордые. Отвяжись от меня!

ВИЗИТ ЭКСТРАСЕНСА

Целую зиму Григорий Сергеевич пролежал на диване: болел. «Зимой нормально болеть, — пересчитывал он плафоны на люстре. — Особенно, если ты на пенсии. Никуда неохота. Был бы моложе, к женщинам бы тянуло, в ресторан бы манило... А сейчас благодать! Выпить можно и дома, не воспрепятствуют, а ресторан вполне заменим телевизором».

Но в мае настроение больного испортилось. Чивикали птички за окном, солнышко весело улыбалось, воздух из форточки был легкий и вкусный... «Пора уж на улицу, сколько лежать-то мне, как колода?..»

— Помощь нужна, — объявил он жене. — Человек такой нужен, чтобы настроил меня, чтобы я встал и пошел. Ты каждый день бываешь на людях, с продавцами общаешься... А я говорить разучился! Поддай мне газеты. Дай очки с сильными линзами.

Получив то и другое, Григорий Сергеевич стал изучать объявления, где предлагали свои услуги гадалки, ясновидящие и прочие.

— «Молодой, но опытный экстрасенс может реально помочь даже неизлечимо больному». Это же надо! Звони ему, Маша.

Жена позвонила, и в пять часов вечера пришел экстрасенс, розовощекий, с припухлыми девичьими губами, с настырным и липким взглядом. Поздоровался. Сел напротив больного.

— Мальчик, — сразу же взвыл Григорий Сергеевич, — помоги! Хожу только в уборную и на кухню!

— Хорошо, хорошо. Есть у вас церковная свеча?

— Маша, где церковные свечи? В верхнем ящике посмотри. Сын у меня приезжал из Афона. Был на Афоне, три километра в гору тащился. Он у меня такой человек! Сразу же двери все заменил. Видишь? Под красное дерево. Я крючок приделал к одной, рубаху повесить, — всё, дыра не заклеишь. Паше звоню, это он ставил двери, а он мне: «Герметик купи, схватится мертво». Некогда было, я только на днях занялся. Герметик под пистолет, я Паше звоню, он говорит:

«Снизу толкни молотком, без пистолета всё выскочит». Я прижал молоток к животу, поднапрягся, — полезло!

— Понятно. Вы свечи нашли? — экстрасенс обратился к хозяйке. — Дайте одну. Нужно окна зашторить.

В полутемном пространстве стало вдруг напряженно. Ощущение это усилилось, когда загорелась одинокая свеча, а экстрасенс вперился страшным взглядом в глаза больного. Длилось это минуты две, но казалось, не кончится никогда. Наконец экстрасенс опустил голову и задумался. Думал он долго. Свеча догорела. В стаканчик, в который она была вставлена, оплавился воск. Экстрасенс взял его в руку, начал рассматривать, поворачивая стаканчик, как будто гадал на кофейной гуще, — и вот молчание прервалось, он заговорил. Речь была длинной, но непонятной. Только в конце он отчетливо произнес:

— У вас печень расширена. Вы обращались к врачу?

— Нет, мальчик, не обращался, — грустно ответил Григорий Сергеевич. — Печень — что, ноги болят. Ты посмотри, какие колени, — стал задира́ть штанины.

— Не надо! Я и так вижу! Я сквозь любую одежду вижу!

— Нет, посмотри. Колени распухли, я им сто раз говорил, что это суставы, они отвечают: двигаться нужно... Вот дойду до редакции, всё расскажу, пусть вздрючат наших врачей.

— Вы сможете встать?

— Встать я смогу. Ходить не могу.

— Теперь можете!!!

Григорий Сергеевич грузно поднялся, сделал четыре шага, и расцвел.

— Спасибо! Спасибо, мальчик! А то ведь кому бы я нужен? Я с детства никому не нужен. Родители разошлись, школу я бросил, болтался по улицам, в армию взяли, сразу женился... У жены — мать, бабушка, соседи, а у меня одна тельняшка.

— Рад за вас, — прервал экстрасенс. — Пройдите к тому углу, — показал.

Григорий Сергеевич браво пошел, наткнулся животом на ручку тренажера, бесполезно стоявшего в комнате, вскрикнул и осел на пол.

— Что, что такое? — подбежал экстрасенс.

— Н-не знаю-уу.. Ой, не дотрагивайся!

Больной двумя руками задрал рубаху вместе с кожей на груди, и целитель даже в полумраке узрел вверху его живота огромный синяк. Отшатнулся.

Григорий Сергеевич, скособо́чась, тоже разглядел синяк.

— От молотка, — заскулил. — Я молотком надавил. Герметик проклятый! Напридумывали, заразы, картонные двери

делать. Мальчик, ничего не меняй у себя в квартире, старые деревянные двери намного лучше, в них хоть десять крючков забей, хоть вешайся на крючках...

— Ясно, всё ясно. У вас очень мощная энергетика, можете сами себя исцелять. У вас предвидений не случилось?

— Нет, не случилось, — трагически реагировал пациент. — Недавно напился, и так желудок схватило! А раньше приеду в санаторий, пьем, сколько охота. Я там как выдам чечетку!.. Мне потом телеграммы шлют: «Приезжай, люблю!» Талант был... Помогите мне, мальчик, на диван сяду. Маша открывай окна, я выздоровел. Почему вот шахматный клуб-то закрыли? Мы туда в преферанс ходили играть. Интеллектуальная игра. Мальчик, не знаешь, кто клуб распорядился закрыть? Я думаю, Сашка, он нам завидовал. Тихонький был, мы с ним вместе работали, а смотри, распоясался...

— Мой сеанс окончен, — целитель рванулся в прихожую.

— Мальчик, куда ты?! Я тебе стихи почитаю. Как раз про меня: «Лошадь встала на ноги, ржанула и пошла...» Это стихи Маяковского. Самый лучший поэт...

— Увольте хоть от стихов!

Хозяйка поспешно вынесла в прихожую деньги.

— Достаточно? Не обидим вас? Придете еще?

Экстрасенс наклонился к ней и шепотом признался:

— Нет.

КОНЕЦ СВЯЗИ

Хозяин дачи сидел за столом под парусиновым навесом и смотрел телевизионную программу: плоские шутки, коверканье слов, вульгарные песенки... Всё это было привычным, и он пил кофе, курил, вполуха слушая жениных родственников, которые за этим же столом резались в карты.

Вернулась с рынка жена, принесла заказанного сазана, компания бросила карты и переместилась в огород.

— Такой шашлычок заварганим! — крикнул женин племянник. — Ел, дядя Юра, шашлык из сазана?

Юрий Трофимович поднялся и пошел посмотреть. Молодежь разделала рыбину, порезала на куски, перемешала с лимонным соком и солью.

— Пока мангал разведем, да дрова прогорят, тут и мяско замаринуется. А между сазаном кусмарика свиного сала, лучок колечком...

— Ну, ну... — кивнул Юрий Трофимович.

— Не нукай, пальчики оближешь.

Хозяин вернулся под навес допивать кофе и досматривать

развлекательную программу. На экране юморист тоже что-то готовил: изображал руками пиалу, что-то сыпал в нее, хихикал, и, наконец, объявил:

— Прощу к столу! Оригинальное блюдо из жопок русских муравьев!

Юрий Трофимович остолбенел. Несколько секунд он ничего не видел и не слышал, как в обмороке. «Ах, ты мра-азь! — пришел в себя. — Разжирили на проституции! Только тем и берете, что с телящика твякаете, а твякни ты на народе — самому жопку поперчат и посолят!»

Он переключил канал. Но, видно, день не задался, на экране истасканная певунья ветхозаветного возраста, прожившая весь свой эстрадный век под фамилией мужа тетки по матери, потешалась над песней «С чего начинается Родина?» Начиная петь, «забывала» слова, хохотала, возвращалась снова и снова к слову «Родина», издеваясь над ним так и этак, и от смеха не в силах была допеть первую строчку.

«Сталина на вас нет! — сжал кулак Юрий Трофимович. — Спела бы ты на погрузке угля! Не знаю, за что он твой род выслал из Вятки на уральские шахты, может, и не виновными были, но ты-то уж точно враг!»

Он отключил пульт, посидел, успокаиваясь. Пошел на огород, где родственники весело мудрили над шашлыком, сказал:

— Сколько терпеть-то мы будем? Мордуют нас, как хотят, а мы терпим.

— А что случилось?

Он рассказал.

— Тю, нашел, от чего психовать.

— Но какую же черную душу надо иметь! По всей России гоняют с концертами, даже нашей дырой не гнушаются. И хоть слово гнилое услышать от них, — никогда! Вежливые, улыбаются. Знают, что гавкни они, в реанимацию попадут...

— Ты бы взял да компьютер купил, там сам себе господин: ни рекламы, ни шлюх. Соединишь системник с телевизором и смотри, что душа пожелает. Заодно сэкономишь на кабеле. Уже половина народу так делает. А что тебе телевизор покажет? Одни и те же кривые рожи.

Юрий Трофимович не поверил, но оказалось, что правда.

— Это что же, кобздец телевизору, что ли? Конец связи, выходит?..

— Да почти что.

В понедельник хозяин купил компьютер и погрузился в его изучение.

РАСКАЗЫ

СПИСАН ЗА НЕНАДОБНОСТЬЮ

Вечная память! Вечная память!

Слова молитвы, исходя из уст священника, поднимаются в высоту церковного купола и там, в вышине, набирая силу и мощь, возвращаются вниз, словно молотом ударяют по вискам и сердцу. Вечная память! Вечная память! Я знаю, что мужчины не плачут. Они не должны плакать. Но... я не замечаю, что воск от горящей свечи падает мне на руку и остывает. Правая рука сжата в кулак до хруста в пальцах, губы прикушены, а глаза... Глаза самопроизвольно наполняются влагой и по щекам скатываются слезинки. А рядом лежит он — такой родной, такой близкий и уже... такой далекий. Через месяц ему бы исполнилось 37. Могло исполниться 40, 50, но...

Он рос нормальным мальчишкой, как и многие его сверстники. Бегал в школу, помогал по хозяйству, ловил рыбу на Буже. Мать с отцом радовались, глядя на него. Радовались, пока не пришла повестка в армию, а там — Афганистан. Мать заказывала молебны в церкви, стояла перед иконами по ночам, читая молитвы, чтоб Господь услышал, вернулся живым из этого пекла ее Юрушку.

ПРОЗА

Первый страшный удар молодой солдат пережил еще там, в Афганистане. Его друг, тоже Юрка, с кем он вместе в ползунках ползал по полу, вместе ходил в садик, в школу, которого он считал братом, сторел живым в танке под Баграмом. Умер отец. Эти две смерти кровавой раной полоснули по психике молодого парня. Он крепился, писал матери добрые письма: успокаивал, шутил. И лишь я, изредка получая его письма, немного знал, что творится там: «Братка! Кругом кровь! Каждый день «вертушки» улетают в Союз, груженные «под завяз» телами пацанов. Братка! Каких пацанов теряем, ужас!» Я писал ему, успокаивал, как мог. Молитвы матери дошли до Бога. Юрка довоевал до конца и в последних колоннах выходил на Термез.

У матери, у всех родственников был праздник — Юран живой! Не верилось, что все позади. Но когда мы встретились, я ужаснулся. Того Юрана, которого я таскал на закорках, шлепал по заднице, не было. Передо мной сидел за столом мужик в тельнике, со складками у рта и с отрешенным взглядом. Он вскочил из-за стола, обнял меня, и плечи его затряслись.

— Вот, братка, любуйся! Отца нет, Юрки нет. А я... живой. Зачем?..

Он вернулся к столу, налил стакан самогонки и, не закусывая, как воду, выпил.

А в стране начиналась перестройка. Из могучей когда-то страны, сделали лоскутное одеяло. Пацаны, которые защищали честь нашей Родины, были никому не нужны. Правительству было не до них. Они остались предоставленными самим себе. Кто ушел в криминал, кто нашел внутренние силы переломить себя и стал работать, а кто... Юран стал пить, пить каждый день. Раза два он устраивался на работу, но кому нужен был человек, говоривший правду в глаза, а если что не так — хватавший начальников за грудки?

Земляки его любили и уважали. Он им платил тем же. Когда просили — шел помогать убирать картошку, колоть дрова.

Мы виделись почти каждый месяц. Сначала я старался его уговорить бросить вино к чертовой бабушке, забыть о прошлом и начать жить по-новому. Он слушал меня, жадно затягиваясь сигаретой. Затем на лице начинали играть желваки, и оно меняло свой цвет. Чернота появлялась под глазами и медленно опускалась вниз.

— Братка! Сбавь обороты и подумай, чего мелешь. Забыть! Разве можно это забыть? Разве можно забыть друзей, с которыми делил на глотки воду из фляжки, которые прикрывали тебя в атаке, а ты прикрывал их? Они мне снятся каждую ночь. Так что, братка, замолчи! Дай лучше полтинник.

Я доставал деньги, и он уходил. Возвращался минут через пять, ставил бутылку самогонки на стол и выпивал стакан, не закусывая. Чернота спадала с лица. Он вытирал тыльной стороной ладони губы и совал сигарету в рот.

— Мне плохо, братка! Днем я живу среди вас, а приходит ночь... и я с ними. Мне опять вчера снился Сашок, взводный наш. Он мне крикнул: «Юран, прикрой сзади!», а я не успел. Я сам от двух «духов» отбивался, чудом уцелел. А зачем? Лучше бы мне остаться там. И вам бы было спокойнее, и мне легче. А здесь тяжело, кругом сплошной «козлятник»... Мы вас туда не посылали — говорят. А кто нас посылал? Пушкин? Или я по комсомольской путевке туда поехал? А по чьему приказу остались там тысячи братишек? За что? Ради чего? Родину защищал? А где она, Родина? Родина для тех сейчас, у кого карман полный, а мы...

— Не озлобляйся, Юран. Родина и правительство — это разные вещи. Коснись чего, ты снова возьмешь «калаш» и пойдешь ее защищать, не полезешь же ты в подпол отсиживаться.

— Защищать? Пойду. А куда я денусь? А кто еще пойдет? Сынки этих чинуш? Их откупят, да и какие из них вояки!.. Еще пару таких «Афганов», и Россия без мужиков останется, выбьют деревню. — И он, уронив голову на стол, затрясся в истерике.

Шли месяцы, годы. Болезнь все сильнее охватывала Юрана. Другой бы пять раз умер, а он жил наперекор всем законам. Богатырское здоровье сопротивлялось алкоголю.

На ВТЭК ехать отказался, врачи сами приезжали к нему. Поглядели, посоветовались и, покачав головами, уехали. А Юрану стали выдавать пособие — аж целых пятьсот рублей. Он жил, перебиваясь случайными заработками, да и родственники не оставляли его своей заботой. Одно время повадился ходить к нему участковый, но как рассказала нам мать, Юран быстро отбил у него желание. Как-то утром участковый в который уже раз появился в квартире. Юран сидел на кухне в тельнике, перед ним стояла бутылка. Участковый начал про свое: кого-то ограбили, кого-то обворовали, Юран налил стакан, выпил и, закуривая, показал рукой на табурет. Когда участковый уселся, Юран посмотрел на него и тихо спросил:

— Ты когда-нибудь убивал людей?

От этого вопроса участковый опешил.

— Нет, а что?

— А я убивал... Много. «Калаш» ни у кого паспорт не спрашивает. Ты прекрасно знаешь, что я никуда не хожу. Не граблю, не ворую. А твои «понты» мне не нужны. Если ты еще раз нарисуешься здесь, я тебя завалю. Мне без разницы. Одним больше, одним меньше. Все равно перед Богом отвечать. А теперь — дергай отсюда.

Больше участковый никогда не приходил.

Год назад ушел из жизни старший брат Мишка. Ушел сам, накануне свадьбы дочери, совершив страшный грех перед Богом и перед собой. Жизнь сломала его.

После этих похорон я нигде не мог найти Юрана. Потом увидел его за сараями. Он сидел на корточках, сжав ладонями виски, и, покачиваясь, выл. Это был вой одинокого, озлобленного на весь мир волка. Столько ненависти, злобы, отчаяния было в этом вое, что у меня по спине побежали мурашки. Я подошел и тронул его за плечи. Он поднял голову, глянул на меня, и я оцепенел. В глазах не было зрачков, только стальные серые круги. Он с трудом узнал меня, поднялся, обнял и, прижавшись к моей груди, затрясся как в лихорадке. После этих похорон у него что-то случилось с головой. Он начал разговаривать сам с собой, порой нес какую-то околесицу и... плакал. Когда я приезжал, он брал у меня денег и шел за самогонном. Сидя за столом, он пил и сам себе улыбался:

— Братка! Потерпите еще чуть-чуть, я скоро туда, — и показывал пальцем вверх. — Меня братва зовет, да я и сам Бога прошу. Мне там будет хорошо. Там все свои — отец, Мишка. Только об одном прошу — положите меня рядом с ними и не плачьте на похоронах. Не надо!

Мать, постаревшая после смерти старшего сына, стояла в дверях, прислонившись к косяку, и молча плакала, вытирая фартуком слезы.

Ровно через год после смерти Мишки Юрана не стало. Накануне смерти он просил у всех прощения и плакал. Не было ни инфаркта, ни инсульта. Просто сердце не выдержало пятнадцатилетней борьбы с алкоголем и остановилось.

— Вечная память! Вечная па-а-амять!

Я очнулся от забытья. Догоревшая свеча жгла мне руку. Отпевание кончилось, и начали подходить к гробу прощаться. Вот и моя очередь. Я прикоснулся губами к холодному лбу. «Спи, братка! Я не забуду тебя! Да и Родина тебя не забудет! Это не Родина, а власть использовала тебя тогда и выбросила на помойку. Она за это ответит перед Богом!» Спазмы сдавливали горло. Я отошел от гроба к стене храма и, прижавшись лбом к холодному камню, зарыдал.

РОДОМ ИЗ ЛЕСА

— Ты, золотой, весной-то сторожко к воде относись, с опаской. Эт тебе не лето. Эт летом-то в холодную ночь, вода своим теплом поделиться может. А весной — ша! Весной ей самой

до себя. Чай из ледового плена толь што вырвалась. Побуйствовать от радости надо, покуражиться. Ночевку-то подале от воды устраивай. Сам не заметишь, как от воды тебя за ночь хворобой охватит.

Эти слова деда я вспоминал, стоя на берегу Бужи. Точнее, до берега было метров триста, но добраться туда было невозможно. Большая шальная вода поднялась высоко и плескалась у бугра под самыми окнами заброшенной охотобазы. Весна была бурной. Свято-озеро еще было покрыто серым ноздреватым льдом, а на реке лед взломало, вот и хлынула вода по прибрежным низинам, затопляя на своем пути все что можно. Лдины с треском налетали друг на друга, подминали под себя кусты, и с разгона залетев на берег, оставались умирать под лучами яркого солнца.

День был на исходе. Над головой изредка пронеслись стаи уток, добавляя к треску льда свист крыльев. Стрелять не хотелось. Жаль было отбирать у кого-то радость прихода весны. Да и утку, упавшую на воду, не достать. Бурное течение сразу подхватит ее и унесет. Пора было ехать домой, но я медлил, уезжать не хотелось. Умиляла радость просыпавшейся после зимней спячки природы.

После долгих раздумий все же решил ехать. Залив костер, собрал нехитрый скарб и отнес в машину. Солнце начинало прятаться за деревья. Завел «уазик», и он медленно тронулся с места. Дорога была на грани фантастики, точнее сказать, ее не было вовсе. «уазик» по бампер вползал в лужи и натужно ревел двигателем, выбираясь из них. Если б не включенный передний мост, давно уже куковал бы в какой-нибудь колдобине.

До Красной Горы было не более десяти километров, а я ехал уже больше часа, проклиная в душе наши дороги. Выехав напрямую, еще издали заметил горевший у одного из домов заброшенного поселка костер. Кому-то тоже дома не сидится — мелькнуло у меня в голове. Подъехав поближе, увидел стоявший на обочине «уазик». Сомнений не было. У костра стоял мой давний друг и местный егерь Санька Фадеев. Он родился в лесной сторожке, вырос в лесу и всю жизнь служил лесу.

— Вот это встреча, — смеясь и протягивая руку, произнес он. — Тебе-то чего, Володьк, дома не сидится? Тоже с башкой перестал дружить? Рубки закончились, а ты все лазишь, пеньки считаешь.

— Да я, Санька, с тебя пример беру. А если серьезно, то хотел до 42-го доехать, посмотреть, как делянку после рубки убрали, да какая там делянка. На дороге — по уши, а дальше вообще не суйся. Вода в Буже поднялась — ужас. Давненько

такой воды не было. Хотел там заночевать — не решился. Поднимет Бужа воду еще на полметра, не выбратся. Вот и повернул до дома.

— А чего, Володь, у тебя семеро по лавкам. Оставайся, вдвоем веселей. Глянем, что и как. Я сам хочу проверить, не нарушил ты своими рубками глухариный ток. Вот вместе и послушаем на зорьке. Не дай Бог, петушары не запоют. Сразу предьяву сделаю, не отвертишься. Так что оставайся. Чирок варится, чайку вскипятим, да и по стопарику найдется. Чай в первый раз в эту весну на природе встретились, положено.

— Ладно, Санька, уговорил. У меня за это душа тоже переживает.

Я подсел к костру и сразу же сглотнул слюну, от котелка веяло чем-то неповторимым. Санька начал резать хлеб, я поднялся и принес из машины шмат сала, головку чеснока и тройку луковиц.

— А это самое ценное, — произнес он, достав из рюкзака литровую бутылку, в которой плавали стебельки зверобоя. — Своя, доморошенная, как слеза. Не то что в магазине. Пьешь и боишься, чтоб не крикнуть.

Самогонка действительно была хороша. Как огнем обожгла горло и благодатным теплом начала растекаться по всему телу.

— Ну, с медом на душу, — Санька, налив себе, выпил и поднес к носу ломоть хлеба. Затем снял с котелка крышку, и мы наперегонки начали работать ложками.

Темнота все сильнее сжимала свои объятия. Насытившись, мы наполнили кружки чаем и закурили. С Санькой было хорошо, уютно. Веяло от него какой-то душевной теплотой, надежностью. Был он человеком не от мира сего, как, смеясь, говаривал он про себя: «повернутый на всю голову». Есть километрах в трех от Красной Горы изумительное место, которое зовется в народе Трусиха. Вот там, в лесной сторожке, под раскидистыми вековыми елями и появился на свет Санька. Отец работал в лесу, мать помогала ему. Все Санькины детские годы были связаны с лесом. Став прекрасным охотником, он так и не научился испытывать жадность к добыче. Без всякого сожаления мог подарить добытого на току глухаря или тетерева друзьям. Охота и лес были для него смыслом жизни. Но из всех охот он предпочитал одну — самую любимую и желанную. Это была охота на куницу. Он мог выслеживать ее с собакой и без собаки. Преследовать весь день, утопая в снегу, остаться зимой ночевать у костра, чтобы с утра продолжить погоню. Таков был Санька.

Мы потягивали из кружек крепчайший чай, изредка перебрасываясь словами.

— Ты глянь-ка, Володьк, небо-то какое звездастое. К утру, гляди, малеху подморозит, кто на глухаря пойдет, зря только ноги бить будет. Не подпустит петушара, треск ледка за версту слышать.

— Саньк, ты?

— Ты меня, Володька, в счет не бери, я к нему на крыльях подлетаю. Не зря же я родился и вырос среди леших и кикимор. — Санька расхохотался. — Только не люблю я на птичек порох тратить. Куничка — это да! Сегодня мог с десятка крякашей нащелкать, а зачем? Жрать, что ли, нечего? Шлепнул чирка для супа и хорош. А глухаря вообще не люблю. Попадется петушара из старых хрычей, мясо три дня томить в русской печке надо. Так, схожу иногда, когда кто-нибудь из друзей попросит на чучело добыть, а так... — и он махнул рукой. — Ток люблю слушать. За куничкой — хоть в огонь, хоть в воду. Я ее за версту чую, как алкаш самогонку. У меня от куньей охоты душа поет и азарт появляется. Кто кого? Или она меня обхитрит, или я ее. Вот это охота, а остальное... Работают егерем, а порой не по себе становятся. Приедет какой-нибудь «шишка», ты ему ток найди, подведи его. А ему чего остается? Только на спуск нажать? Разве это охота? Или вот моду взяли, кабанов с вышки стрелять. Ты выследи его, угадай, куда побежит, обрежь. Вот соль-то в чем. А то хрюшки придут к кормушке ночью, ничего не подозревая, а с вышки по ним огонь изо всех стволов. Так можно и в колхозное стадо забраться и коров валить, пока патроны не кончатся. А домой потом приедет, на год разговоров — кабана завалили. Хотел бы я посмотреть на этих горе-охотников, если б кто-нибудь из них нос к носу с секачом столкнулся. Вони бы на весь лес было. А так... тир, а не охота.

Мне вспомнился случай, когда лет пять назад приезжали на отстрел по лицензии московские охотники. Лось с лосихой выскочили прямо на номер, где стоял Санька, а он не стал в них стрелять. Позже у костра, подвыпив, набросились чуть ли не с кулаками на Саньку, который стоял, растерянно глядя на них, и оправдывался:

— Да нельзя было стрелять, корова быка собой загородила.

— Ну и что? — орали те. — Валил бы и корову.

Я стоял в стороне и с сожалением смотрел на них. До этих горе-охотников не доходило, что лосиха могла быть покрытой и весной подарить миру новую жизнь.

Поднявшись, я принес дров и, подкинув в костер, придвинул поближе к огню остывший котелок с чаем.

— Чего, Саньк? Может, еще по одной?

— Запросто! Наливай! Может, душа остынет, а то завелся я чего-то.

Нарезав ломтиками сало, я насадил их на прут и поднес к огню. Когда оно зафырчало, протянул Саньке.

— На, закусывай.

— Вот это дело, — засмеялся он, снимая ломтики с прута. — Закусывать свиным тельцем, говорят, пользительно.

Закусив, мы снова принялись за чай. Ночь уже стала полновластной хозяйкой. Немного подмораживало. Где-то рядом всплеснула в луже вода. Санька поднялся, взял фонарик и шагнул в темноту.

— Володь, Володь, скорей беги сюда, — услышал его голос.

Я вскочил и бросился на крик.

— Гляди, чего творится на белом свете, — и направил луч фонарика в центр лужи.

Я глянул и обомлел. Под водой, прижавшись брюхом ко дну и раскинув лапки в стороны, как бы держась ими за прошлогоднюю траву, замер бобер. Его плоский хвост слегка вздрагивал. Санька протянул мне фонарь.

— На, свети! Я сейчас.

Через пару минут он вернулся с палкой в руке.

— Саньк, ты чего выдумал?

— А ничего! Мы сейчас из этой лужи переселим его в более подходящее место. Вон, в пруд через дорогу, — и он толкнул палкой бобра в бок.

Тот быстро повернул голову, стараясь ухватить палку зубами, но это ему не удалось. Под напором палки он все же выбрался из лужи и, постоянно огрызаясь, начал медленно передвигаться в сторону пруда. Бобер был молодой, со светло-коричневой шкуркой. Хотя до пруда было метров пятнадцать, продвижение шло очень медленно. Бобер был упрямый. То огрызался, то старался нырнуть в спасительную темноту. Санька хохотал.

— Лошадей доводилось гонять, коров доводилось, но бобров — в первый раз.

Выбравшись на дорогу, бобер, видимо, почуял близость большой воды и дело пошло быстрее. Уже на берегу пруда он в последний раз оглянулся на нас, словно прощаясь, и прыгнул в пруд, ударив хвостом по воде.

— Ну и дела, — покачивал Санька головой. — Кому скажи — не поверят. Как барана гнали, да и впрямь, как барана. Такой же упрямый.

Спать не хотелось, мы находились под впечатлением увиденного.

— Давай, Володь, чайку еще глотнем да поедем. Уснуть все равно не уснем. Когда по этим колдобинам доберемся!.. А если что — в кабине покемарим.

Решили ехать на Санькином «уазике», а мой оставить здесь. Жалко было жечь зря бензин, да и шума поменьше. Ночь еще чувствовала себя хозяйкой. Звезды ярко сверкали на черном небе. Подморозило. Ледок хрустел под колесами «уазика», который порой по бампер нырял в воду. Действительно, лесной трудяга. Любой иностранный джип давно бы сидел в какой-нибудь луже по самое некуда, а этот — полз, ревел, надрывался, но полз.

Около часа мы потратили, пока добрались до места. Санька свернул на заросшую старую дорогу, которая шла из Бычков через Вязовку на Струю, и заглушил двигатель.

— Да, — произнес он, снимая шапку и вытирая вспотевший лоб. — Дорожка, туды твою в туды. «Уазик» хоть на гусеничный меняй.

— А чего, Саньк, — это идея. Вот и попроси в охотохозяйстве, может, выделят.

— Дождешься, выделят. От дохлого осла уши.

Мы вышли из машины и закурили. Тишина. Слабый ветерок еле слышно шумел в верхушках деревьев. В резиновых сапогах начали зябнуть ноги, и мы снова забрались в машину. Санька глянул на часы.

— Недолго уже, скоро начнет светать.

— Саньк, а если мы зря приехали?

— Да ты что, сплунь. Типун тебе на язык. Осенью я сам три выводка видел. А раз глухарки здесь, значит, и петушары рядом отираются. Не могли же их всех выбить.

— А может, Саньк, нам поближе к болоту пройти? А то вдруг не услышим.

— Услышим, не переживай. Тут до болота рукой подать, да и ветер в нашу сторону тянет.

Мы замолчали. Дремота начала брать свое. Я почувствовал, что засыпаю. Чтоб прогнать сон, вылез из машины и закурил. Вдруг тишина стала давить на виски, и душе стало как-то беспокойно. С востока на небосклоне стала явно пробиваться синева. В природе начиналась борьба. Борьба наступавшего дня с ночью. Синева становилась светлей. И вдруг появилась багровая полоса, которая словно толкала вверх темноту.

Я стоял очарованный этим зрелищем и не заметил, как подошел Санька.

— Балдеешь?

Я от неожиданности вздрогнул.

— Знаешь, Санька, сколько рассветов я встретил в своей жизни, и всегда встречаю, как в первый раз.

Он хотел что-то сказать, но тут, нарушая тишину, неожиданно раздалось: тэк! И через какое-то время еще два раза подряд: Тэк! Тэк! Мы замерли.

— Сейчас «заточит», — шепнул он.

И даже в темноте было видно, как его лицо расплылось в широкой улыбке. Глухарь «заточил», а когда он замолчал, чуть в стороне раздалось еще «тэканье». Санька положил мне руку на плечо, сжал ее и показал два поднятых вверх пальца. Я согласно кивнул головой. Становилось чуть светлее. Пискнула какая-то пичуга. Багровая полоса поднялась выше и приняла красный цвет. Еще чуть-чуть, и начнет показываться солнышко.

— Поедем, — шепнул Санька, направляясь к машине.

Уже сидя в машине, я с тревогой спросил Саньку:

— А не вспугнем их?

— Не, — мотнул он головой. — Им сейчас не до нас, у них «бабы» в голове. Они сейчас перед «бабьем» такой выпендерень устраивают, что им шум машины, как мертвому припарка.

Когда мы добрались до Красной Горы, солнышко почти оторвалось от горизонта.

— Ну, чего, Саньк, чайку?

— Не, Володь, поедем. Мне еще в охотохозяйство надо.

— Ну ладно, давай поедем. Трогай первым — я затобой. Саньк, а как же обвинения, что я своими рубками тока погубил?

— Ладно, не обижайся, с меня причтется, — заулыбался он и, хлопнув дверью, тронул «уазик» с места.

ЗА ВСЁ НАДО ПЛАТИТЬ

Мы медленно шли по кладбищу в сторону ворот. На душе было скверно и муторно. Вдруг тетка, шедшая сзади, дернула меня за рукав.

— Вон, Вовка, твой друг Мика лежит, — сказала она, показывая рукой на свежий холмик. — Недавно успокоился, сорока ден еще не прошло.

Подойдя к могиле, я достал пачку «Явы» и закурил. Не найдя в кармане конфет, положил сигареты на песчаный холмик. «Вот и все, Мика! Успокоилась, наконец, и твоя душенька! Царствие тебе небесное, ты был настоящий мужик». Я перекрестился и низко поклонился не чужому для меня холмику.

Мика был Человек! Настоящий! Без изъяну! Русский мужик с открытой для всех душой! Балагур, весельчак. Умевший до изнеможения пить и работать. Жившие в соседних деревнях, мы, естественно, были знакомы. Встречались на реке, в церкви, на охоте. Спустя много лет, когда я стал работать мастером в «Межколхозлесе» и колхоз мне выделил дом в той деревне, где жил Мика, наше шапочное знакомство переросло в дружбу. Мика, успевший к тому времени отслужить в армии, «малеху посидеть», жениться и развестись, жил с матерью, работал в родном колхозе. Своей службой в армии Мика гордился. Обладая высоким ростом, широченными плечами и богатырским здоровьем, он, естественно, попал в десант. Да еще куда. Под Одессу, в разведроту. Дивизия располагалась среди обилия винограда и вина, звалась среди «десантуры» «Пьяной дивизией». Отдавая дань памяти и уважения своей службе, Мика всегда носил тельник с голубыми полосками. Привыкший к свободе, он иногда подвыпивши говорил: «Я вольный мужик, надо мною только два хозяина — Господь Бог и дядя Вася!» И если кто не знал, кто такой дядя Вася, Мика поворачивался к тому левым плечом и с презрительной усмешкой говорил, показывая пальцем на татуировку, где под раскрытым куполом красовались буквы «ВДВ». «Читай, дурашка! Вишь, чего написано: «Войска дяди Васи!» Такие вещи надо бы знать», — и стучал несмышленишу пальцем по лбу. Драться Мика умел, но не любил. Обладая добрым характером, всегда старался обойтись миром. В минуты волнения он начинал говорить о себе в третьем лице: «Ну, куда ты, дурашка, прешь? Мику разозлить хочешь? Потом ведь бо-бо будет! Не лезь, остынь!» Если не удавалось уладить все миром, Мика вступал в бой, не обращая внимания на численное превосходство. Даже иногда, когда перепало ему, он никогда не мстил. Отлеживался, потирая бока, и с улыбкой приговаривал: «Бывает! Не всегда же мне. Тот не мужик, который за свою жизнь не получал». Иногда после рабочего дня или в праздник мужики усаживались на лужайке около магазина. Покупалась водка, и начиналось веселье. Кто-нибудь из мужиков, стараясь поскорее услышать Микины байки, не выдерживал:

— Слышь, Мик? Ты давно в Гусь не ездил? По теще, наверное, скучаешь?

Теща для Мики была чем-то неопишным. Он считал ее виновницей всех бед и неудавшейся семейной жизни. Мика выпивал стакан, совал сигарету в рот и, прищурив глаза, начинал чесать затылок.

— Не, мужики! Эт не человек! Бык в нашем колхозном стаде во много раз добрей ее, ей богу! — и Мика перекрещивался. —

Я даже по ночам не спал, подглядывал за ней. Когда же она на метле полетит? А с виду... тьфу, зараза, — и Мика сплевывал сквозь зубы. — Сразу после свадьбы начала гонор свой показывать. «Знаете, — говорит, — Михаил, называйте меня по имени-отчеству и на «вы». Я ведь начальником работаю». Начальник, тыдыт твою мать! В мастеришки выбилась, а возомнила о себе. На «вы» к ней обращайся. Да на «вы» я только батюшку в храме называю. Чего взять, раз тесть в сорок лет умер. А холодец как, сволочь, любит. Дай ей волю, она пороссятам все бошки поотрезает. Задумал ее я раз отучить. В лес пошел — змея попалась. Оттяпал ей бошку, да принес домой. Теща свой холодец варит. Грех на душу взял. Бросил ей змеиную башку в кастрюлю, думал чего будет... Жрала, только похваливала.

Мужики катались по траве, вытирая выступившие от смеха слезы.

— Чего смеетесь? Ей богу, правда! — Мика тяжело вздыхал. — А как увидит, падлюка, какого ладного мужика, взгляд становится — аж ужас берет. Молодая еще, 47 всего, видно, в нутрях свербит. Глазищи — не приведи Господи! Точь-в-точь как у моей свиньи, когда та крешует.

— Хорошо, Мика, завязывай, а то у нас штаны мокрые будут.

— Вам смех, мужики, а я вот не выдержал и уехал. Вспомню ребятенков своих — сердце кровью обливается.

Весело и беззаботно шел Мика по жизни. Работал, иногда пил, охотился, рыбачил. Но началась проклятая перестройка. Москвичи стали покупать в деревнях себе дома под дачи. С появлением дачников что-то начало ломаться в деревенских устоях. Один из москвичей купил себе дом недалеко от магазина. Мика шел с рыбалки. Этот дачник в одних плавках подогнал свою машину к колодцу, откуда деревенские брали воду, и начал мыть ее. Мику это возмутило, и он направился к машине.

— Слышь, земель? — обратился он к дачнику. — У тебя совесть есть? Тут люди воду берут. Хочешь мыть — езжай на пруд, не борзей.

Дачник снисходительно глянул на Мику:

— Ты чего, мужик, хочешь? Дергай отсюда, пока не получил.

Мику это взбесило. Вспыхнула драка. После первых ударов Мика понял, что имеет дело с профессионалом (как потом выяснилось, у москвича был какой-то пояс по каратэ). Когда Мика очнулся, ни дачника, ни машины уже не было. Он с трудом поднялся, подошел к колодцу и начал умываться, смывая кровь с разбитого лица. Так сильно в жизни его

еще не обижали. В нем все клокотало. Он подумал и направился к магазину. Увидев его, продавщица ахнула:

— Мика! Чего с тобой? Кто так тебя?

— Ладно, Людк! Замолчи! Дай бутылку, деньги занесу.

Он открыл бутылку и прямо из горлышка начал пить. Водка разъедала и жгла разбитые губы. Отпив половину, он оторвался от бутылки и закурил. Продавщица с состраданием и жалостью смотрела на него. Глаза у Мики начали заплывать. Решение в его голове уже созрело. Он допил остальное, поставил пустую бутылку на прилавок и молча вышел из магазина.

Вернулся он примерно через час. За это время лицо его вообще разнесло до неузнаваемости. Подойдя к прилавку, протянул продавщице деньги.

— На! За бутылку вычти и дай мне еще парочку.

На плече у него дулом вниз висело ружье.

— Ты куда это с ружьем-то? — с тревогой спросила она.

— На охоту, — еле шевеля разбитыми губами, произнес Мика.

— Какая сейчас тебе охота? Птица линяет.

— А я на зверя, с рогами которые, они уже отлиняли.

Сунув бутылки в карман, Мика махнул продавщице рукой, и направился к выходу. У дома, где жил дачник, никого не было. Машина, поблескивая краской, стояла у ворот. Мика уселся на край заросшей канавы. Ружье положил у ног и, нарвав травы, набросал на двустволку. Открыв бутылку, он начал потягивать из горлышка, вместо закуски затягиваясь сигаретой. Водка почти не действовала на взвинченный до предела организм и не снимала боли. Время шло. Посмотрев с удивлением на пустую бутылку, Мика отбросил ее в канаву и открыл вторую. Он четко понимал, что произошло зло и это зло он должен покарать. Покарать жестко, чтобы все приезжие знали, кто настоящий хозяин в деревне. Скрипнула калитка, и показался дачник — все так же в плавках и в шапочке с длинным козырьком.

— Ба! — с удивлением произнес он и направился к Мике... — Чего, милок, понравилось? За добавкой пришел?

Подпустив его метров на семь, Мика опустил руку, и поднял из травы ружье.

— Нет, сучонок! Не отгадал! Должок надо отдать. Не привык я как-то за свою жизнь в должниках ходить.

Дачник остановился, глаза забежали, и лицо начало покрываться бледностью.

— Ты слышь, земляк? Завязывай. Если чего, я извинюсь, а нет — заплачу, сколько хочешь. «Бабло» у меня есть.

— Ты что же, гаденыш, Мику на «бабло» поганое поменьять захотел? Ты чего, мразь? Людей за «опущенных» считаешь?

По глазам Мики дачник все понял. В его голове что-то произошло, и он с криком бросился к Мике, но... Мика даже не вскидывал ружье к плечу, а просто нажал оба спуска сразу. «Дуплет», сделанный метров с пяти, отбросил дачника назад. Две пули навывлет прошли грудь и ударились в стену дома. Мика переломил ружье, выбросил пустые гильзы и зарядил снова. Положив ружье на колени, он потянулся к бутылке. Привлеченные выстрелами, начали собираться люди. Мика поднялся и крикнул:

— Ко мне не подходить, вызовите милицию, — и снова уселся на свое место.

Менее чем через час показалась милицейская машина. Из нее вылезли четыре милиционера. Мика поднялся, держа ружье в руке. Один из милиционеров, старший по званию, издали крикнул:

— Брось ружье на землю.

Мика немного помедлил, затем крикнул в ответ:

— У меня две просьбы. Даете слово перед народом. Первое — что не будете «цокать в наручники» — я никуда не побегу. Второе — что не будете «буцкать».

— Принято, даем слово!

Мика переломил стволы, блеснув солнечными зайчиками, два патрона упали в траву, затем бросил ружье на землю.

Судили Мику в дождливый осенний день. Пасмурно было на улице, пасмурно было у людей и на душе. Народу в зале было много. Мику любили и жалели. Пришла и бывшая жена со своей мамой. Мика сидел на своей скамье спокойный. Изредка он поднимал голову, окидывая взглядом зал, и легкая усмешка передергивала его губы. О чем думал он? Когда закончилась вся судебная процедура, ему перед вынесением приговора предоставили последнее слово. Он поднялся и, глядя судьбе в глаза, начал говорить. От его слов адвокат схватился за голову. Ни о каком покаянии не было сказано ни слова.

— Виновным себя не признаю. Против меня применили оружие. Я служил в «десанте» и лучше многих здесь в зале знаю, что такое каратэ. Он его применил, хотя не имел на это права. Он посягнул на мою честь, и я был вынужден применить свое оружие, хотя тоже не имел на это права. Я ни о чем не сожалею, мы квиты. Если б все вернуть назад, я бы поступил точно так же. Зло пресекают злом, да и для других это будет наукой, — и спокойно опустился на свое место.

Приговор был суров. Двенадцать лет колонии строгого режима. Обжаловать приговор Мика не стал.

Бежало время. Мику понемногу в деревне забывали. Лишь мужики, выпивая, порой поднимали стакан за его «здравие», кроя матюгами проклятого дачника.

Прошло лет семь-восемь. Я ехал на «уазике» в гости к дядьке. Проехав Палищи, перед поворотом на Спудни, еще издали увидел стоявшего на обочине мужика, видно ожидавшего попутки. Повернув, взглянул в его сторону. Я б не узнал его, если бы не видневшийся из-под расстегнутого ворота рубашки клинышек «тельника» с голубыми полосками.

Резко тормознув, я выскочил из машины и бросился к нему. Это был Мика! Мы обнялись.

— Целоваться не будем, — тихим голосом произнес он. — У меня «тубик».

— Да ты чего, Мика?

— Да, Вовк! Где-то в пересылках, мож на этапах — цепанул. Меня комиссовали, я ж всего «семерку» отпахал. «Пятерку» хозяину оставил. Отпустили домой умирать.

— А лечиться, Мик?

— Поздно, Вовк! Лечиться надо было раньше, а на «зоне», сам знаешь, какое лечение. Половину легких уже выплюнул. Ладно об этом, свой конец я знаю. Ты как?

Я рассказал.

— Знаю-знаю, кой-чего слышал.

Усадив Мику в машину, развернулся. Доехав до деревни, хотел свернуть в улицу, но Мика махнул рукой.

— Тормозни здесь, я дойду.

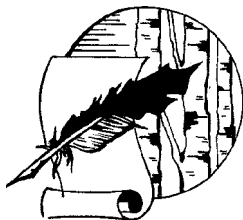
Мы вылезли из машины и закурили.

— Слышь, Вовк! Дай полтинник на пузырь.

Полтинника не было, я протянул стольник. Достав из сумки книгу, подписал и протянул ему. Он глянул на обложку.

— «Мне Канары не надо», — прочитал он, и слезы показались на глазах. — И мне, Вовк, не надо. Я потихоньку добреду до Свято-озера, сяду на берегу, достану пузырь и сижу весь день. Потягиваю потихоньку и... плачу. Ни о чем не жалею. Жалко от этой красоты уходить. Есть ли там наверху, у Господа, своя Мещера? Если есть, то можно и умирать! Ладно, Вовк! Езжай, да и я пойду потихоньку, — и хлопнул меня по плечу.

В зеркало заднего вида я видел Мику. Он стоял, все уменьшаясь и уменьшаясь в размерах, и махал мне рукой.

Евгений ЮШИН

ЗАРИ ЗОЛОТЫЕ ПОВОДЬЯ

* * *

Сыта водою Вожа по весне.
Я вновь вернулся в детские пределы.
Далекое... Ты будто бы во сне.
Но ты сегодня плакало и пело.

Приятен мне овечий дух травы
В подтаявших копытцах у сарая.
Плывет подсолнух в волнах синевы,
Коровий взгляд неспешный повторяя.

Вот дед на вилы взваливает дни,
Вот бабушка идет ко мне из сада...
Я не забыл: под вётрами они —
Там, за селом, за тихою оградой.

Взгляни сюда! По этой вот тоске,
Которую дорогой называли,
Прошли они, как волны по реке,
Вселенской песней счастья и печали.

Я не забыл, как на коне скакал
Среди цветов, среди ворожбы шмелиной.
Мне пел о зорях росный краснотал!
Мне зори губы мазали малиной!

Я помню птичий щебет под стрехой.
Я кровью слышал в хоре песнопений
То бабу за согбенною сохой,
То мужика на пепелах сражений.

Хрипят ветра, хохочет пьяный лес,
Кипит река — проходят поколенья.

Разводят петухи гармонь небес —
«Ку-ка-ре-ку!» — скликаются селенья.

«Ку-ка-ре-ку!» И все мои века
С монгольским игом и французским пленом,
С немецкой отчеканкой сапога —
Горят в печи березовым поленом.

Я не забыл ни счастья, ни любви,
Ни луговых опят круговороты.
И потому, как мёд, созревший в сотах,
Храню весь мир, бушующий в крови.

ПТИЦА ВРЕМЕНИ

Евгению Кочеткову

В коленях хворь, с которой надо сжиться.
Разволновался — и губа дрожит.
Приляжешь в травы и увидишь: птица
В просторном небе медленно кружит.

Она свои просторы верховые
Сшивает с этим лугом и тропой,
Кружит она, и кольца годовые
Свивает в синем небе над тобой.

И вспомнятся тебе родные лица,
Которых нет уже в земном краю.
Зачем ты кружишь, медленная птица,
Очерчивая в небе полынью?

В ту полынью уходят безвозвратно,
А нам с тобой пока что не черед.
Закат роняет пламенные пятна
На окна изб и клены у ворот.

Жизнь так спешит — за нею не угнаться,
И не упрятать прошлое в баул,
И хочется, как в детстве, разрыдаться,
Как будто кто-то горько обманул.

Облокотилось прошлое на плечи.
Вопросов много, но ответов нет.
За все ошибки, где судьбе перечил,
Любому на земле держать ответ.

И дни всё туже тянутся, всё глуше,
А ночью вовсе не видать ни зги.
И только птица кружит, птица кружит,
Свивает бесконечные круги.

* * *

Мне хорошо, когда осень за окнами
И листопад, листопад...
Листьями рыжими, листьями мокрыми
Стелятся роща и сад.

Падают звезды за краем околицы,
Сыростью тянет с болот.
Сеет луна золотую бессонницу
Около наших ворот.

Падают яблоки влажные, спелые,
Падают так невпопад.
Дышат туманы густые и прелые
В светлую рощу и сад.

Лает собака за дальней оградой,
Птица ночная кричит.
Что тебя, сердце, невзгодит и радует?
Что так желанно горчит?

Будут дороги листвой припорошены,
Иней в лугах за окном.
Буду делиться со всеми прохожими
Золотом и серебром.

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Печальней осенних цветов только небо осеннее.
В лесах — сквозняки, и уже не найти высоты.
Тревожно летят над дорогами листья последние,
Скрипит моя лодка, и жмутся к туману кусты.

Уже рыбаки собираются к дому — на тёплое:
На потную рюмочку и на щемящие щи.
Небесная морось мошкой кружится над тополем.
И в печке трещат пересохшей березы хрящи.

Уныло вокруг. Что поделаешь? Так уж случается.
Пустынные дали оглянет угрюмо сосед.

Тягучее небо идёт и никак не кончается,
Раскисла дорога и тихо стекает в кювет.

Я завтра уеду.. Но даже и хилою рощицей
Хотел бы идти с мужиками сырым октябрём,
Чтоб словом скупым, сигаретку цедя, переброситься,
И лодку направить чёрнёным речным серебром.

НА РУССКОЙ ДОРОГЕ

Здесь русский дух в веках произошёл...
Н. Рубцов

Меня здесь знает каждый муравей,
И каждый куст, и каждая сорока.
Задумалась о прожитом дорога
И солнце в лужах плещется по ней.

По ней — века — в туманах и крови,
И поступь уходящих поколений.
По ней струится столько сладкой лени,
Как в женщине, сомлевшей от любви!

В ней столько слёз прощальных — в дальний путь,
И в вечный путь — до ближнего погоста.
И потому она в крестах и звездах,
Встречая нас, стоит в цветах по грудь.

Гудят шмели, где каторжник прошёл,
Где проскакало пламя Чингисхана,
Где под гармошку радостно и пьяно
Мужик в избу смолистую вошёл.

Снуют, как стрелы, юркие стрижи,
Болота дышат холодом и прелью,
Боровики сутулятся под елью.
Попробуй этот мир — перескажи?!

Здесь все века и каждого из нас
Хранит, как память, русская дорога.
А это поле и река у стога —
Немеркнувший, живой иконостас.

* * *

По стогам индевет сено.
Сочной озимью вышит дол.

Ах, пустыни полей осенних,
Всё бы вами я шёл и шёл!

Ветру — воля, душе — молитва.
В позолоте, горчащей чуть,
Столько жизни еще разлито —
Аж по самую хватит грудь!

И, как будто хлебов краюхи,
Разлеглись да и ждут зимы,
Перекатисты, чернобрюхи
Перепаханные холмы.

Но о чем я пою? Послушай!
Разве это хочу сказать,
Если ветер вынает душу
И под окнами ходит тать?

Он скупает родные земли,
Он сует меня носом в зём.
Если это мы всё приемлем,
Что же внукам-то доведем?

Ветрова через душу дышат,
Свищет холод со всех сторон.
— Слышь, Колян?! — А Колян не слышит.
— Слышь, Василий?! — Не слышит он.

Но очухались. Небо — смрадно.
Поздно, братцы! Да что уж тут!
— Заряжай! —

И пошел нещадный
И бессмысленный русский бунт!

Охлонусь от раздумий мгlistых.
Волны зыбятся чешуей.
И взмывают литавры листьев —
Слава осени золотой!

Слава осени! Слава звени,
Что ликует сейчас со мной!
Не спеша по вечерней тени
Возвращаюсь к себе домой.

Никому не уснуть сегодня,
Кто за пазухой теплит день.
У зари — золотым поводья.
Шапка — месяцем набекрень.

ПОКА НЕ СПИСАНЫ В ЗАПАС

* * *

В октябрь, врезая крылья плотно,
Заполняя все вокруг,
Летят повзводно
И поротно
Родные
Лебеди
На юг.
Летят над стынью повилики
Крылом к крылу средь бела дня,
И их приветственные клики
В свой четкий строй
Зовут меня.
А тут —
Заречные просторы,
Тальник на пойменном лугу
И те березки, без которых
Себя представить не могу!
Мне по-сыновьи, на пределе,
Еще любить
И славить Русь...

Летите ж, други, как летели.
Я остаюсь.

* * *

Всей округе надо жить в ладу,
Только нет его под небесами.
Чтя закон, мы каемся, а сами
Тем лишь тешим жадную орду.
Говорим про соль земли родной,
Про ее величие и славу,
Видим же нахлебников ораву
За своей натруженной спиной.
Хватит городить нам городьбу,
Русичи — мы пасынки России.
Морем слёз мы с вами оросили
Некогда высокую судьбу.

И пока не списаны в запас,
И пока на службе у державы,
Охранить ее бы от потравы,
Уберечь от ненасытных глаз.

* * *

Я возвращаюсь всякий раз туда —
В окопный быт,
В обугленные дали,
Где мы не так уж много и познали,
Но без чего не вышли бы сюда.
Тогда ни ночи не было,
Ни дня,
Тогда земля и небо цепенели,
И мы нередко различали цели
В пределах только сектора огня.
Без выси, широты и глубины
Казался мир в винтовочную прорезь.
Он и сейчас спрессован,
Словно совесть
Мальчишек, не вернувшихся с войны.

У ДОНЦА

Промчатся бы по утренней росе
К Донцу
Бок о бок с юностью отважной.
Там падали ребята в рукопашной
На узенькой прибрежной полосе.
Сегодня у заросшей огневой
С трудом я вспоминаю штыковую,
А сам ее душой и телом чую,
Склоняясь над цветущею травой.

РАССВЕТ ПОД СМОЛЕНСКОМ

Старый берег Днепра от шоссе недалече
Приподнялся,
Привстал, как чумак молодой,
Развернув во всю ширь угловатые плечи
Над шумящей внизу неумемной водой.

А на той стороне,
Где сплошные покосы
До сих пор первородной дремоты полны,
Расчесала заря порыжевшие косы
Гребешком набежавшей от стржня волны.
Перед ней и стрижи свой урок отлетали
И мотив отыграл:
— Не-ог-ля-ден прос-тор!
И теперь наяву заплясал в краснотале
Золотой, шебутной, развеселый костер.

Рядом ахнула ель, как на наледи полоз,
Подыграло шоссе резким всхлипом оси...

У земли
Нутряной прорезается голос
И плывет и плывет по исконной Руси.

Юрий ЩЕРБАКОВ

РОДНИК НАДЕЖДЫ

* * *

Да, именем моим пугали печенегов.
Да, именем моим сбивали птицу влёт.
Да, именем моим — не силой оберегов —
Тевтонские полки вмерзали в Чудский лёд.

Да, в имени моём — Донская переправа.
Да, в имени моём — и Брест, и Сталинград.
Да, в имени моём — немеркнущая слава
Всех ополченцев, ратников, солдат.

Да, в имени моём — лихие перемены.
Да, в имени моём — чужой заразы мор.
Да, в имени моём — самим себе измена.
И потому на трон садится новый вор.

Да, в имени моём — и гордость, и холопство.
Да, в имени моём — кабальная стезя.
Да, в имени моём, как в том святом колодце,
Былую чистоту воде вернуть нельзя.

Но в имени моём любовь мерцает тускло.
Но в имени моём есть веры уголёк.
Но в имени моём — заветном слове Русский —
Навеки сбережён надежды родничок.

* * *

День пропах вишнёвым садом,
Шпал распаренных смольём,
Дёгтем, сеном, самосадом,
Пылью, тронутой дождём.

Пахнет мятой и ромашкой,
Полынком и чабрецом,
И армейскою фуражкой,
Мне подаренной отцом

На дорожку. Пахнет срубом
И колодезной бадьёй,
Кукурузным пышным чубом
И дорожной колеёй.

Пахнет разомлевшей речкой
И расшитым рушником,
Необъятной летней печкой,
Свежим хлебом и борщом.

Мазанки белёной глиной
И соломой на полу,
Самой пышною периной
И лампадкою в углу.

Пахнет бабушкой и дедом.
Нет роднее этих двух
Астраханским непоседам...
Отпуск. Детство. Русский дух.

* * *

На Рождественском кладбище мама лежит.
И, как в жизни земной, прокатившейся, было,
С батей всё на двоих — пополам, без обид,
Так теперь на двоих без обид и могила.

На Рождественском кладбище вновь тишина.
И, как делала мама вот здесь же когда-то,
Я на холмик могильный насыплю пшена,
И конфеты раздам шепутным цыганятам.

На Рождественском кладбище я не солгу —
Батя с мамой грехи мои знают за гробом:
Всё прощаю друзьям, не спускаю врагу,
А ещё одержим и гордыней, и злобой.

На Рождественском кладбище в горестный час
Сколько ж нас у могил на колени вставало!
Как порой в этой жизни мне трудно без вас
Продолжением быть, потерявшим начало.

Да, Рождественским кладбище это назвал
Кто-то, видно, всерьёз, безо всякой смешинки.
Все мы только трава у Его Рождества.
Но как смертно сплетаются наши травинки...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ворчит сосед: «Опять одно и то же:
Победа и герои — напоказ!»
Одно и то же? Да. Мороз по коже
Опять сегодня, будто в первый раз,

Когда услышал я в рассказах бати
Такое вдруг про Днепр и Сталинград,
Что выкрикнуть хотелось: «Батя, хватит!
Давай про героических солдат!

У них с фашистом разговор короткий —
Врагов рядами, как снопы, кладут.
А тут окопы, вши, пайки, обмотки...
Не подвиги — лишения и труд».

И кровь, и пот, и страх, и смрад, и раны —
Воистину, военная страда,
Которая в романы и экраны
Не вместится никак и никогда!

Так, может, прав, сосед? Парадной правды
Не выхлебать, как ни старайся, всей!
«Забвение — отрада и награда, —
Зудит в душе лукавый фарисей, —

Зачем нам сопли-вопли, ахи-охи —
Надуманность, нелепица, лубок!»
Нет, врѣшь, проклятый! И судьба эпохи
Легла отцовской правдой между строк!

Да, напоказ цветы, венки и марши,
Киношные сражения и дым.
Но будет в этом ровно столько фальши,
Сколь этой правды мы не сохраним.

Нет ничего священной и дороже
Свершившегося на девятый день.
Да, будет навсегда одно и то же:
Весна. Победа. Майская сирень.

* * *

Неужто полвека в альбоме картина,
Где я на руках у сержанта-грузина?

Давно порыжело и выцвело фото,
Что сделал умелец из батиной роты.

Не помню, как дядьку усатого звали,
Но помню, что родом он был из Цхинвали.

Речник родовой, он рассказывал гордо,
Что ставил с отцом — вах! — такие рекорды!

Что каждый очаг в этой горной округе
Сложили на совесть их добрые руки.

Как быстро хорошие дни миновали...
На телеэкранах — руины Цхинвали.

Война над горами оскалила зубы —
И в небо печные уставились трубы.

«Как будто в России. Тогда. В сорок первом» —
Открытие бьёт по обугленным нервам.

Неведомый мир отвратительной яви...
Кто те очаги сбережёт и поправит?

Сержант! Генацвале! Куда твои внуки
Сегодня протянут надёжные руки?

Хотя этот выбор совсем не богатый:
К добру или злу? К мастерку? К автомату?

Из них для потомков оставит ли кто-то
В семейном альбоме заветное фото,

Где мудрость и сила с любовью едины,
Где русский малец на руках у грузина?

РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава 11. СОВРЕМЕННЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ КОРПОРАТИВИЗМ

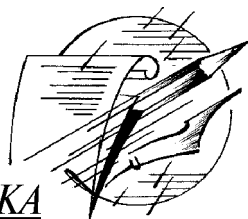
О корпоративной Америке и в США, и за их пределами говорят и пишут очень много. Однако чаще всего под этим понимается нечто, совершенно отличное от того, что понимал под корпоративизмом Франклин Рузвельт. Напомню, что в политологии под корпоративизмом (от лат. *corpus* — тело) понимается политическая теория, согласно которой элементарными ячейками общества являются определённые социальные группы, а не отдельные лица. А корпоративное государство определяется в словарях как одна из государственных форм авторитарного режима (например, в фашистских государствах).

Корпоративная Америка — это Америка во власти корпораций?

В научных трудах и статьях публицистов утверждается, что *Corporate America* — понятие весьма ёмкое. Это

Продолжение. Начало в №1-2 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

целый пласт американского общества, особая субкультура и стиль жизни. Однако обычно, когда американцы говорят, что Америка — корпоративное государство, они имеют в виду лишь тот факт, что власть в США захватили корпорации (то есть АО — акционерные общества). Действительно, корпорации производят не только львиную долю промышленной продукции и изделий военно-промышленного комплекса США, но и продукции сельского хозяйства, научных исследований (например, знаменитая корпорация «РЭНД Корпорейшн») и т.д. Корпорациями, по сути, стали и крупнейшие банки. Причём современные крупные корпорации, акциями которых торгуют на бирже, это уже не прежние акционерные общества, где голос каждого акционера имел значение, и для владения таким АО нужно было иметь контрольный пакет акций, равный, как ещё пишут в учебниках, 50% плюс одна акция. Нет, теперь, когда владельцами акций могут оказаться тысячи, а то и миллионы человек, причём живущих не только в различных странах, но и на разных континентах, провести собрание всех акционеров практически невозможно, и контрольным пакетом может владеть тот, у кого есть всего 6—8% акций. Ну, и резко возросла роль наёмных управляющих акционерными обществами — менеджеров, которые нередко и становятся реальными владельцами АО. Критики отмечают, что крупнейшие мировые частные корпорации по своим ресурсам, глобальному охвату и влиянию затмили почти все правительства, за исключением правительств самых больших стран. Сегодня уже корпорации часто проводят что-то очень похожее на собственную внешнюю политику. Им даже разрешено иметь свои отряды вооружённой охраны, напоминающие небольшие, но вполне боеспособные армии.

Дэвид Роткопф — генеральный директор и главный редактор журнала «Форин полиси», автор книги «Корпорация Власти: героическое противостояние между крупным бизнесом и правительством — и перспективы на будущее», считает, что достижение приемлемого баланса между властью бизнеса и властью государства является основной задачей нашего времени (в том числе и для США). *«Найдите золотую середину, а именно — разумное и грамотное регулирование, дающее гражданам возможность участвовать в конкуренции, содействующее экономическому динамизму и обеспечивающее справедливость для всех — и ваше общество будет процветать в XXI веке. Малейшее смещение баланса, и вы получите социальную нестабильность, уменьшение благосостояния и возможностей быть хозяином своей судьбы. Два «полюса», выбор между которыми носит, казалось бы, исключительно внутренний*

характер, будет иметь огромные геополитические последствия». Разумеется, такая формулировка главной задачи современности выглядит в реальной действительности лишь как благое пожелание.

Затем Роткопф выпустил книгу «Суперкласс. Те, кто правит миром». Кто же принадлежит к этому суперклассу? *«Эти люди собираются на всемирных экономических форумах в Давосе и встречах Бильдербергской группы. Их уважают и боятся. Их имена вдохновляют авторов «теорий заговоров».*

Их — мало. Примерно шесть тысяч. Первые лица крупнейших государств. Руководители наиболее преуспевающих международных корпораций. Общественные и религиозные лидеры. Как удаётся им вершить судьбы мира? Как удерживаются на плаву, невзирая на любые перемены политических и экономических приоритетов? И скоро ли произойдет кардинальное изменение состава мировой элиты?»

В книге содержится немало любопытного фактического материала, но ответы на поставленные самим же автором вопросы, как обычно для политиков такого рода, весьма поверхностные.

В журнале «Блад энд сует» («Кровь и пот») вышло интервью с Джеффом Монсоном, спортсменом и общественным деятелем, живо интересующимся политикой. Он прямо говорит: *«В западном мире нет подлинной демократии. Крупные корпорации платят деньги политикам и адвокатам, контролируют прессу. Без их поддержки нельзя попасть во власть. Если кандидат побеждает на выборах, то остается им должен, и корпорации начинают влиять на его решения. В результате политики принимают законы, выгодные корпорациям, а не людям. То есть правит тот, у кого больше денег. Мне не нравится такой путь развития».* Интересно то, что Монсон связывает выход из тупиков нынешней цивилизации с социализмом, что сегодня среди американцев сравнительно большая редкость.

Среди корпораций главную роль играют транснациональные корпорации (ТНК). В то время как обычные американские корпорации владеют предприятиями исключительно в пределах США, ТНК осуществляют свою деятельность за пределами «родного» государства, подчас по всему миру. Впрочем, в отношении моральных норм между теми и другими корпорациями разница невелика. Нередко в печати можно встретить заголовки типа «Корпоративная этика в США: ни чести, ни совести». И далее следует перечень проявлений корпоративной преступности — коррупция, обман государства и акционеров и т.д. Порой к этому добавляются разного рода конспирологические тонкости, влияние масонов и т. п.

Для негативных оценок корпоративизма такого рода есть немало оснований. Именно крупнейшие ТНК настолько срослись с властью, что подчас трудно определить, где кончается бизнес и начинаются структуры власти. С одной стороны, это можно рассматривать как проявление коррупции, с другой — как... ликвидацию капитализма. Вот примеры нескольких крупнейших ТНК, позволяющие рассмотреть обе стороны этого процесса.

Как пишет газета «Нью-Йорк таймс» (от 06.09.2011), всемирно известная ТНК «Дженерал электрик» получает сверхприбыли (причём в основном от своих предприятий, расположенных не в США, а за границей) и... практически ничего не платит в казну в виде налогов. Во-первых, она добивается от правительства налоговых льгот. Во-вторых, в её правлении работают самые лучшие специалисты по налогам, которые прежде служили в правительственных органах и умеют находить всякие лазейки, позволяющие уклониться от уплаты налогов.

Американский журналист Кимберли Дворак в подобных процессах видит доказательства того, что Америка официально уничтожила капитализм. Рекордную скорость, с которой администрация Обамы отходит от капитализма, можно проследить, если посмотреть, как эта администрация пожирает автомобильные компании, страховые агентства и финансовые институты. И в этих компаниях вместо прежних выборных членов совета директоров ставятся не выбираемые правительственные чиновники, что и завершит **некапиталистическую трансформацию Америки**. Триллионы долларов тратятся на то, чтобы спасти от банкротства крупные, но убыточные ТНК. И в то же время Обама заявил в одном интервью: «У нас нет ни цента» (зато, как известно, есть огромные долги).

Вот другой гигант — ТНК «Дженерал моторс», которая зарегистрирована как банкрот, и поэтому она полностью уничтожает свой запас акций обычных акционеров. Теперь эти акции ничего не будут стоить. Обама решил спасти и эту компанию. И опять правительство смещает выборных членов совета директоров компании и инвестирует дополнительно 30 миллиардов долларов США к 20 миллиардам, которые уже были вложены в эту находящуюся в упадке ТНК. Но ведь это звучит скорее как присвоение собственности, почти как национализация.

Почти 40 лет назад правительство поглотило железнодорожную компанию «Амтрек» для того, чтобы спасти ее от гибели. Правительство до сих пор является её владельцем. «Амт-

рек» продолжает уклоняться от уплаты налогов федеральному правительству. Долг этой компании составляет 30 миллиардов долларов США, и она всё ещё продолжает брать займы. В 1970 г. Конгресс одобрил пакет спасительных мер на сумму 340 миллионов долларов США. При этом налогоплательщиков заверяли, что эти деньги вернуться через пять лет. Уже тогда многие спрашивали: «Кто-нибудь действительно верит в то, что политики и бюрократы в Вашингтоне смогут успешно вернуть многонациональную корпорацию в состояние экономической жизнеспособности?» И вот итог: компания «Амтрек» по-прежнему убыточна, и правительство компенсировало этот дефицит за очередной год примерно в 1 миллиард долларов за счет денег налогоплательщиков.

«Когда, — спрашивает журналист, — Белый Дом получит обратно те 50 миллиардов долларов, который он инвестировал в обанкротившуюся компанию «Дженерал моторс»? Если какая-то компания слишком огромна, чтобы власть могла позволить ей погибнуть, то не являются ли США такой огромной страной, которой тоже нельзя позволить погибнуть? Вот и возникает вопрос: при такой политике — когда погибнет Америка?»

Добавлю, что многие корпорации ради увеличения прибыли фальсифицируют продукцию, например, продают продовольственные товары с генно-модифицированными добавками, мясо и молоко, напичканные гормонами, что очень вредно для здоровья. В частности, этим в значительной мере объясняется национальная болезнь американцев — массовое ожирение, а также ухудшение психического состояния, рост агрессивности, уменьшение различия между полами и пр., не говоря уж об отрицательном влиянии таких продуктов на потомство. (Очень содержательная передача об этом прошла на НТВ в программе «Метла» 01.12.2012.) Компании обосновывают выпуск вредных продуктов питания необходимостью «накормить планету» с её быстро растущим населением, хотя в действительности эта «зелёная революция» есть часть планов по сокращению «излишнего» населения. Вопреки распространённому у нас представлению о высоком уровне жизни американцев, статистика неумолимо свидетельствует, что большинство населения США вынуждено вести весьма скромный образ жизни и покупать еду подешевле, то есть как раз напичканную гормонами и т.п. Экологически чистую еду («органик») может позволить себе лишь весьма обеспеченное меньшинство. Кстати сказать, вклад корпораций, особенно ТНК, в загрязнение окружающей среды весьма значителен.

В культурном отношении американская нация очень разнородна. Есть там культурная элита, которой действительно нужно слушать симфоническую музыку, посещать художественные выставки, читать художественные и философские книги и т.п. Ещё более заметен околоэлитный слой богатых людей, которые появляются на престижных культурных мероприятиях, чтобы «засветиться» среди интеллектуалов. Они подчас готовы заплатить миллионы долларов за холст с мазнёй только потому, что под ней расписался Пикассо. Но основная масса американцев («красношеее», как свысока именовали интеллектуалы фермеров, шеи которых действительно были красны от загара из-за постоянного труда на открытом воздухе) книг не читает, на выставки не ходит, и её основное развлечение — то, что навязывают телевизор и самые примитивные сайты Интернета. И тут нашлись сотни корпораций, поставляющих американцам оглуляющую «художественную» продукцию. Ясно, что при таких неоправданных, с точки зрения рядовых налогоплательщиков, привилегиях крупным корпорациям и часто таком их антинародном, античеловеческом поведении, критика корпоративизма звучит всё громче.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Эдмунд Фелпс и профессор экономики Сайфедин Аммус написали статью «Смерть капитализма: корпоративное государство отмирает». Они считают несовместимыми рост экономики в эпоху социальных сетей и корпоративное государство, их сочетание приводит к тому, что будущее капитализма снова оказывается под вопросом. Неясно, переживет ли он нынешний кризис в своем теперешнем виде? Если нет, то трансформируется ли он сам или инициативу возьмет на себя правительство?

Раньше, — пишут они, — под капитализмом понимали экономическую систему, при которой капитал находится в частной собственности и используется собственниками по своему усмотрению: владельцы капитала должны были решать, как лучше его использовать, и могли опираться на дальновидность и творческие идеи предпринимателей и новаторов. И успех означал прибыли, а неудача означала убытки, а то и разорение. Страны, принявшие капиталистическую систему, добились непревзойдённого уровня процветания и стали образцом для всего мира.

Теперь же администрирующее государство взяло на себя ответственность за всё, начиная от доходов среднего класса и заканчивая рентабельностью крупных корпораций и промышленным ростом. Но это уже не капитализм, а корпора-

тивизм, возвращающий нас к Бисмарку в конце XIX века и к Муссолини в 1920-х гг. Корпоративизм во многом подавляет динамизм, способствующий ускорению экономического роста. Он поддерживает вялые, расточительные, непродуктивные фирмы, обладающие сильными связями во власти. При нём ценятся не экономическая свобода и ответственность каждого человека, а такие цели, как индустриализация, экономическое развитие и национальное величие.

Крупные компании были у нас признаны слишком важными, чтобы самостоятельно пытаться выжить в условиях свободного рынка, и им стали оказывать помощь от правительства во имя «общественного блага». И вот последствия: с трудом функционирующие корпорации, выживающие, несмотря на свою полную неспособность обслуживать своих клиентов; одереvenевшая экономика; обанкротившиеся правительства и всё бульшая концентрация богатства в руках тех, кто близок к власти. А защитники этой системы обвиняют во всех этих проблемах «безрассудный капитализм» и «отсутствие регулирования». В действительности же это означает усиление корпоративизма и благосклонности государства к корпорациям.

Американский журналист Дэвид Керанс предсказывает закат гегемонии США и конец корпоративной Америки. А небезызвестный Фрэнсис Фукуяма даже написал статью «Крах корпорации «Америка».

Ярым обличителем этой «корпоративной Америки» выступает уже знакомый нам по предыдущей главе американский журналист Крис Хеджес. Он считает, что в США установился особый вид тоталитаризма, который заключается в анонимности корпоративного государства. При этом элита узурпировала как финансовую, так и политическую сферу, она обслуживает интересы ТНК, а не национального государства. Ныне в США государство уничтожает последние остатки социального обеспечения граждан, которые стали банкротами потому, что не в состоянии платить по медицинским счетам. Корпорации, ставящие во главу угла только извлечение прибыли, совершенно не заботятся о социальных благах американцев. Вот сокращённый отрывок из его выступления перед студентами одного из колледжей в 2008 г, которое он назвал так: «Страна, которая звалась Америкой... Соединенные Штаты превращаются в «корпоративное государство»:

«Я жил в стране, которая звалась Америкой. Она не была идеальной, но она была страной, которую я любил. Она платила рабочим зарплаты, которым завидовали во всём мире. Она

гарантировала систему здравоохранения и пенсии, хорошее бесплатное образование. Она почитала демократические ценности. У неё были программы социальной защиты — для заботы о наших слабых и бедных. Она располагала системой исполнительной власти, которая была нацелена на защиту интересов своих граждан. И ещё — была надежда.

Ныне от этой страны сохранилась лишь ее внешняя оболочка. Наше государство, наша нация были похищены олигархами, корпорациями и узкой, эгоистичной политической элитой, маленькой и привилегированной группой, которая управляет от имени финансовых кругов.

Мы проходим через «государственный переворот в замедленной съёмке». Мы обеднели: в юриспруденции, экономике, духовной и политической жизни. И если мы быстро не повернем этот поток вспять, не вырвем государство из корпоративных рук, нас затянет в темный и бурный мир глобализации. А там есть только хозяева и рабы, американская мечта будет не более чем действительно мечтой, и те, кто упорно трудится, больше не могут получать приличную заработную плату, чтобы содержать себя и свои семьи. Растущее отчаяние, охватывающее США, ведёт не просто к рецессии, но к возможности возникновения депрессии, подобной которой мы не видели с тридцатых годов. Это отчаяние создало «резервуар» сломленных людей, готовых работать за низкую заработную плату, без профсоюзов и льгот. Это — хорошие новости, если вы руководите корпорацией. Это — очень дурные вести, если вы работаете, чтобы прокормить себя. Для 90 процентов американцев их годовой доход в течение трех десятилетий устойчиво снижался, несмотря на три десятилетия подъема экономики. И куда шли эти деньги?

Спросите «Экссон-Мобил», крупнейшую нефтегазовую компанию, которая получает гигантские прибыли, но взвинтила для нас цены на бензин. И спросите главу этой корпорации, чья годовая зарплата вместе с премиями и другими компенсациями, а также с доходами от акций компании превышает 20 миллионов долларов. А есть главы компаний с доходами и в 30, и в 40 миллионов.

Неравенство между нашей олигархией и рабочим классом создало новое глобальное крепостничество — вот что такое корпоративное государство.

По данным министерства труда, 15 миллионов американских рабочих являются безработными, частично занятыми или потерявшими надежду найти работу. Сегодня идет атака на средний класс, всё, что может быть выполнено в виде компьютерных программ — финансы, архитектура, ин-

женерия — производится в Индии или Китае, где люди получают крошечную зарплату и никаких льгот.

Посмотрите, кто управляет нашими министерствами? Корпорации. И нам ничего не говорят о переподчинении американских граждан корпоративной власти.

Эти корпорации нейтрализовали федеральную, местную и судебную власть. Они доминируют в разбухшей и расточительной военной промышленности, которая стала священной коровой. Военная промышленность не производит ничего, что было бы полезно для общества. А 50 миллионов американцев пребывают в нищете, десятки миллионов американцев — близки к бедности.

Как мы дошли до такой жизни? Произошло дерегулирование — систематическое разрушение управляемого капитализма, который был признаком американского демократического государства. Наш политический упадок возник из-за отмены государственного контроля, ликвидации антимонопольных законов и по причине кардинального преобразования экономики производственной в экономику капиталов. А нам скармливают одну ложь за другой, чтобы скрыть разрушения, которое корпоративное государство привнесло в наши жизни...

Мы должны добиваться роспуска Всемирной торговой организации. ВТО вынуждает наш рабочий класс конкурировать с забитым до полусмерти ребенком в другой стране и тюремной рабочей силой за границей, заставляет соглашаться на рабский труд или же оставаться без настоящей работы. Мы должны передать контроль над пенсионными фондами от управленцев рабочим. Ведь люди не товар.

Мы стоим на краю серьезных экономических перемен, таких, которые вынудят миллионы семей выселиться из своих домов и ввергнуть их в финансовую пропасть, что угрожает разорвать ткань нашего общества. Если мы не бросим вызов политикам, которые толкают нас, как стадо, к корпоративному государству, значит, мы растратим наши смелость и общность в тот момент, когда они необходимы нам более всего».

Читая статьи этого талантливой журналиста, можно прийти к выводу: сейчас не президент государства, конкретно — США, владеет реальной властью, а **корпоративная власть олигархов**.

Самое интересное в этой филиппике Хеджеса — то, что, выступая против всевластия корпораций, он сетует на отмену регулирования капитализма. Но ведь это регулирование и было сердцевиной того корпоративного государства, которое создал Франклин Рузвельт и которое почти полностью уничтожил Рейган.

Ещё более хлётскую характеристику корпоративизму в США даёт журналист Тони Карталуччи: *«Когда американцы выходят на улицы, протестуя и выражая своё недовольство политической руководством США, возникает некоторая путаница по поводу того, кто является источником их проблем. Этими «кто» являются представители корпоративной финансовой олигархии США — паразиты, уничтожающие Америку и кормящиеся за счёт неё уже более века. Они составляют не 1% от населения страны. Они 1% от 1%. Они — это миллиардеры-банкеры... Они — это представители руководства Федеральной резервной системы, директора и председатели многих крупнейших мировых корпораций... Они объединяют свои ресурсы с созданными по их же инициативе институтами, научными центрами, рабочими группами для глобального контроля над человечеством... Они, в буквальном смысле, вынашивают заговор против американского народа, целью которого является тотальный контроль над Америкой... Кровосмесительные связи банков, правовой системы, образования, крупных нефтяных компаний и военно-промышленного комплекса с правительством США уже достигли уровня **корпоративного фашизма**».*

Карталуччи не разделяет той «обамофилии», которая охватила часть американского общества после избрания Барака Обамы президентом США: *«Обама — мусульманин!», «Обама — марксист!», «Обама — социалист!».* Ни одно из этих высказываний не является правдой. Обама — марионетка дельцов с Уолл-стрит, который даже не может выбрать себе галстук для повседневного ношения. Даже беглый взгляд на фамилии членов кабинета президента Обамы даёт представление о том, насколько глубоко укоренились в нём представители мега-банков с Уолл-стрит и крупнейших американских корпораций».

Некоторые критики видят корни нынешних проблем в далёкой истории США. Очень эмоциональную статью «США не страна, а корпорация» написала журналист Лиза Гулиани. Вот некоторые её положения.

Правительство США — это, в основном, корпоративный инструмент международных банкиров. Это означает, что вы принадлежите корпорации от рождения до смерти. Корпоративные США также сохраняют права собственности на все ваши активы, на вашу собственность, и даже на ваших детей. Звучит неправдоподобно? Но подумайте о всех тех налогах, пенях, штрафах и лицензиях, что вы должны оплачивать. Да, вы у них в карманах.

Законы, принятые в 1871 г. и 14-я поправка к Конституции (то, что открыло дорогу корпорациям) привели к тому,

что мы утратили нашу Республику. И тогда мы промолчали. Народ был обманут в течение сотни лет. Мы считали, что остаёмся свободными и независимыми, когда в действительности мы продолжаем быть рабами и служащими корпораций.

Было совершено предательство против народа. Это могло бы быть исправлено, если бы вступились честные люди. Но их не оказалось, потому что всех охватила жажда денег и власти. И мы должны прощать и оправдывать это преступление? Вы потеряли больше свободы, чем вы можете понять, из-за влияния, которое корпорации оказывают на так называемое правительство. Мы потеряем ещё больше, если не восстановим, в соответствии с Конституцией, нашу Республику. Вот как мы стали «достоянием» корпораций, и как нас поработочает наше молчание.

Я печалюсь, когда думаю о храбрых мужчинах и женщинах, погибших во всех войнах и конфликтах, начатых в интересах корпораций. Эти отважные души боролись за сохранение идеалов, они верили в то, что стоят за правду, а не за интересы корпораций. Верите ли вы, что эти люди захотели бы отдать свою жизнь для корпораций? Я думаю, что нет. Если бы люди знали давно, до какой степени их доверие предали, мне интересно, сколько времени потребовалось бы для очередной Революции. То, что нам нужно — это Революция в мышлении. Мы должны изменить наше мышление, и тем самым изменить наш мир.

Мы когда-нибудь восстановим Республику? На этот вопрос я еще не могу ответить. Самое главное — что мы, Суверенный Народ, будем работать совместно в духе сотрудничества, чтобы это случилось в этой жизни. Наши дети заслуживают своё законное наследство — свободу, наши предки сражались, чтобы дать её нам. Мы будем молчать, говорить себе, что мы свободны, и тем самым увековечивать миф? Или же мы будем стоять, как Один Суверенный Народ, чтобы вернуть то, что было украдено из дома нашей Республики? Ведь думать — это и называется свободой.

Ну, а на тех мерах, которые критики корпоративизма предлагают для изменения политического строя США, я не останавливаюсь ввиду их наивности и несостоятельности. Кроме того, эти критики не учитывают той выгоды, которую корпоративизм приносит Америке, а в известном смысле и каждому американцу. На это обратил внимание профессор Михаил Делягин в своём аналитическом докладе «Глобальная неустойчивость». Он отметил важную роль постоянной горизонтальной ротации кадров между государством и биз-

несом, при котором один и тот же человек может, условно говоря, несколько раз подряд с поста министра уходить на пост вице-президента крупной корпорации и наоборот. Эта система обеспечивает единство интересов и взаимопонимание между коммерческим сектором и государственным управлением. В США горизонтальная миграция руководителей между государством и бизнесом стирает грань между чиновником и бизнесменом и выковывает качественно новый тип универсальных топ-менеджеров, одинаково эффективных и в коммерческом, и государственном секторе. Обратная сторона формирования этого типа менеджеров — хотя и не слияние крупных корпораций и государства в единое целое (их мотивы и интересы объективно различны), но формирование у них единых представлений о национальной конкурентоспособности. В результате **американские государство и бизнес участвуют в мировой конкуренции не как союзники, но как единый организм, что качественно повышает их эффективность.** Ну а раз повышается конкурентоспособность США и их корпораций на мировой арене, то это положительно отражается на жизни каждого американца (хотя, конечно, и в разной степени). Но ясно одно: если позиции США и их корпораций в мире существенно ослабеют, никому из американцев это выгоды не принесёт, и как раз самых бедных и поставит на грань (или даже за гранью) выживания.

Американские ТНК, развивающие производство в странах «третьего мира», благодаря низким издержкам имеют возможность поставлять в США товары ширпотреба по сниженным ценам. Этим они убивают бизнес (особенно мелкий) в самих США, но зато рядовой американец ещё может более или менее сносно существовать в условиях инфляции и роста тарифов на, выражаясь по-русски, ЖКХ.

Ситуацию в мире и, в частности, в США трудно объективно анализировать из-за полного краха современной экономической науки. Конечно, сами маститые академики от экономики этого ни за что прямо не признают, но и того, что они говорят публично, достаточно, чтобы сделать такой вывод. Вот небольшой отрывок из интервью «Российской газете» (от 30.11. 2012) директора Института мировой экономики и международных отношений РАН академика Александра Дынкина:

«Если оглянуться в прошлое, то раньше было две концепции экономического роста. Кейнсианская, где речь шла о стимулировании спроса. И концепция жёсткой финансовой политики, в которой экономический рост базируется на сбалансированности бюджетов. Так вот сейчас ни то, ни другое уже не ра-

ботает. Условия изменились. Взять хотя бы такое явление, как глобализация. К примеру, вы стимулируете спрос во Франции, но его эффект для экономики моментально сглаживается ростом поставок товаров из Испании и Германии. Нужна новая модель роста. Более сбалансированная с точки зрения финансовых потоков, доходов, воздействия на окружающую среду, доступности ресурсов, здравоохранения, образования, новых технологий. Какие проблемы она должна решать?

Все сегодня обеспокоены ростом неравенства. Появился даже такой красивый журналистский оборот: «Джини вырвался из бутылки». Это игра слов. Джини — это индекс дифференциации доходов, который отражает разницу между богатыми и бедными. Это проблема и для США, и для Китая, и для России. Разрастание пропасти между богатыми и бедными довольно опасно и с точки зрения экономики, и с точки зрения политики. Это порождает социальное напряжение. В том же Китае десятки тысяч протестов и забастовок в год. А в США сформировался большой слой людей, которые уже не в первом поколении живут на пособие. Может быть, каждый отдельно взятый из них при этом прекрасно себя чувствует. Но эти люди фактически исключаются из экономического оборота, становятся новыми отверженными. Как решать эту проблему, не подрывая основ роста, непростая задача. (Примечательно, что и само интервью названо: «Пропасть между богатыми и бедными доведет мир до беды». — М.А.) Второй вопрос связан с экологией. Недавний ураган в США, засуха в России... Страховые компании несут большие убытки, они встревожены и лоббируют движение в сторону зелёной экономики. Но пока все усилия в этом смысле провалились».

А смысл в корпоративизме был

Однако есть в США и люди, которые ещё помнят времена Рузвельта и утверждают, что этические принципы построения корпоративного государства после Великой депрессии в США имели огромное положительное значение. Именно они стали основой индустриального бума в США (а также в Японии, Германии и Южной Корее после Второй мировой войны). А потому построение постиндустриального (технотронного, информационного) общества требует нового развития этических основ мировоззрения. Они призваны соответствовать новым стереотипам поведения, диктуемым новыми технологиями общественной жизни. Некоторые авторы указывают на то, что корпоративные государства Муссолини и

Франко обеспечивали общенациональное сплочение, рост промышленности, резкое увеличение прироста населения, бодрость духа и чувство свободы от осознания независимости нации от мирового финансового капитала. Впечатляют и экономические успехи Китая (хотя его строй иной раз называют «почти фашистским госкапитализмом», а большинство народа там живёт в нищете).

Экономист Роберт Хиггс написал интересную статью «Корпоративизм. Кризисы и квазикорпоративная политика в истории США». Он утверждает, что корпоративизм, предполагающий заметное влияние групп интересов на политику государства, в первую очередь экономическую, характерен для большинства современных стран, хотя его формы могут быть самыми разными. Но в США он приобрёл специфические черты в связи с тем, что американская государственность начиналась с конфедерации суверенных штатов. И Конституция, принятая в 1787 г., призвана была защитить интересы штатов, в которых люди проживали, как от чрезмерного влияния Центра, так и от преобладания интересов различных корпоративных групп (фермеров, моряков, купцов и др.). Для этого в разных штатах были выработаны различные системы сдержек и противовесов, а на уровне Центра созданы три отдельные, но взаимозависимые ветви власти. Эта схема должна была срывать любые планы, продвигаемые корпоративными фракциями в ущерб остальному населению. В течение полутора столетий система более или менее справлялась с возложенной на неё задачей, хотя полностью эффективно она не действовала никогда.

Когда американское хозяйство стало более интегрированным, корпоративные группы общенационального масштаба (фабриканты, железнодорожные компании, инвестиционные банки, фермерские организации и профсоюзы) стали оказывать существенное влияние на государственную политику. Появилось множество предложений по установлению официального сотрудничества или партнерства между капиталом, трудом и государством.

В дальнейшем, с 1922 г., развитию корпоративизма в США мешало отождествление его с фашизмом. Действительно, наиболее полного исторического воплощения корпоративистский идеал достиг в Италии при режиме Муссолини. В глазах американцев итальянское корпоративное государство служило целям диктаторского режима. Ни капиталисты, ни трудящиеся не обладали там самостоятельными частными правами, которые они могли бы отстаивать перед лицом фашистских властей. А права личности для американца были превыше всего.

После Второй мировой войны, естественно, фашизм превратился в бранное слово, а платформа полномасштабного корпоративизма была совершенно дискредитирована. Однако системы, кое в чём напоминающие фашистское корпоративное государство, начали формироваться в демократических странах Европы — прежде всего в Скандинавии, Австрии и Нидерландах, но, в определенной степени, и в других государствах Старого Света. Фашистскими эти модели, конечно, никто не называет: чаще всего их определяют как неокорпоративистские. Но ведь и в США корпоративистские группы никуда не делись, а корпоративизмом этот строй никто назвать не решается.

В итоге сложилось такое положение: Европе корпоративистские образования (цеха ремесленников, гильдии торговцев и пр.) играли большую роль ещё в Средние века. Поэтому и в Новое время там сначала возник корпоративизм, а затем неокорпоративизм. А в Америке был выработан квазикорпоративизм.

Хиггс утверждает, что в Соединенных Штатах до сих пор сохранилось больше препятствий внедрению корпоративистских моделей, чем в относительно небольших унитарных парламентских республиках Западной Европы. В США никто не пытается насаждать централизованное планирование; не существует и последовательного регулирования цен и зарплат со стороны государства. В США группы интересов, зачастую весьма влиятельные, тем не менее *«лишены сплоченности, массовости и авторитета, необходимых для утверждения системы, которую можно было бы классифицировать как корпоративную»* Почти все политологи, судя по всему, согласны с выводом о том, что ныне в США корпоративного государства не существует». Хотя в ряде секторов американской экономики наблюдаются черты, имеющие достаточно сходства с корпоративизмом. Их правильнее называть «квазикорпоративизмом».

А идеалисты создают идеалы

Но в большинстве случаев как американские, так и зарубежные учёные ещё продолжают исследовать американскую экономику со старых позиций, хотя наступили совершенно новые времена. Как пример, можно указать на работу грузинского исследователя Котевана Ростиашвили «Перспективы государственного регулирования трудовых отношений в США», где подробно разбираются правительственные структуры, призванные соблюдать порядок в этой сфере жиз-

ни страны и механизмы участия рабочих в управлении производством, хотя власть корпораций сводит все их усилия на нет.

Но особенно интересен труд одного украинского исследователя под названием «Экономические основы постиндустриального корпоративного государства. Новые основы синтеза экономической эффективности и социальной справедливости». В нём сделана попытка выработать *идеал* корпоративного государства. Учёный исходит из когда-то очень популярной теории «третьего пути», то есть чего-то среднего между капитализмом и социализмом, ибо по теории конвергенции эти системы в своём развитии должны соединиться, отбросив все негативные и сохранив при этом присущие им положительные черты. Именно на этой основе необходимо строить Украину XXI века, способную достойно войти в глобальное сообщество. Ведь тенденция движения к конвергентной социально-экономической системе адекватна и процессам генезиса постиндустриального, информационного общества, так называемой «новой экономики» — экономики знаний, творчества, социальной ответственности и экологической безопасности. В этих условиях государство оказывается как бы материнской корпорацией, народное хозяйство — мегахолдингом, а граждане — его акционерами.

Став акционерами государства-корпорации, граждане безвозмездно получают от него государственные акции, которые принципиально отличны от ваучеров. В таком идеальном корпоративном государстве всем гражданам предоставляется возможность быть реальными его совладельцами, а это открывает путь к опережающему развитию просвещения как фундаментальной ценности и средствам развития постиндустриального общества, а также обеспечению в нём полной занятости, социальной защищённости и стабильности. Так будут воплощены идеи «человеческой революции», «новой экономики». Естественно, что при этом каждому гражданину будет открыт личный социальный счет, и туда будет поступать причитающаяся ему доля от государственной прибыли — его дивиденд от деятельности государства. Так будет осуществлён переход от авторитарных институций, таких как государство и корпорации, к обществу свободных самоорганизующихся сетей и добровольных ассоциаций.

Увы, перспективы, вероятно, довольно мрачные

Мечтателей возвращает с небес на землю профессор Андрей Фурсов в работе «Государство, оно же корпорация». Он исходит из того, что национальное государство отмирает. Ему

на смену грядет корпорация-государство. Речь идет не о корпоративном государстве вроде Италии 1920—1930-х годов или Германии 1933-1945-х. Речь о принципиально новом и, вероятно, чудовищном феномене.

При глобализации, благодаря господству информационных факторов над вещественными, капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободным от всех ограничений локального и государственного уровня. Миллиарды долларов в один миг могут быть переведены с одного конца планеты на другой. Это победа капитала над государством. С формированием глобальных денежных рынков возможности государства контролировать финансово-экономические потоки резко ослабли. Объем чисто спекулятивных межвалютных финансовых трансакций стал во много раз больше, чем объем мировых торговых обменов и чем суммарные резервы всех национальных банков мира. Ни одно государство мира, за исключением США (места прописки крупнейших ТНК, так сказать, Глобамерики), не продержится и нескольких дней против глобального спекулятивного давления.

Здесь я ненадолго прерву изложение статьи А.Фурсова и передам некоторые мысли работы доцента МГИМО Ольги Четвериковой «Скрытые инструменты управления «европейским строительством» в период ломки «социального государства». Из неё можно увидеть, что идеи корпорации-государства имеют давние корни. Особую роль в их становлении сыграли события, происшедшие в Западной Европе в начале 1970-х годов. Тогда правящие круги Запада и транснациональный бизнес убедились в том, что «социальная экономика» с её демократией начинает представлять угрозу для позиций элиты. ТНК заявляли о себе как о субъектах мировой экономики и политики, более влиятельных, чем государства, которые стали им мешать. Поэтому требуется сломать систему национально-государственного регулирования и перейти к открытому «глобальному» обществу (в духе мондиалистских идей верхушки мировой олигархии). Началась пропаганда «единого человеческого общества», «мира без границ», единого глобального денежного обращения, единого центрального банка, абсолютной свободы движения народов, товаров, идей и услуг. На это стал работать связанный с Бильдербергами Римский клуб, объединивший представителей мировой политической, финансовой и научной элиты.

Главная задача этого «мозгового центра» заключалась в том, чтобы дискредитировать идею «социальной экономики» и, напугав общественность образами будущих возможных катастроф, обосновать необходимость признания влас-

ти «избранных элит». Это должно было напоминать лечение шоком. Надо было напугать человечество тем, что современная технологическая цивилизация в силу истощения природных ресурсов и перенаселённости планеты пребывает в критической ситуации, и если она рухнет в результате какого-либо катаклизма, то восстановить её будет практически невозможно. Особенно известны два доклада клуба. В первом («Мировая динамика», 1971 г.) доказывалось, что продолжение прежних темпов потребления ресурсов приведёт к 2020 г. к всемирной экологической катастрофе. А во втором («Пределы роста», 1972 г.) была описана катастрофическая ситуация, которая ждёт человечество уже в начале XXI века в силу достижения им демографических и экологических пределов, и выдвигалась задача перехода к планируемому в мировом масштабе развитию по модели «нулевого роста». То есть речь шла о консервации промышленного развития и сокращении численности населения, поскольку человечество стало рассматриваться как угроза миру. Тем же мальтузианским видением были проникнуты и последующие доклады этой элитной группы. В итоге удалось убедить западного человека, что надо сломать прежнюю систему управления обществом, чтобы обеспечить благополучную жизнь лишь для одного миллиарда человек (а теперь уже и для 500 миллионов). Кроме того, надо создать новую мировую религию взамен христианства из-за его установки на неограниченное деторождение. В реальности требовалось сокращать не представляющее никакой функциональной ценности население стран «третьего мира», держа их в качестве сырьевого придатка и зоны сбросов вредных отходов.

А реальным потрясением стало спланированное на встрече Бильдербергского клуба резкое повышение цен на нефть в 1973 г., повлекшее за собой первый за послевоенные годы экономический кризис на Западе, после которого его экономика вошла в период перманентных катаклизмов. Ещё более важным событием стала отмена в 1971 г. привязки доллара к золоту, после чего доллар превратился в главное средство международных расчётов и, став печататься в неограниченном количестве, превратился, по признанию американского президента Никсона, в основной экспортный товар США. Печатание мировых денег и скупка на них реальных мировых активов стали главным бизнесом американских банков. И после повышения цен на нефть мощный поток нефтедолларов потёк в американские банки.

В написанном в 1975 г. отчёте Трёхсторонней комиссии уже открыто выражалась озабоченность «избытком демократии», перед угрозой которой оказалась правящая элита Америки.

Западные элиты открыто провозгласили, что на повестке дня — переход к демонтажу демократических институтов «социального государства». Сутью неолиберального курса стали глобализация и *освобождение элит из-под контроля государства и гражданского общества*.

Но когда Европейский Союз, казалось бы, приблизился к воплощению мечты своих архитекторов, как раз и стал проявляться весь разрушительный характер «европейского строительства», выявивший полную несовместимость интересов и представлений правящей космополитичной верхушки, находящейся на содержании у мировых банкиров, с интересами и представлениями большинства европейцев. И сохранение «европейского единства» стало возможным только при условии перехода власти в руки мировой финансовой мафии. Теперь вернусь к статье А.Фурсова.

В итоге глобализации произошло формирование наднациональных экономических образований типа Евросоюза или Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). А главное — появились «регион-государства» (РГ) (или «регион-экономики» (РЭ), в отличие от прежней «мир-экономики». Примеры РЭ — Силиконовая долина в США или объединение Лотарингии (Франция) с её месторождениями железной руды и Рура (ФРГ) с его добычей каменного угля. РЭ в большей степени связана с другими РЭ, чем со своей страной. И глобальная экономика представляет собой не единую ткань, а сеть из ста—двухсот точек-узлов, связанных между собой. И им нет дела до людей с их проблемами. Это переход к Рах Globalica — «рынку-государству». Это А.Фурсов и называет «корпорацией-государством», цели которого — снижение издержек. Для этого сводятся к минимуму социальные обязательства и избавляются от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпоративно-государственной) точки зрения населения. Тут «выживает сильнейший».

В индустриальную эпоху нация-государство имело социальные обязательства по отношению к массе населения. Во-первых, индустриальное производство требует наличия массового рабочего и среднего класса. Во-вторых, индустриальная эпоха — это эпоха мировых войн, в которых сражаются нации в целом, и потому необходимо единство нации. В-третьих, пока был СССР, противостояние двух миров заставило буржуазное государство стать государством всеобщего собеса.

Дальнейшее развитие такого государства должно было привести к столь радикальному перераспределению доходов и власти, что господствующие группы просто превращались в верхнюю часть среднего класса, а это страшно.

Глобальная информационная постиндустриальная экономика в силу своей наукоёмкости и возможности перемещения индустриального производства на Юг не требует на Западе массовых среднего и рабочего классов. Эпоха системных мировых войн за гегемонию закончилась, у капиталистической системы есть гегемон — США (с 1980-х годов — Глобамерика). СССР прекратил свое существование. Не надо никого подкармливать и мирить. А потому место нации-государства занимает корпорация-государство.

Корпорация-государство ставит национальные интересы страны в зависимость от корпоративных интересов. Национальные правительства перестают быть и национальными, и правительствами, превращаясь во внешние административные органы корпораций. Внутренний принцип организации корпорации-государства — клан.

Процессы корпоратизации государства в таких крупных странах, как Россия, Индия, Индонезия, Китай, Бразилия, будут чреватые серьезнейшими социальными потрясениями. Корпоратизация государства происходит и на Севере.

Но террористические организации после окончания «холодной войны» тоже стали превращаться в корпорации-квазигосударства. Идет тотальная корпоратизация мира. XXI век будет веком различных корпораций-государств. И это станет серьезнейшим испытанием для такого христианского завоевания человечества, как личность, которой не на кого и не на что будет рассчитывать, как на саму себя, и нужно будет превращаться в корпорацию в одном лице (как российский философ Александр Зиновьев осознал себя государством в одном лице).

Поскольку в современной глобальной экономике процветают торговля оружием, нефтью, драгметаллами и золотом, наркотрафик, проституция и порнобизнес, — корпорация-государство есть, по сути, корпоративно-криминальное государство («государство-бандит»). И грань между криминальной и правовой зонами принципиально стёрта: «прибыль превыше всего». В корпорацию-государство отбирается и определённый человеческий материал. А 80% населения планеты исключаются из нормальной жизни.

Здесь, мне кажется, уместно будет напомнить знаменитое высказывание Франклина Рузвельта: «Правительство, которым управляют деньги, так же опасно, как правительство, которым управляют бандиты» («ЛГ», 2008, №32).

Но пока государство не исчезло, — продолжает А. Фурсов, — здесь возможны и попятные движения. Ведь есть ещё субъект и революция, есть борьба. Кто или что может унять

корпорацию-государство? И гарантирован ли успех? Вовсе нет. Но это не значит, что надо радостно принимать прогресс, который тебе впихивают.

Но это — путь к концу

Михаил Делягин в статье «Грядущее как риск» («Завтра», 2010, №29) рисует картину трансформации человечества, его перехода в качественно новое и ещё непонятное нам состояние. Он обращает особенное внимание на то, что глобализация сделала наиболее выгодным видом бизнеса формирование человеческого сознания. И если на протяжении всей своей истории человечество меняло окружающий мир, то теперь оно начинает заниматься изменением себя самого. В постиндустриальную эпоху оно, вероятно, будет нацелено на преобразование человека — как сознания, так и тела, а главное — на расширение психоэнергетических возможностей. (Замечу попутно: как говорит профессор Аскар Акаев, ожидаемые нанобиотехнологии, например, позволят накачивать любого человека пассионарной энергией, запустив в него нанороботов с определенными свойствами. Правда, такая «накачка» сулит нам и определенные опасности. Любое открытие можно применить как во благо, так и во зло человечеству. В этом, как говорится, неизбывная драма. Потому что любое изобретение человека обнаруживает в себе эти две стороны медали. Выбор тут за людьми.)

То, что даже передовые общества начинают отсекают бедных от высшего образования и извращать его смысл, — признак ненужности для них технологического прогресса. Но главным новшеством становится формирование нового глобального управляющего класса, названного Жаком Аттали «новыми кочевниками».

Этот господствующий класс не привязан ни к одной стране и не имеет внешних для себя обязательств. Государственные управляющие системы подчиняются и начинают служить ему, а не своим народам, превращаемым в «дойных коров». Конкуренция между странами резко ослабляется: наличие глобального класса делает её борьбой между частями одного целого. Фундамент глобального управляющего класса — глобальные монополии. В их загнивании и есть суть современной глобальной экономической депрессии.

И ещё: ядро прогресса — открытие новых технологических принципов (а не их воплощение в имеющих коммерческую ценность технологиях) — принципиально антирыночно! Инвестор не понимает смысла того, на что ученые просят

у него деньги, но знает, что никакого результата может и не быть. Заниматься этим можно лишь под страхом смерти, который и исчез с завершением «холодной войны». И в последние 20 лет интенсивность открытия новых технологических принципов резко снизилась. Но главное всё же в другом. Пока человек менял окружающий мир, он нуждался в точном знании о нём. Когда же главным становится изменение своего сознания, науку, изучающую всё сущее, сменяет изучение методов и возможностей манипулирования сознанием. Научный подход становится ненужным, а с ним ненужной становятся наука и обеспечивающее её образование.

А компьютеризация? Функция компьютера — формализация логического мышления. Он вытеснит человеческую активность в недоступную ему сферу внелогического мышления — в первую очередь творческого. Но большинство людей не умеет пользоваться творческими способностями, а управляющие системы не умеют обращаться с творцами и потому, скорее всего, будут подавлять их. Поэтому активность большинства людей будет вытеснена в сферу внелогического, но не творческого мышления: в сферу мистики. Это отбрасывает человека на уровень до эпохи Просвещения, в состояние, пока еще кажущееся животным.

Так что же, светлое будущее — это людоедство?

В индустриальном обществе каждый человек — потенциальный источник прибыли и потому является ценностью. Осознание этого породило общество массового потребления, «благосостояния для всех», и средний класс. Однако постиндустриальные технологии сверхпроизводительны, и использующее их общество для производства прежнего количества находящихся спрос благ нуждается в качественно меньшем числе работников. Ему нужна элита, обеспечивающая управление, исследования и культурную среду, а также относительно немного людей, непосредственно занятых производством. Остальные оказываются лишними. Производить им нечего: любой произведённый ими продукт будет лишним. Но они претендуют на потребление. С точки зрения коммерческой эффективности, это недопустимо.

Разрыв между низкой производительностью и высоким потреблением максимален у среднего класса развитых стран. И это ставит перед человечеством людоедскую, по сути, задачу сокращения его потребления. И мы видим обнищание среднего класса в США и даже в ЕС. Грядёт социальная утилизация среднего класса. Экономика будет сброшена в жесточайшую депрессию, ибо именно средний класс генерирует основную часть спроса.

Значит, сохранение производства — и благосостояния — потребует отказа от ориентации на прибыль как главную цель человечества. Если этот переход не будет осуществлён сознательно (что невозможно по идеологическим и управленческим причинам), он произойдёт неосознанно, стихийно, через социальную катастрофу. Это приведет к обезчеловечению и управляющих систем, и обществ в целом.

Если человек не хочет становиться на четвереньки, то надо отказаться от корысти как основной движущей силы человечества.

Деньги теряют значение, уступая свою роль технологиям. Они менее отчуждаемы, чем деньги, и потому основанное на них господство прочнее основанного на деньгах. А технологии всё чаще используются на нерыночных условиях, закрепляющих господство их владельцев. Стратегические решения (программа развития альтернативных источников энергии в ЕС, технологический рывок в Китае) дотируются государствами и потому становятся нерыночными.

Вырываясь из оков рынка, человечество стремится к восстановлению технологического прогресса, надеясь на возвращение его гуманизирующей роли, надеясь, что технологии обеспечат «благосостояние для всех» и остановят сползание в варварство.

Упование на технологии против всеислия рынка, при всей наивности (как и любой надежды на лучшее будущее), перспективно. Это современная форма социалистической идеи, превращающейся из традиционной социал-демократической, свойственной индустриальной эпохе, в идею технологического социализма.

Сегодняшняя форма общественной борьбы — это борьба между стремлением к прибыли и стремлением к технологиям, к возобновлению комплексного, всеобъемлющего развития человечества. Эта борьба вновь, как в годы великих войн, превращает науку в передовой край борьбы человечества за свое будущее. Только если раньше речь шла о судьбе лишь отдельных народов и их групп, то теперь — всего человечества, без какого бы то ни было исключения.

На мой взгляд, это и есть приговор «корпорации-государству» и иным подобным образованиям, вытекающим из «глобализации по-американски». Так разговор о корпоративизме приводит нас к проблеме судеб человечества.

Однако надо сделать и ещё одно важное замечание. Те самые людоеды — олигархи и их обслуга — ощущают себя, видимо, благодетелями или даже спасителями человечества. Ведь современное человечество — это семь миллиардов ин-

дивидов с преимущественно эгоистической жизненной ориентацией и безответственным поведением, прежде всего, в отношении природной среды. Ради белизны рубашки в канализацию (а затем — в океан) ежегодно спускаются миллионы тонн стирального порошка. Удобная вещь — целлофановый пакетик, но их тоже выбрасывают миллионы, и вот уже на просторах Тихого океана вырос не остров, а целый континент всякого пластикового барахла. Вырубаются леса — лёгкие планеты по большей части ради того, чтобы житель Нью-Йорка утром получил газету на сотню страниц, из которых он пробежит глазами две-три: курсы акций, спортивные новости и программу развлечений. После чего этот том попадает в мусорную корзину, и лучшее его применение — послужить бездомному подстилкой, когда он уляжется спать на скамейке в парке. Вот и выбирайте: либо естественный конец человечества из-за безответственного повеления семи миллиардов индивидов, либо жизнь двух миллиардов землян под железной пятой олигархов. Иных, разумных решений этой важнейшей проблемы современности критики олигархов пока не предложили.

Остатки корпоративного государства в США

Корпоративное государство, которое Рузвельт создавал в США, не было похоже на фашистское корпоративное государство, строившееся Муссолини в Италии. По идее, в Италии рабочие и хозяева предприятий должны были представлять собой единые трудовые коллективы, где сохранялось разделение функций. Работники производили продукцию, хозяин управлял предприятием. Но управлял не так, как ему заблагорассудится, или как будет получена наибольшая прибыль, а так, как это нужно государству. За этим (как и за обеспечением благоприятных условий труда для работников) строго следила партия. И хотя Муссолини не мог пойти на ликвидацию частной собственности, но даже такое её ограничение вызвало огромный подъём в народе, почему старые итальянцы, дожившие до «победы демократии», часто вспоминали первые десять лет правления Муссолини как самый светлый период в своей жизни.

В США работники и предприниматели не образовали единого трудового коллектива. Однако Рузвельт заставил предпринимателей сесть за стол переговоров с представителями работников. Он также заставил их сильно поумерить свои аппетиты, ограничить норму получаемой прибыли и за счёт этого существенно повысить уровень заработной платы. Были

также законодательно закреплены меры по улучшению условий труда для работников. А уж в годы войны, когда страна жила под лозунгом, выражаясь по-советски, «Всё для фронта, всё для победы!», и работники, и предприниматели были переведены едва ли не на казарменное положение. Единство нации было обеспечено, как никогда прежде. (Некоторые интересные подробности можно прочитать в упомянутой выше работе Хиггса.) И эти завоевания, хотя постепенно и урезались, по большей части всё же сохранялись в США вплоть до перехода к «рейганомике».

Однако необходимость, во-первых, смягчить противоречия интересов рабочих и предпринимателей, во-вторых, найти способы стимулирования работников в части повышения не только производительности труда, но и качества и конкурентоспособности продукции, в США осознавалась. Были попытки внедрить японские методы совершенствования организации труда, например, создания «кружков качества» и т.п., однако они провалились из-за индивидуализма американцев, которые никак не могли переродиться в японцев, преданных своей корпорации.

Итак, в США место корпоративизма, исходящего из того, что рабочий и хозяин предприятия — это товарищи, соратники (как в Италии), заняла гораздо более упрощённая практика «человеческих отношений». Это, в частности, когда предприниматель должен показывать работникам, что он — «свой»: подойдя к работнику Джону, похлопать его по плечу, спросить, как его дела, как чувствуют себя его детишки и т.п. Но это лишь улучшает имидж корпорации, но не меняет её эксплуататорскую суть.

Другое проявление корпоративизма в США — это линия на поощрение приобретения работниками акций своей корпорации. Это должно создать у работников ощущение причастности к делам своей компании, их заинтересованности в её процветании. Иногда представителей работников вводят в состав совета директоров предприятия. Это очень слабая замена когда-то могущественных в США профсоюзов, ныне утративших значительную часть своего прежнего влияния, как на дела предприятий, так и на политику государства в целом.

Больше всего от такого рода новшеств выиграл слой «золотых воротников», который составляет на отдельных предприятиях до 10—15% рабочих. Он принимает участие в принятии решений. И жизнь представителей этого слоя, — утверждают его апологеты, — получает творческую наполненность, дает возможность реализовать свои творческие потенциалы.

Новым проявлением корпоративизма стало появление «народных предприятий», находящихся в собственности их работников. Детальнее других изучил это явление Вадим Белоцерковский, автор книги «Продолжение истории: синтез социализма и капитализма».

В середине 70-х гг. Конгрессом США было принято законодательство по программе ИСОП (План создания акционерной собственности работников). Это призвано было стимулировать предпринимателей наделять акциями своих работников. (Автором программы был экономист и предприниматель Луис Келсо.) Но затем работники стали выкупать целые предприятия. В книге В.Белоцерковского приводится много конкретных примеров, когда работники купили находившийся в частном владении завод и сумели сделать его рентабельным предприятием. Среди таких предприятий находятся и компании с десятками тысяч работников. Одни опасались, что это ведёт к коммунизму. Другие полагают, что коллективное владение предприятиями — это путь к распространению капитализма. В книге В.Белоцерковского описаны суть и механизм действия программы ИСОП.

Сам В.Белоцерковский (детали я опускаю) рассматривает схему ИСОП как реализацию важнейшего принципа синтезного социализма о собственности производителей на продукцию своего труда. Но задумка инициаторов ИСОП — чтобы все граждане становились капиталистами, т.е. собственниками, совладельцами капитала. И они очень боятся наступления государственного социализма.

По мнению В.Белоцерковского, авторы ИСОП не понимали психологии капиталистов. Ведь от абсолютной власти, какая и существует внутри большинства капиталистических хозяйств, отказаться ещё труднее, чем от присвоения доходов от чужого труда. Большинство предпринимателей и высших менеджеров не захочет наделять полной собственностью своих наёмных работников, так как не захочет лишаться абсолютной власти над ними.

Возможно ли корпоративное государство в современных США?

Российский футуролог и социальный конструктор Сергей Чернышёв написал интересную, легко читающуюся, но трудно понимаемую (из-за чрезмерно схематичного изложения концепции) книгу «Корпоративное предпринимательство: от смысла к предмету» (М., 2001). В двух словах суть её в том, что народы в своём развитии проходят такие стадии:

традиционное, культурное и цивилизованное общества. Из истории известно, что далеко не всем народам удалось пройти все эти стадии. Одни народы погибли на ранних фазах, другие и по сей день остаются с примитивным устройством своей жизни. Но если отвлечься от таких деталей, то разница между отмеченными стадиями сводится к следующему. В традиционном обществе (например, в первобытном племени) религии нет. А есть идолопоклонство: духи рядом и везде, и каждый мужчина — одновременно и охотник, и воин, и колдун. Ни в какой касте жрецов племя не нуждается. Между членами этой общности царит братство, кровное родство. В культурных обществах (например, в российском) возникает и сохраняется религия, для общения с Богом возникает сословие жрецов. Культурному обществу присущ корпоративный строй (те же цехи, гильдии, община и пр.). Здесь царит равенство. Цивилизованное общество обходится без религии, её место занимает наука, не присущ ему и корпоративизм, а люди становятся индивидуалистами. Здесь царит либерализм с идеалом свободы. Не буду вдаваться в разбор этой книги, отмечу лишь её вывод, имеющий прямое отношение к теме моего исследования: хотя Запад перешёл к цивилизации, однако корпоративный уклад, прорастающий в современном постиндустриальном обществе, возможно, и там возьмёт верх.

Большинство известных американских авторов пока ещё довольно благодушно оценивает состояние США. Так, известный современный американский политолог, талантливый и нестандартно мыслящий публицист У.Р.Мид в книге «Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска» анализирует причины политического доминирования Соединенных Штатов в современном мире и способы, помогающие Америке выстраивать свой привлекательный и одновременно грозный образ в глазах других стран и формировать новый американский порядок», который должен стать основой мироустройства, после того как излишне благодушная концепция «конца истории» выявила свою несостоятельность. Однако есть основания полагать, что в США, скорее всего, в ближайшем будущем разгорится острейший социальный конфликт, и не исключено, что он перейдёт в гражданскую войну. И тогда уже Америке будет не до выстраивания «американского мирового порядка». Причины этого предстоящего конфликта описал российский экономист Михаил Хазин. Вот краткое изложение его чрезвычайно интересной статьи.

Когда экономическая модель развития действует достаточно долго, она форматирует под себя и социально-полити-

ческую систему. В частности, формируются достаточно устойчивые методы стабилизации социума, которые гарантируют элите стабильное и комфортное состояние. Однако в случае нарастания тех или иных кризисных процессов эти методы постепенно теряют эффективность. И когда изменения накапливаются в достаточно большом масштабе, правящая часть элиты встает перед серьезным вопросом.

Либо нужно признать принципиальные изменения и вместе со всем обществом искать выход, либо же нужно их от общества скрывать и, воспользовавшись более или менее удобным поводом (или сконструировав такой повод), изменить методы управления («правила игры») так, чтобы скомпенсировать негативные изменения в части их влияния на элиты. Первый способ опасен, поскольку включает широкие народные массы в обсуждение вопросов, которые до того элита решала в своем кругу, что, обычно, означает, что ей придется делиться частью, иногда значительной, привилегий. Но зато этот способ позволяет элите продемонстрировать, что она является неотъемлемой частью общества, исключая опасные для неё социально-политические катаклизмы. Второй способ позволяет элите сохранить свои привилегии и возможности, но зато усиливает потенциальный социальный конфликт. Тогда приходится придумывать всё новые и новые поводы для ограничения прав общества в пользу элиты, и рано или поздно начинается открытый социально-политический конфликт. И вернуться к первой ситуации уже невозможно, поскольку доверие утрачено, и в этом случае возможно существенное изменение состава элиты.

События 11 сентября (независимо от того, были они специально организованы властями США, спровоцированы ими или же стали результатом ошибок спецслужб) были использованы как повод для принципиального изменения «правил игры» — в сторону резкого усиления государственного контроля над обществом и начала массовой пропаганды усилий государства по борьбе с терроризмом и кризисом — с целью, естественно, оправдать снижение жизненного уровня широких масс при постоянном росте этого уровня у элиты. Поскольку кризис продолжался, начался очень острый конфликт в американском обществе. Главная причина была одна — это принципиальное противоречие между тем **описанием** текущих событий, которые предлагала (и продолжает предлагать) американская элита, и **реальным развитием** событий, которые ведут к неуклонному снижению уровня жизни населения. И все изменения, произошедшие за последние лет десять, направлены по большому счёту на одну цель — сохранение того дохода,

который сумела получить для себя элита в 80—90-е годы прошлого века за счет остальной части общества.

Что же сохраняет сегодня американская элита? Ну, к примеру, доля финансового сектора американской экономики до Второй мировой войны не превышала 10%, а до 70-х годов — 20%, в настоящее время составляет 70%. Разрыв между богатыми и бедными в США достиг рекордных значений, реальные доходы домохозяйств падают с начала 70-х годов и сегодня достигли уровня начала 60-х годов. И продолжают падать. При этом, поскольку общий «пирог» начал сокращаться, для сохранения доходов элиты её доля в его перераспределении должна только возрастать.

Обама что-то предпринимает для решения реальных вопросов. Он попытается распространить систему медицинского страхования на бедных и компенсирует падающие доходы домохозяйств бюджетными выплатами. Именно за это его активно преследует американская элита, которая принципиально отказывается отходить от тех принципов, которые определили её позицию с сентября 2001 года.

События 11 сентября 2001 г. стали переломным моментом, после которого стало понятно, что американская элита окончательно отказалась от диалога с обществом и взяла курс на сохранение своих доходов любой ценой.

Однако сегодня возникла проблема, о которой вообще никто не думал. 30 лет более или менее успешного существования привели к тому, что вся система образования в США, в первую очередь экономического, выработала «язык», на котором описать реальные причины кризиса вообще невозможно! А отказ говорить на нём в американской элите сегодня воспринимается как признак враждебности, ибо он прочно вошёл в систему определения «свой — чужой», которая существует в любом обществе, но именно в США развита особенно сильно.

Невозможность сформулировать реальные проблемы и попытки сохранить нынешнее положение для элиты приводят к тому, что нет выбора в рамках ротации политической верхушки.

Поскольку кризис продолжается и будет только усиливаться, перед американской элитой встает серьёзный вопрос. «Пряников опять не хватает на всех», а это значит, что рост элиты последних 30 лет должен смениться её сокращением. Это означает начало крупномасштабных элитных войн, поскольку речь идет о выводе из элиты не 5—10%, от которых можно избавиться достаточно безболезненно, а как минимум 70—80%. Нужно будет объяснить молодым и амбици-

озным людям, чьи отцы 20—25 лет назад заработали свои первые миллионы на «рейганомике», что они должны вернуться в бедность... Это будет сильнее «Фауста» Гете!

Так как путь уже выбран и свернуть с него, судя по всему, уже нельзя, встанет вопрос о том, что неизбежно повторение событий 11 сентября, но не для всего мира или народа США, а только для её элиты. То есть произойдут события, которые покажут части элиты, что потеря её статуса и доходов является делом объективным и неизбежным, что «никто не виноват», а просто произошел «несчастный случай». Один из примеров таких взрывов — банкротство банка Lehman Brothers осенью 2008 г.

Подобные события будут повторяться всё чаще, и жертв их, в том числе и среди богатых, будет всё больше. И, конечно, серьезной проблемой станет политическая ситуация в мире, поскольку разжигание региональных конфликтов и манипуляции с мировыми ценами всегда были поводом для списания неугодных. 11 сентября 2001 г. стало символом входа в совершенно новый, ужасно некомфортный мир, в котором мы теперь и живем и будем жить ещё долго.

К этому надо добавить крайне неблагоприятный прогноз развития американской экономики, который содержится в ряде статей Михаила Леонтьева и в его четырёхсерийном телевизионном фильме «Большая американская дырка».

Уже в третьей серии этого фильма было констатировано, что прогнозы из второй серии сбываются в точности. Стоит их вкратце напомнить. Как и почему развивался экономический кризис, разразившийся в США в сентябре 2008 г.? Как и почему после банкротства Lehman Brothers — одного из четверки великих американских инвестиционных банков — оказалась банкротом вся глобальная финансовая система? Как и почему кризис частных банков и корпораций оказался кризисом государственных долгов? Таких, которые невозможно выплатить в принципе? Напоминание же необходимо для понимания фундаментальных причин и закономерностей всех экономических кризисов. Ответы на эти вопросы давались в третьей и четвертой сериях. Они были основаны на теории смены экономических укладов. Нынешний кризис в США системный и преодолевается сменой экономических и технологических эпох. Для того, чтобы понять, куда всё это движется, нужно смотреть, как одна система сменяет другую. **Нынешний экономический уклад — американская эпоха — заканчивается. И заканчивается катастрофически.** В этом, собственно, главное несчастье, если говорить о смене экономических эпох. Прогресс не обязательно благо. А если благо, то уж точно не для

всех. Плодами прогресса пользоваться приятно. Всем, кроме тех, кто оплатил эти плоды. Кризис — это еще полбеда. Настоящая беда — выход из кризиса.

Правда, в фильме М.Леонтьева можно уловить намёк на возможность для США в очередной раз вывернуться и выйти из кризисной ситуации. Она связана с тем, что американцы первыми освоили способ добычи сланцевого газа. Его можно добывать повсюду, где есть горные породы. И М.Леонтьев допускает мысль, что его производство в США приведёт к тому, что предприятия, бежавшие из страны туда, где дешёвая энергия, вернутся обратно. Кстати сказать (не знаю, по этой ли причине или в силу иных обстоятельств) многие американские предприятия в Китае начали свёртывать там производство и возвращаться «домой». Вот и академик Александр Дынкин говорит: «Есть прогнозы, что к 2035 г. США будут экспортировать сланцевую нефть. Не уверен, что они сбудутся, но такие оценки есть. Что касается сланцевого газа, то себестоимость его добычи уже вполне приемлема. Цена на него на внутреннем рынке США в пять раз ниже, чем в Европе, и в восемь, чем в Японии. Это меняет всё. Восемь американских компаний уже обратились в министерство торговли за разрешениями на экспорт газа. Сразу началось сильное лоббирование. Таким отраслям, как производство удобрений, нефтехимия, очень нравятся низкие цены на газ. Они обещают правительству вернуть свои производства обратно в Америку, если не будет экспорта газа, он ведь потянет цены вверх. Высокотехнологичные отрасли, в первую очередь IT, напротив, высказываются в поддержку экспорта газа. Потому что не хотят, чтобы структура американской экономики менялась. Капитал тогда пойдёт в другие отрасли. Но чем бы ни закончилось это перетягивание каната, сланцевые технологии в любом случае — результат инноваций.

А ведь кризис 2008—2009 годов принес миру, кроме сланцевого газа и нефти, массу инноваций. В их числе были поистине выдающиеся, например, — планшетники. Кстати, по прогнозам аналитиков, пятый iPhone даст США полпроцента ВВП. Потому что эти гаджеты вся планета покупает. И заметьте, их не надо «внедрять». Заодно академик поясняет и разницу между технологическими прорывами, изобретениями и инновациями, которую многие у нас не понимают. Инновации — это то, что воспринимается рынком, то, что не надо внедрять. Инновация рождается в точке пересечения технологии и спроса. Причём мировой рынок занят. Туда можно выйти с серьёзной инновацией только после того, как она захватит внутренний рынок. Никак не наоборот.

Но не думаю, что какие-либо новые технологии в условиях системного кризиса спасут США. К тому же у Америки есть ещё одно уязвимое место.

Профессор Аскар Акаев вспоминает, как он был в США в гостях у бывшего российского академика Роальда Сагдеева, который переехал туда по семейным обстоятельствам. Он был в Москве директором Института космических исследований. А в Америке он заведовал кафедрой физики Мэрилендского университета. Когда он показал А.Акаеву своих студентов, тот увидел сплошь индийцев и китайцев. Сагдеев сказал, что **американцев физика не очень привлекает. Они всё больше идут в финансисты, экономисты, топ-менеджеры и пр.** В целом, в Америке сложилось такое разделение труда: вся инженерия, высокие технологии, включая ракетно-космические, — в руках китайских ученых. И по любому зову они вернуться к себе на родину. Так уже было. Когда Китай стал реализовывать свою космическую программу, тут же профильные специалисты примчались из США на родину выполнять свой патриотический долг.

А индийцы больше заняты в информационных технологиях, они очень хорошие программисты, математики. Поэтому, когда их специалисты вышли в США на высокие должности в этих отраслях, заказы на программные разработки потекли в Индию, где сидят выпускники опять же американских вузов и работают с заказчиками из США в заочно-дистанционном режиме. Это целая национальная индустрия, которую Индия перехватила у России. Так вот там программисты активно работают с корпорациями «Боинг», «Аэрбас» и т.д. Но в целом монополия за индийцами.

Конечно, в структуре человеческого капитала ключевую роль играет образование. Был такой американский профессор Дэннисон, который в 60-е годы написал фундаментальный труд «Влияние разных факторов на экономический рост». Тогда первую строку факторов занимал труд. Вторую — физический капитал, то есть оборудование, машины и т.д. На третьем месте стояло образование. Причём труд занимал 40%, физический капитал 30, третьим было образование. Сейчас оно, несомненно, на первом месте, и это уже навсегда. И поэтому инвестиции в образование и науку будут расти.

Теперь представим себе картину (при определённых условиях вполне реальную): китайские и индийские специалисты по призыву Родины вернуться к себе домой, чтобы поднять мощь своих стран. Что будет делать Америка — страна юристов, финансистов и менеджеров (а также «красношешеек», афроамериканцев, латинос и пр.)?

Сегодня разрыв производительности труда в Китае и США — 15 раз. А вот если Китай станет инновационной державой, начнёт сокращать разрыв, выйдет на внешние рынки с оригинальными инновациями — это может серьезно ослабить преимущества США. Повысится роль юаня. Если это произойдёт, будет очень заметно перераспределение геополитических сил.

Американский фашизм

В одной статье в Интернете говорится, что после Великой Депрессии в США государственное регулирование экономики стало совершенно необходимым, а «невидимая рука рынка» — утопией. На каком-то уровне государственного регулирования возникает государство как единый социальный институт или корпоративное государство. Если опустить детали, то общий вывод статьи таков:

В современном мире существуют два вида укладов собственности в экономике государств: частная и общественная. В зависимости от вида собственности показатели эффективности её деятельности разные. Частная форма даёт максимальный экономический результат при минимальных затратах ресурсов. Общественная форма собственности максимально обеспечивает суверенитет государства.

Мировой кризис — это долгосрочный вызов, положивший предел доступных ресурсов. И мир встал перед выбором: корпоративное государство + частная собственность = фашизм. Корпоративное государство + общественная собственность = какая-то форма социализма.

Сейчас можно нередко прочесть, что во всех развитых странах утвердилась та или иная разновидность социализма. В большинстве случаев так оно и есть, но в США... социализмом можно было считать строй, установленный Рузвельтом, не зря противники называли его социалистом, коммунистом и фашистом. Если там и есть социализм (элементы которого внедряет Обама), то он очень похож на олигархический капитализм. Ну, а к фашизму США уже почти пришли, о чём всё чаще говорят американские мыслители и публицисты. О том, **являются ли США полицейским государством фашистского типа**, говорят повсеместно в Америке.

После терактов 11 сентября 2001 г. разведывательная индустрия в США выросла настолько, что стала «государством в государстве», выйдя даже из-под контроля властей. Отделы Департамента госбезопасности и Департамента юстиции появились в каждом городе страны. Они собирают и обраба-

тывают информацию, поступающую из государственных учреждений, полицейских участков и частных источников. Якобы для борьбы с терроризмом.

На помощь разведке идут и предприниматели, и церкви, и специалисты по информационным технологиям. Психологическая анкета в 1000 вопросов при приёме на работу нацелена на составление личного портрета человека. Информационная компания Гугл проанализировала всю человеческую Интернет-деятельность. Аналогичную работу проводит и Твиттер. Пасторы и представители других религиозных конфессий обрабатывались агентами тайной полиции с тем, чтобы они учили своих верующих «повиновению правительству» в условиях военного положения, в вопросах собственности и изъятия огнестрельного оружия, при проведении программ массовой вакцинации и силового переселения.

Американцам, воспитанным на гарантиях «прав человека», трудно привыкнуть к необходимости проходить сканирование тела перед полётом на самолёте или поездкой на поезде, а теперь даже кое-где на автобусной станции. Привыкают они и к спискам «наблюдения» и «запрета на полёты». Попавшие в них граждане лишаются возможности передвигаться по воздуху. Те же, кого обыскивают или снимают с рейса, могут жаловаться, но результат будет нулевым. Конгресс США утвердил положения так называемого «Закона о патриотизме», который позволяет правительству использовать «бродячие жучки» для прослушивания разговоров по мобильному телефону окружающих, а также изымать любые документы без предъявления каких-либо доказательств причастности своей «жертвы» к террористической или другой преступной деятельности.

Сегодня власти отслеживают практически любые действия простых американцев, даже отдалённо не похожие на терроризм или угрозу демократии. За американцами следят каждый день, и большинство из них понятия не имеют об этом. Департамент национальной безопасности заявляет, что платёж за номер в гостинице наличными (а не карточкой, как это принято у американцев) — признак потенциального террориста. В штате Теннесси под предлогом «проверки готовности граждан к природным катастрофам» намечен тотальный инспекционный обход государственными чиновниками домов мирных жителей. Электрошокеры теперь используются полицией не только на закоренелых уголовниках, но и на законопослушных школьницах. Агенты транспортной службы безопасности бесцеремонно досматривают местных старушек. А в Вашингтоне перемещение каждого автомоби-

ля отслеживается с помощью системы автоматического чтения номерного знака. ФБР записывает и анализирует все программы разговоровных интернет-радио.

Уже и Конгресс США вынужден рассматривать на закрытых заседаниях коллапсы, угрожающие экономике и федеральной финансовой системе США, а также предварительные меры против «граждан, склонных к сопротивлению системе». Предусматривается заключение «склонных к бунту» в лагерях, уже построенных правительством США. Этих «спецучреждений» насчитывается в стране более 800.

Чем дальше американская империя расползается по миру, тем больше напоминает полицейское государство у себя дома. Те методы подавления и то насилие, с которыми армия США прежде входила в чужие дома, теперь приходится «вкусить» и американцам.

В условиях углубляющегося экономического кризиса углубляется и ширится пропасть между простыми американцами и неприлично богатыми, которые контролируют правительство. Это превращается в угрозу политической стабильности, которую нынешняя политическая система не может обеспечить. Корпоративное правительство демонстрирует свою готовность защищать де факто правящую элиту богачей от справедливого негодования рабочих, разрушая при этом государство изнутри.

Ныне в США всё чаще говорят и о **растворении США как суверенного государства в корпоративно-фашистском Новом Мировом Порядке**. Журнал «The Nation» обвиняет Америку в использовании «секретных армий, тайных операций, пыточных центров, неконтролируемых военных корпораций, непомерных военных расходов, дистанционных войн, заказных убийств — всего того, что характерно для так называемого «имперского президентства».

По мнению публициста Максима Кантора, ошибочно мнение, будто *«в современном мире финансового капитализма и символического обмена нет более люмпенизированного класса, который может стать двигателем нового фашизма — так мы утешаем себя. Однако класс люмпенов есть, и этот класс определяет течение современной истории — куда как более властно, чем люмпен 30-х годов. Новый люмпен-класс, готовый жертвовать миром, — это люмпенизированная элита.*

Первый результат политики глобализации — это образование элиты, не принадлежащей никакой определенной стране, не зависящей даже от режима власти, вставшей над историей, над культурой и над традицией. Если люмпен-пролетариат представлял опасность, идущую снизу, из низовых страт об-

щества, то обособленная от общества люмпен-элита представляет опасность вдвое большую. Особенностью люмпен-элиты является то, что она создала свою параллельную историю и свой мета-язык, столь же невнятный обществу, как и крики толпы невнятны элите... То есть, это всё — разновидность фашизма, сейчас — звёздно-полосатая разновидность».

Увы, фашизм (не путать его с нацизмом!) не есть самое страшное зло, которое может угрожать человечеству. В известной книге «Комитет 300» рассказывается о тайной элитной группе наследников иллюминатов, члены которой называют себя «олимпийцами». Они твердо верят в то, что по божественному праву призваны:

Установить правление Единого Мирового Правительства — Новый Мировой Порядок с объединённой церковью и денежной системой под их управлением.

Путём ограниченных войн в развитых странах, а в странах третьего мира — посредством голода и болезней, уничтожить 3 миллиарда человек — тех, которых они называют «бесполезными едоками».

Ослабить моральный дух нации и деморализовать рабочий класс созданием массовой безработицы, чтобы деморализованные рабочие пристрастились к алкоголю и наркотикам.

Создать всеобщий кризиса в мировой экономике и всевозможный политический хаос. Взять под контроль всю внешнюю и внутреннюю политику США. Оказывать поддержку наднациональным организациям (ООН, МВФ, Банк международных расчетов, Мировой суд и постепенно лишит местные учреждения влияния, сводя на нет их роль или передав их под эгиду ООН. Внедрить подрывных агентов во все правительства и вести деятельность, направленную на разрушение суверенной целостности стран, изнутри этих правительств. Организовать всемирный террористический аппарат и вести переговоры с террористами везде, где имеет место террористическая деятельность.

Приведу в заключение сокращённое изложение статьи Джона Хёфле (соратника Линдона Ларуша) «Интер-Альфа Групп: Разрушение государств во имя имперского геноцида». В статье речь идёт не о каком-то документе группы неведомо откуда взявшихся лиц, а об очень серьёзной экономической и политической структуре, имеющей глобальные замыслы. Эпиграфом к статье взята цитата из труда Ларуша: «Однажды став силой, Венеция оставалась центром организации денежной власти. Венеция никогда не переставала играть эту роль, она просто передала некоторые функции вновь созданному лондонскому филиалу, чтобы приспособиться к смещению активности из Средиземноморья в Атлантику».

Последним порождением «новых венецианцев» и стала банковская группа Интер-Альфа. Она создавалась не просто для разрушения, а для искоренения самой идеи национального суверенитета. Первой её жертвой должны стать США, а одна из конечных целей — радикальное сокращение населения Земного шара. Интер-Альфа сыграла ключевую роль в разрушении промышленной базы США и превращении американской экономики в огромное и безнадежно обанкротившееся казино. Когда в 2007 г. казино лопнуло, Интер-Альфа Групп и силы, стоящие за ней, приступили к завершению задачи разрушения США, организовав самую большую кражу общественных денег в истории через продолжающиеся по сегодняшний день откровенно преступные меры финансового «спасения». В результате страна не только не способна обеспечить физические потребности людей, но и быстро разрушает собственную валюту в результате гиперинфляции. Недоумки или прямые агенты этой банковской группы во власти США, разрушая государство, выбили стулья из-под самих себя и направили мир во тьму.

Хотя Интер-Альфа Групп официально возникла в 1971 г., её деятельность началась на заключительном этапе Второй мировой войны. Как только Британская империя убедилась, что Гитлер будет разгромлен, она переключила усилия на то, чтобы восстановить своё былое величие. Для этого нужно было разрушить США, которые при президенте Франклин Рузвельте были готовы полностью демонтировать империю и освободить колонии. США были слишком сильны для того, чтобы Британия могла вступить с ними в прямую конфронтацию, поэтому было решено подтолкнуть их к экономическому и культурному самоубийству. Речь идет о финансовой стороне ловушки, но финансовые капканы были частью скоординированной атаки на политические, культурные, экономические и психологические основы США, для чего был использован весь арсенал уловок, накопленных за столетия покорения народов и стран.

После того, как президент Никсон отвязал доллар от золотого стандарта и отказался от Бреттонвудской системы, Интер-Альфа Групп была создана как механизм использования уязвимости, появившейся из-за «освобождения» валют. Группа была создана из шести сравнительно небольших европейских банков, представлявших собой семейные капиталы венецианской системы. Это был банковский союз, каждый из его банков действовал по отдельности, но все вместе они шли к единой цели Группы — к восстановлению имперской формы правления. Руководил операцией Джейкоб Ротшильд.

Банковская сеть Ротшильдов с момента её возникновения была венецианской операцией. Ротшильды также близки британской королевской семье и представляют значительную силу в самой империи. Джейкоб Ротшильд, например, управляет финансами принца Чарльза.

Несмотря на огромные богатства в распоряжении этих банков, их средств было недостаточно для преобразования мира так, как они хотели. Это был начальный капитал, а власть оформлялась в результате контроля над деньгами других людей в результате создания рынков и институтов, необходимых для установления мирового контроля. Нефтедоллары вместе с доходами от торговли наркотиками стали «чужими деньгами», с помощью которых финансировались и захват США мировой компанией, и глобализация.

На встрече Бильдербергеров в 1968 г. в Монт Тремблан в Канаде империя начала новую фазу войны с национальными суверенитетами, приступив к созданию системы корпоративных картелей, которые должны были подменить национальные государства как политическую организацию планеты. Новая схема картелей, названных «мировой компанией», должна была заменить «архаичную политическую структуру национальных государств» корпорациями, которые намного «эффективнее используют ресурсы». А интеграция Европы должна была стать примером «налагающихся суверенитетов правительств Европы и дома Ротшильдов». (Но государство, «делящее» суверенитет с банковским домом, не суверенно и не государство, а колония.) Концепцию мировой компании стали выдавать за естественное проявление человеческого прогресса, в действительности же это возврат к олигархии британской Ост-Индской компании и её предшественников в сочетании с современными компьютерными технологиями и функционированием в рамках рынка. В корпоративном государстве власть правительства узурпируют частные финансовые и корпоративные интересы, использующие правительства, чтобы держать народ в узде, в то время как они безжалостно грабят и правительства, и народы.

Гитлер разрушил любовно созданную иллюзию привлекательного фашизма. Банкирам пришлось отступить. Но стремление навязать фашизм никуда не делось, так что для него придумали новую обёртку. Для «нового и усовершенствованного» корпоративного фашизма придумали название «глобализация». **Интер-Альфа Груп создавалась как инструмент фашизма нового типа**, и сама она является гнездом фашистов, сумевших избежать суда Нюрнбергского трибунала.

Римский клуб разработал «интеллектуальный фундамент» всемирной программы геноцида, активно пропагандируя лживую теорию «пределов роста».

По мере роста рынка, торгаши (трейдеры) набрали силу в инвестиционных банках Уолл-стрит и начали вытеснять классических банкиров, ранее там заправлявших. Уолл-стрит превратился в мир пауков, для которых деньги значат больше всего. В прежние времена инвестиционные банкиры дорожили своими связями и избегали откровенно наглого воровства. Но во времена трейдерства эти традиции исчезли, воровство сместилось от непосредственных контактов с клиентами на анонимные и обезличенные рынки. Уолл-стрит постепенно превратился в гигантское казино, где играли все. Начали приглашать математических и компьютерных светил для разработки новых спекулятивных стратегий, рынок превратился в гигантскую компьютерную игру, причинившую огромный ущерб до того, как всё лопнуло. К концу 1970-х годов американская промышленность уже была в нокдауне. Резкие повышения процентных ставок ФРС закрыли путь к расширению производства для производственных компаний. Открылась дорога проходимцам от нефте- и наркоторговли, начавшим скупать Америку за бесценок. В 1980-х это наступление усилилось. Под давлением банкиров Конгресс принимал закон за законом, разрушавшие систему регулятивной защиты, созданной президентом Рузвельтом. Ссудно-сберегательные учреждения стали беззащитными перед грабежом, открылась дорога разбогатевшим спекулянтам, и за несколько лет была разрушена самая устойчивая часть американской банковской системы. Крах фондовой биржи в 1987 г. стал поворотной точкой. Новый председатель ФРС Алан Гринспен начала надувать величайший пузырь в истории — рынок деривативов. К концу десятилетия только деривативы, махинации с отчетностью и сознательная слепота регулирующих органов удерживали банковскую систему США от банкротства. В 1986 г. империя решила вернуться в Лондон и превратить его в новый мировой центр махинаций с деривативами. Лондон в ещё большей степени стал финансовым центром Европы и центром глобализации.

По мере расширения глобализации империи, средние банки Интер-Альфа Груп стали глобальными игроками, а некоторые стали гигантами. Они протянули свои щупальца по всему миру: в Восточную Европу, Россию и Азию, а также на Американский континент. Из местных банков в конкретных странах они превратились в сеть мировых банков, подотчётных не своим государствам, а имперской монетаристской системе.

Реальная власть Интер-Альфа Груп не в банках как таковых, а в изменениях, которые Интер-Альфа Груп навязала мировой экономике. Она превратила мировую финансовую систему в гигантское казино, которое прямо или косвенно контролирует до 70% всех мировых банковских активов. Эта сеть банков высасывает капитал из регионов и направляет его на мировые рынки, где его можно использовать для спекуляций, манипуляций и подчинения народов планеты. Такие банки не кормят своих клиентов, они их грабят.

Интер-Альфа Груп и породившая ее империя создали величайший финансовый пузырь в истории. Создан огромный долг, этот долг потом использован как актив для раздувания пузыря деривативов на квадрильоны долларов. Эта огромная масса фиктивной стоимости привела к раздуванию финансовых рынков, которые сегодня владеют в мировой экономике. Игра казалась такой прибыльной, что деньги со всего мира всасывались пылесосом в машину деривативов, а на поддержание реальной экономики оставались крохи. Остатки экономики засыхали с предсказуемо ужасными последствиями для народов. И всё это время рост казино выдавался как подтверждение роста экономики. Но это не так: росла опухоль, пациент умирал.

Игра закончилась в 2007 г. Игроки подавились собственным успехом. Грабёж набрал такой размах, что чахлая экономика уже не могла его поддерживать. Несмотря на протесты, игра с деривативами не только продолжалась, но и ускорилась. А потом всё рухнуло, и миру открылась новая реальность.

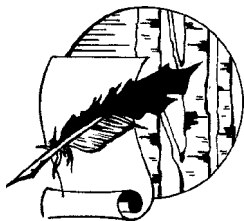
Наступила вторая фаза операции. Уолл-стрит и Вашингтон были в шоке, империя улыбалась и готовилась захлопнуть ловушку, на которую она потратила столько усилий. Экономика США лежала в руинах, но оставался потенциал для ответа в духе Рузвельта. Американский народ мог встать на свою защиту и защиту страны. Поэтому империя довершила свою работу при помощи «планов спасения».

Ведь существование империи зависит от сохранения существующей монетарной системы, а не от сохранения конкретных банков и других учреждений. Империя не собиралась спасти пузырь. У неё другая цель — сократить население Земли на две трети, уничтожить национальные государства и вернуть мир под власть империи. Поэтому вместо спасения эта помощь была последним гвоздём в гроб Соединённых Штатов, так как осуществление планов «спасения» уничтожило доллар.

Оцените разницу в управлении финансовым пузырем в десятки квадрильонов долларов и финансовой системой, необходимой для управления миром, в котором живёт два миллиарда человек — о таком населении Земли мечтают эти убийцы. С точки зрения империи, при таком населении сегодняшние финансовые возможности избыточны, слишком много банков, банкиров и тому подобного, так что всё это стадо нужно рассортировать и укрупнить.

В чем была истинная цель мер финансового «спасения»? В том, чтобы обанкротить США, чтобы они не могли сопротивляться планам империи по установлению фашистской мировой финансовой диктатуры, осуществляемой с помощью имперской монетаристской системы через банки и корпоративные картели. Это кульминация проекта Интер-Альфа.

Продолжение следует

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Владимир ХОМЯКОВ

БРАТЬЯ

Александр Боброву

Мы — братья младшие героев,
мы после встали на крыло.
Нас время берегло от горя
и от сражений отвело...

А в небе бой гремит, неистов,
и старший брат на смерть идёт,
и вышней мезтью —
на фашистов —
летит горящий самолёт!

И нескончаем век мятежный:
в стране — разрыв,
а ветер снежный
доносит беловежский смрад.
И вновь на площади Манежной —
протест.
И первым — старший брат!

И что гадать, кто сделал больше,
кто меньше сделал для страны?..
А жизнь —
как вскрик прощальной боли,
как вздох надорванной струны.

А жизнь то стихнет,
то кружится,
то ввысь уносит свой напев
и тенью мраморной ложится
на поднебесный барельеф.

Земля!..

И, потирая ссадины,
ты в небеса уронишь взгляд.
А там друзья твои —
 десантники,
как будто ангелы
 летят!

г. Сасово, Рязанская область

Василий ДВОРЦОВ

ПОКРОВ

Изорванным лиловым покрывалом
Закат укрыл остывшие луга.
Сегодня в ночь просыпятся снега —
Последки листьев ветром оборвало.

Несут заряды облака устало.
На фоне леса серые стога
И чёрных елей мокрые рога
Двоятся в озере вечерне-алом.

Вдыхаю дыма зябкий аромат,
И слушаю, как тоненько звонят
В монастыре оконченную службу.

Село томится сиростью дворов.
Но завтра все обиды, беды, нужды
Утешит милость снежная — Покров.

г. Москва

Василий ПОПОВ

* * *

Расцвела под окнами сирень,
Полетел на двор медовый запах.
Как медведи — избы деревень
Память сжали в деревянных лапах.

Обнялись забор и огород
И пошли по полю до обрыва.
Сколько было пройдено дорог —
Всё трава зелёная укрыла.

Спи, деревня, спи, не умирай.
День придет, и я приду — открою
И амбар твой низкий, и сарай,
И глаза, забитые доскою.

И увидишь ты, как мир хорош,
И услышишь ты звучанье мира,
Но, очнувшись вдруг, ты не поймешь:
Что же это, что же это было?

* * *

Когда-то я — еще не зная,
Что буду сочинять стихи —
На крыше нашего сарая
Сушил на солнце лопухи.

И думал, что листочки эти
Я закурю, как курит дед.
И накрутил я из газеты,
Как мне казалось, сигарет...

Прошли года, прошло и детство,
Теперь я в комнате один.
Я не курю, но хочет сердце
Почуять этот горький дым.

Стихов не надо, нет, не надо,
От них кружится голова.
Но всё равно летят куда-то,
Как дым, летят мои слова.

...И вот он, мальчик соловьиный,
На сеновале спички жжёт,
И с длинным прутиком малины
Из-за угла отец идёт.

* * *

По коре сосны шершавой
Муравей ползёт на небо.
У сторожки обветшалой
На крылечке крошки хлеба.

Далеко ушёл хозяин.
Перевёрнуто корыто.
А когда придёт — не знаем.
Постучались — дверь открыта.

На столе холодный чайник,
У печи дрова сухие.
И, наверно, неслучайно,
Что леса у нас глухие.

Вот и свет уже в окошке.
Мы на лавках, как на конях.
И горячие картошки
Заскакали на ладонях.

Наливаем для согрева,
Завтра снова в путь далече.
Не забудьте белкам хлеба
Приготовить на крылечке.

г. Москва

Ярослав КАУРОВ

* * *

Теплая земля — какое чудо,
Где угодно можно лечь в траву.
Я такого счастья не забуду
И не разлюблю, пока живу.

Здесь букашки милы и наивны,
Это не озлобленный Восток.
Каждая былинка смехом дивным
Выражает солнышку восторг.

По витым кореньям под ногами,
Как смола блистая на жаре,
Черная, подвижная, как пламя,
Ящерица льется по коре.

* * *

Как чудес пророческих явление
Отмечаю в сложной череде

Появление и исчезновение
Ярких звездных бликов на воде.
Будто бы от рая простирается,
Будто я, как прежде, молодой.
Хорошо поется и мечтается
Рядом с этой темною водой.
Так близка, доступна и таинственна,
Величава, кротка, глубока,
Словно путь на небеса единственный,
Шепчет песню, окая, Ока.

г. Нижний Новгород

Игорь ФЕДОРОВ

* * *

Черная копоть на белом снегу.
Зло и добро разграничены четко.
Я и представить себе не могу:
Как это — спутать вдруг Бога и черта?
Знаю, что рано ли поздно сама
Мудрая жизнь разобратся поможет.
Выбор один у нас:
Свет или Тьма.
Есть светотень.
Светотьмы быть не может.

г. Струнино

Олег ИГНАТЬЕВ

* * *

Нахрапом и напропалую
Из преисподней в рай земной
К Руси прибило силу злую,
Повапленную новизной.

Не новое искать бы надо,
А вечное, да где уж там!
И власть вселенского распада
Хитро подмигивает нам.

Из каждого полуподвала,
Из всех прорех, венчая грех,
Поперла ересь карнавала
И демонических утех.

Она метет дорогу юбкой,
Довольная сама собой,
И все несется в пляске жуткой
Подобно пыли столбовой.

г. Москва

Игорь ЛУКЬЯНОВ

* * *

Кто предает
Из-за «тельца» Россию,
То — не иуды.
А страшней иуд.
Иуда
удавился
на осине.
Они
к своим осинам
не идут.

ЗМЕЯ

На шорохи в траве сухой
Я оглянулся.
Столкнулся взглядом со змеей —
Не отшатнулся.
Пригрета солнечностью дня,
Под плеск разлива
Она глядела на меня
Миролюбиво.
В глазах ни злости ледяной
И ни коварства.
А сила мудрости земной
И блеск лукавства.

г. Воронеж

Валерий ХЛЫСТОВ

СУДЬБЫ ВЕРЕТЕНО

Метелица-строптивница
Бьёт об окно крылом,
А мне в метели видится
Родимое село:
Сугробы вровень с крышею,
Тропинка вдоль плетня,
А у избы — мальчишка,
Похожий на меня.

Приду домой я с холоду,
Стряхну в избе метель,
Где тянет мать за бороду
К веретену кудель.
Где Спас глядит с божницы
И от печи тепло,
И в пёрышках Жар-птицы
Оконное стекло.
Мороз как в сказке пишет
Узоры на стекле,
И кружится над крышей
Метель на помеле.

Залезу я на печку
Под самый потолок.
Там сминою овечкой
Тулуп лежит у ног.
В клубок свернувшись рядышком,
Мурлычет сладко кот,
А веретёнце матушки
Судьбу мою прядёт...
Утихла та метелица
Давнёхонько-давно,
И только, только вертится
Судьбы веретено.

МАЛЬЧИШЕСКАЯ ЧЕСТЬ

Сдачи дать, иначе будет поздно,
Мы сцепились, словно петухи.
Дышит мне в лицо соперник грозно
И суёт тугие кулаки.

Он сильней меня по всем приметам.
У него побед не перечесть.
Только я плевал на всё на это:
На кону мальчишеская честь.
Нос в крови, но я иду в атаку.
Разве это можно позабыть?
Честная мальчишеская драка.
Главное — лежачего не бить.

Памяти бесценное наследство.
Свет в душе из полузабытья.
Где вы, где вы, идеалы детства,
Честные и верные друзья?
Мне порою доставалось слишком.
Били прямо в сердце наповал.
Но всю жизнь упрямый тот мальчишка
Не сдавался и не предавал.
Я, признаюсь, вовсе не вояка,
Растерял мальчишескую прыть,
Но за честь всегда вступаю в драку.
Главное — лежачего не бить.

г. Рязань

Сергей БУДАРИН

* * *

Молнии грозно сверкали.
Вились узором в ночи.
Бездну, звеня, рассекали
Горнего света мечи.

Сила небес проливалась
На золотые поля.
Как на дрожжах, волновалась
И разбухала земля.

...Утро засветит лампаду
В горнице русских полей.
Буду гулять до упаду
В куше родных тополей!

Прямо к ногам головою,
Словно поверженный враг,
Тенью падёт вековою
Ночи разрубленный мрак.

г. Новокуйбышевск

Ольга АРТЁМОВА

* * *

Старый сад — подарок деда Гриши.
Дед погиб на фронте в тридцать лет.
Но стучит по деревянной крыше
Яблоком тугим его привет.

Нас растили строго и ревниво
Старых книжек стройные ряды,
Гул комбайнов на колхозной ниве,
Школьные заполненные дни.

Снежные, искрящиеся зимы,
Церковь — до креста не долететь! —
Льющийся над детским нашим миром
Из её разбитых окон свет.

* * *

Идёт кино восьмидесятых:
Хохмят нестрашные менты,
Смеются милые девчата
У газированной воды.

Рассказ без жутких денег создан,
Без VIPов, без медийных лиц.
Лицо закидывает к звёздам
Простой, как эта жизнь, артист.

И, кажется, в толпе весёлой
Увижу я сейчас тебя,
У новой заводской столовой
В объятьях тёплых сентября.

Мне так уютно в старом кадре.
Я снова жду земных чудес...
Но перечёркивает завтра
Словцо спокойное: «Конец».

* * *

И лишь Господь нас примет всех:
Ненужных, жалких, осуждённых,
Богатством, славой обречённых,
Приживших боль и тяжкий грех.

Нас, среди которых нет святых
И даже добрых слишком мало,
Он встретит, может, чуть устало,
И всё-таки не как чужих.

* * *

«Забудь меня», — сказала я ему.
А Бога попросила: «Пусть он помнит
Мерцанье рук, ломающее тьму,
И добрый мир согретых нами комнат.

А впрочем, пусть забудет. Ни к чему.
И не к чему.. И некому.. Не надо.
Не так уж больно. Плачу почему?
От музыки надрывной листопада».

Курская обл.

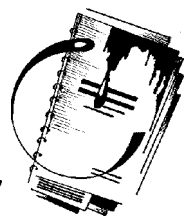
К ВЛАСТИ — ПО ТРУПАМ

Как и все советские люди, мы жили своими заботами и проблемами, выполняли порученную работу и не особенно вникали в происходившее «там, наверху». Перестановки в ЦК и Совмине нас не затрагивали, даже и не интересовали. Был один член Политбюро, вместо него другой — ну и бог с ними. Как говорилось в анекдоте тех времён, «у них своя компания, у нас своя».

Лишь по прошествии многих лет стали возникать проклятые вопросы. Как мог заурядный болтун Горбачёв достичь высшей власти в стране, чтобы её потом предать и отдать врагам на растерзание? Как самая устойчивая в мире экономика, обеспечивавшая всем гражданам СССР незыблемую уверенность в завтрашнем дне, вдруг покатила вниз? Как грамотный, политически подкованный народ вручил свою судьбу проходимцам и мошенникам, состоящим в услужении у тех, кого всегда знал как подлых и жестоких противников? Вот уже третий десяток лет эти вопросы не дают спать миллионам и миллионам.

Ни в коем случае не претендуя на истину в последней инстанции, попробую дать соб-

ДОСЬЕ "МГ"

ственное видение событий последних десятилетий, которые начались как раз с моего перехода в «Литературную газету».

У главных разведок мира, прежде всего британской, существует проверенная методика достижения интересов своего государства. В державе, против которой они работают, выдвигают сотрудничающих с ними деятелей и убирают противоборствующих. Самый известный эпизод — покушение на Ленина в 1918 году. Удайся тогда этот теракт англичан, и во главе России стал бы их (и международного сионизма) агент Троцкий. Следующими их жертвами были Дзержинский, Киров.

В 70—80-х годах политических фигур такого масштаба не просматривалось. Сбылось пророчество Сталина, произнесённое за два месяца до смерти: «Кончилось время гениев, начинается время дураков». Тем проще стало передвигать фигуры на великой шахматной доске.

Главными пешками, которые тонкими ходами неуклонно двигались в ферзи, являлись Андропов, а затем в параллель с ним Горбачёв. Какие могущественные силы рассчитывали и осуществляли эти ходы — у меня нет даже догадок. Велика тайна сия есть.

Крёстным отцом Андропова был его наставник ещё со времён работы в Карелии Куусинен. Отто Вильгельмович очень интересная фигура. В молодости он вращался на политическом Олимпе Финляндии, водил дружбу с богатыми и влиятельными масонами. 9 лет был депутатом сейма, 6 лет возглавлял социал-демократическую партию. Потом — «на подпольной работе» (согласно справочникам). С 1921 по 1943 г. — один из руководителей Коминтерна. С 1941 года до самой кончины (1964 г.) член ЦК ВКП(б), а при Хрущёве — секретарь Центрального Комитета КПСС. В 1939-м был один неординарный эпизод, связанный с советско-финской войной. Куусинен возглавил тогда созданное на случай нашей победы, в которой никто в СССР не сомневался, правительство народной Финляндии. Как же его поносили на Западе! Везде, кроме Великобритании. А крупный английский политик Криппс, тот публично заступился...

В ЦК КПСС Куусинен ведал международными вопросами. В том же 1957 году, когда Хрущёв выдвинул его секретарём ЦК, Андропов с должности посла в Венгрии сразу стал заведующим подведомственным Куусинену отделом по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран, а через пять лет — секретарём ЦК. Отто Вильгельмович подготовил себе надёжную смену. Британия высоко оценила его заслуги перед спецслужбами. Как пишут в таких случаях, по

некоторым данным, секретным указом королевы он награждён высшим британским орденом, получил рыцарское звание, а коллегами назван самым успешным агентом в их тёмной истории. Последняя жена Куусинена откровенно написала в своих мемуарах: «Его ведь, в сущности, мало интересовал Советский Союз. Строя свои тайные планы, он не думал о благе России».

Чем руководствовался Брежнев, назначая Андропова председателем КГБ, мы никогда не узнаем. Может быть, рекомендацией послужила его крайне жёсткая позиция при подавлении контрреволюционных выступлений в Венгрии? Но что произошло, то произошло, и с 1967 по 1982 год крестник Куусинена находился на этом посту, а с 1973 года входил в состав Политбюро ЦК КПСС. Юрий Владимирович сумел приобрести сильное влияние на Брежнева, однако у большинства членов Политбюро, начиная с А.Н. Косыгина, симпатий, мягко говоря, не вызывал. Особенно чётко пропалсал это в своих мемуарах В.В. Гришин («От Хрущёва до Горбачёва»). Его опорой были Громыко и Устинов. Для истории: эти трое уговорили Брежнева ввести советские войска в Афганистан.

Люди, дошедшие до вершины политической власти, коей являлось Политбюро, прошли такой естественный отбор, что долгожительство им было вроде бы обеспечено. Об их здоровье неустанно заботилась кремлёвская медицина. А вот поди ж ты...

Публицист Валерий Легостаев, работавший ещё при Андропове и после него помощником Лигачёва, составил говорящий сам за себя список череды смертей членов Политбюро, открывших сначала Андропову, а затем Горбачёву дорогу в генсеки.

В 1976 году «уснули и не проснулись» лично преданный Брежневу министр обороны Гречко и весьма перспективный Кулаков. Через год освободившееся место секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству по настойчивой рекомендации вышеупомянутой группы товарищей и примкнувшего к ним Сулова занял Горбачёв. Александр Ильич Агранович прокомментировал это назначение словами: «Мы недавно сделали анализ эффективности вложений в сельское хозяйство; в Ставропольском крае она самая низкая».

В 1980-м в странной автомобильной катастрофе на сельской дороге погиб П.М. Машеров, которого рассматривали как одного из возможных преемников Брежнева, и умер после не менее странного происшествия во время прогулки на байдарке А.Н. Косыгин.

Рассказывая о рекордном по числу смертей среди руководства страны 1982 году, одним перечислением не обойдётся

ся. Тут тот самый случай, когда чёрт в деталях. 19 января вроде бы застрелился первый заместитель Андропова Цвигун, особо доверенный Брежнева, женатый на сестре Виктории Петровны. Причём при странных обстоятельствах: на кратком отрезке садовой дорожки от машины к даче, из которой охрана не выпустила к месту происшествия его жену. Кроме шофёра из гаража КГБ, никто не видел момента «самоубийства», а тело Цвигуна семье предъявили только на похоронах. Я спрашивал об этом тёмном деле его сына: он убеждён, что отца убили. Чазов писал: «Я хорошо знал Цвигуна и никогда не мог подумать, что этот сильный, волевой человек, прошедший большую жизненную школу, покончит самоубийством». В итоге Брежнев лишился очень важной подстраховки.

В июне 1982 года было произведено покушение на В.В. Гришина, о котором нигде никогда не было упомянуто. Когда его машина приближалась к Можайскому шоссе, наперерез выехал автобус «Львов». У сидевшего на переднем сиденье офицера охраны снесло пол-лица. К счастью, взрыва бензобака, коими обычно сопровождаются столкновения такой силы, не произошло, Виктор Васильевич серьёзно не пострадал, хотя был доставлен в Кунцевскую больницу. При разборе ДТП выяснилось, что автобус из гаража КГБ...

Андропов был давно тяжело болен. Он понимал, что для прихода к руководству партией и страной времени у него совсем немного. Но из КГБ в генсеки не попасть ни при каком раскладе. Для этого нужно хотя бы недолго поработать в аппарате ЦК. Соответствующая его плану должность имелась только одна — второго секретаря, но её занимал М.А. Сулов, отличавшийся аскетическим образом жизни и отменным здоровьем. Как пишет Легостаев, операция по его устранению разрабатывалась при непосредственном участии начальника всей кремлёвской медицины Чазова, давно являвшегося личным агентом Андропова. Сам Чазов в книге «Здоровье и власть» писал, что их встречи происходили на конспиративных квартирах КГБ.

Членам Политбюро, достигшим 70 лет, полагался зимой дополнительный двухнедельный отпуск. Михаил Андреевич провёл его в «люксе» Центральной клинической больницы («кремлёвки»). Револий Михайлович, сын, рассказал мне, что там произошло в последний день перед выпиской. Сулова пришла навестить дочь. Он ей сказал, что чувствует себя хорошо и завтра прямо из больницы поедет на работу. В это время лечащий врач принёс какую-то таблетку. Михаил Андреевич, человек сталинской школы, никаких таблеток в

больнице никогда не принимал. Однако врач так настаивал, упирая на намерение ехать на работу, что пришлось согласиться. Почти сразу же после приёма лекарства Суслов сильно покраснел и сказал дочери: «Иди домой, что-то мне худо». Через несколько часов он умер. Это случилось через день после смерти Цвигуна. А ещё через месяц врача, давшего роковую таблетку, нашли в петле в собственной квартире.

Деталь многозначительная. Начальник охраны Сталина Хрусталёв, пославший от его имени всех офицеров спать в роковую ночь 1 марта и полсуток не вызывавший медиков, тоже умер через месяц после смерти охраняемого. Фанни Каплан, которой одной приписали покушение на Ленина в 1918 году, не прожила и двух суток: после формального допроса её застрелили и сожгли в керосиновой бочке на территории Кремля. Закон террористов: свидетелей не оставлять.

Через четыре месяца после смерти Суслова на ближайшем Пленуме ЦК КПСС вторым секретарём избрали Андропова. Случай в нашей послевоенной истории уникальный. Не только в главном ЦК, но и во всех республиканских, кроме Армении, пост второго секретаря всегда занимали русские. Для еврея Андропова сделали, однако, исключение.

На место Андропова Брежнев назначил председателя КГБ Украины Федорчука, известного своей жёсткостью по отношению к обслуживаемому контингенту. Он был в нём абсолютно уверен.

Что бы ни говорили о позднем Брежневе, но он как уже очень опытный политик вполне контролировал ситуацию и серьёзно готовился к передаче власти. Первый секретарь Приморского крайкома Д.Н. Гагаров рассказывал о разговоре на эту тему во время его пребывания в крае. Перебирая возможные кандидатуры, Брежнев назвал и Андропова, но тут же отверг: «Не годится, сжёг себя на работе в КГБ». В конце концов Леонид Ильич определился. По словам И.В. Капитонова, ведавшего в ЦК партийными кадрами, за месяц до уже назначенного пленума ЦК генсек позвал его к себе и сказал: «Через месяц в этом кресле будет сидеть Щербицкий. Все назначения делай с учётом этого». Для себя Брежнев наметил создать должность председателя партии. Знал ли он о том, что, по утверждению Роя Медведева, вокруг него существовала скрытая оппозиция в лице Андропова, Устинова и Горбачёва? Фамилии названы несколько неожиданные, но тут уж Медведеву виднее.

Какой же опрометчивый шаг сделал тогда Леонид Ильич! Брежнев, конечно, был в курсе того, что КГБ денно и ночью прослушивает всех членов Политбюро. Наверняка обо всех

заслуживающих внимания разговорах и даже репликах ему Андропов докладывал. Микрофоны были везде, даже в спальнях. Но что так же точно прослушивают и его самого, генсек не предполагал. Как и того, что пленум состоится гораздо раньше определённого им срока и совсем не с той повесткой, которую утвердило Политбюро.

Брежнев давно мучила бессонница. За многие годы он настолько привык пользоваться снотворными, что уже не мог без них обходиться. Всему его окружению было категорически запрещено потакать этой слабости Леонида Ильича. В крайних случаях он обращался к Юре (так и в глаза и за глаза звал Андропова). Андропов был последним, с кем встречался Брежнев перед смертью. Как Берия со Сталиным. Что сделали эти два приближённых со своими патронами, мы тоже никогда не узнаем. Известны только результаты: Сталин получил тяжёлый инсульт, Брежнев, как повелось с 1976 года, уснул и не проснулся. Фармакология, как видим, на месте не стоит. Накануне смерти и тот, и другой чувствовали себя нормально, Брежнев даже съездил в Завидово на охоту, спокойно отстоял на мавзолее весь парад и демонстрацию 7 Ноября.

Я подробно расспрашивал начальника охраны генсека Владимира Медведева, вчитывался в строки чазовской книги. всплыла только одна несообразность. В ночь без пробуждения на брежневской даче не было ни одного медицинского работника, хотя до того, куда бы он ни ехал, в кортеже следовала машина реанимации с полным штатом положенного для крайних случаев персонала. Медведев и в книге «Человек за спиной» и устно рассказал, как он вместе с дежурным сотрудником охраны безуспешно пытался делать Брежневу искусственное дыхание. Больше помочь было некому. Через некоторое время явился Чазов, засвидетельствовал смерть. Почему он не вызвал реанимационную бригаду, когда получил первое сообщение о случившемся? Всё знал заранее?

Смерти Брежнева сопутствовало ещё одно обстоятельство, о котором нигде ни слова. Его вдова Виктория Петровна рассказала вдове В.В. Гришина Ирине Михайловне, что первым тогда на дачу, буквально через 10—15 минут после первого звонка Медведева приехал Андропов. Молча прошёл в спальню, взял из сейфа брежневский кейс и так же молча, не зайдя даже к Виктории Петровне, уехал. А потом прибыл вместе со всеми членами Политбюро, будто здесь до того и не был. Это подтвердил мне и её зять Ю.М. Чурбанов. Не профилактикой ли утечки информации такого рода объясняется его арест и восьмилетнее заключение по нелепому обвинению? Члены семьи Брежнева не раз пытались дознаться у него, что хра-

нится в таинственном кейсе. Леонид Ильич отшучивался: «Тут у меня компромат на членов политбюро».

Как положено, после похорон состоялся пленум ЦК КПСС для выбора нового генерального секретаря. Андропова избрали единогласно.

Давайте зададимся вопросом: зачем смертельно больной Андропов так рвался к власти? Даже если и суждены ему были благие порывы, то свершить-то ничего не дано. Какие уж свершения, коли половину генсековского срока пришлось провести в больнице, прикованным к аппаратуре искусственного диализа? Кроме облав в кино и ресторанах на злостных прогульщиков, период правления Юрия Владимировича ничем в памяти народа не запечатлелся. Немного для деятеля такого масштаба. Наверняка не для этой операции уровня командира народной дружины были затрачены усилия великих шахматистов.

Так для чего же?

Расставить на нужные места кадры, которым предстояло завершить смену власти в СССР.

Кадр №1 — **Лигачёв**. Цитирую уже упоминавшиеся выше мемуары В.В. Гришина: «Никто не принёс партии столько вреда, сколько Лигачёв». Его руками Андропов, а затем Горбачёв заменили в составе ЦК и партийном аппарате проверенную надёжную гвардию партийных работников бывшими директорами заводов, строителями, а также учёными, которых, как знают все политики мира, нельзя допускать к власти. В книге «Загадка Горбачёва» Егор Кузьмич приводит оценку Андроповым этой его деятельности, данную за полтора месяца до кончины в кремлёвской больнице: «Вы для нас оказались находкой». Подчеркнём эти слова: «для нас»... Приведу и ещё одну цитату из книги: «Юрий Владимирович планировал обновление социализма, понимая, что социализм нуждается в глубоких и качественных изменениях». Каких именно, нам наглядно потом показал Горбачёв, который первое время то и дело возглашал: «Больше социализма!».

Кадр №2 — **Яковлев**. Андропов вернул его в Москву из канадской посольской ссылки, куда тот был отправлен за антирусские выступления, дав должность директора второго по важности и по антикоммунистическому внутреннему климату международного института Академии наук. Без всякого на то научного багажа. Но с дипломом о прохождении годичной стажировки в Колумбийском университете США. Из института Яковлев со скоростью кометы перескакивал с должности на должность: зав. отделом пропаганды ЦК, секретарь ЦК, член Политбюро — серый кардинал.

Кадр №3 — **Горбачёв**. Именно при Андропове он возвысился с слабейшего по положению секретаря ЦК КПСС до одного из самых влиятельных, который при больном Черненко заправлял всеми кадровыми делами, расставляя всюду своих сторонников. Именно он перетащил из Томска на важнейший в партийном аппарате пост заведующего отделом оргпартрabоты Лигачёва. Интересны детали этой операции. Такой должности прежде не существовало. Всю кадровую работу вёл первый замзав этим отделом Николай Александрович Петровичев, пользовавшийся в партии заслуженным уважением. А его непосредственным руководителем был секретарь ЦК Капитонов, подчинявшийся в свою очередь второму секретарю ЦК Черненко. Решение по Лигачёву Андропов с Горбачёвым провели за один день, когда Черненко находился в отпуске, ни с кем из членов политбюро его не согласовывая. Высший пилотаж!

Одних новый тандем выдвигал, других задвигал. Осторожный Брежнев держал в КГБ при Андропове двух первых замов, своих верных людей — Цвигуна и Цинёва. Безмерно предан ему был и министр внутренних дел Щёлоков. Через месяц после смерти Брежнева Щёлокова уволили. На его место перевели из КГБ Федорчука, выдвиженца Щербицкого. В 1984 году Щёлоков вроде бы застрелился — дома из охотничьего ружья. В 1985 году, уже при Горбачёве Цинёва отправили в «райскую группу», созданную для престарелых высших военачальников. Брежневских кадров в КГБ не осталось.

После смерти Андропова генсеком по предложению Устинова был избран Черненко. Решение об этом, кроме него, обсуждали Громыко, Тихонов и сам Черненко. Фамилия Горбачёва ими даже не упоминалась.

Константин Устинович трезво оценивал свои возможности, очень не хотел этого. Когда приехал домой с пленума ЦК, возложившего на него непосильную ношу, жена спросила:

— Костя, зачем тебе это?

— Так надо.

Коллеги по политбюро уговорили его, дабы не пропустить к власти Горбачёва, которого давно раскусили. Но какого преемника мог подготовить Черненко? Его окружали такие же старцы, как он сам. Человек помоложе и поэнергичней других, ленинградский первый секретарь Романов был с подачи радио «Свобода» полностью дискредитирован в глазах народа. Из уст в уста передавалось, что он устроил свадьбу дочери в царском дворце, где перепившиеся гости разбили антикварный сервиз. Романов тогда потребовал опровержения в печати: ведь свадьба происходила в столовой обкома,

никаких сервизов не было, а сам он на ней даже не присутствовал. Андропов, к которому он обратился, отказал: мол, мало ли чего ещё придумают вражеские голоса, на каждый чох не наздравствуешься.

Гришин, возглавлявший почти миллионную партийную организацию столицы, тоже был оболган. О нём, кристально честном и шепетильном человеке, распускали слухи один нелепее другого: что он бросил семью, женился на Татьяне Дорониной и теперь молодожёнам ежедневно доставляют из елисеевского гастронома всякие бесплатные яства; что он замаскированный еврей и покровительствует всем подпольным дельцам этой национальности. И так далее.

Жестоко расправились с Устиновым. В конце 1984 года в Чехословакии проводились манёвры войск Варшавского Договора с участием министров обороны. По возвращении с манёвров один за другим поумирали с интервалом в несколько дней главы военных ведомств ГДР, Венгрии, Чехословакии и СССР. От чего умер Дмитрий Фёдорович, так никто и не объяснил. Чазов писал, что его смерть «оставила много вопросов в отношении причин и характера заболевания». Есть чему поудивляться! Массовый теракт в отношении высокопоставленных руководителей четырёх государств — и ни расследования, ни наказания террористов...

Черненко умертвили с двух попыток. Летом 1983 года еще при жизни Андропова он был смертельно отравлен на отдыхе в Крыму. Вместо расследования придумали байку о недоброкачественной копчёной ставриде. Но ели-то её все, кто жил на госдаче, а пострадал почему-то один Константин Устинович. Да так, что чудом не отдал богу душу. Его и без того слабое здоровье было капитально подорвано, он долго не мог восстановить работоспособность. Вскоре после избрания генсеком Чазов путём сильнейшего давления отправил Черненко для поправки на высокогорный курорт Кисловодск. Для больного, страдавшего эмфиземой лёгких, это было похуже отравления. Через 10 дней его на носилках погрузили в самолёт и срочно вернули в Москву. Какая уж тут работа...

После второго медицинского покушения Черненко изо всех сил старался взять в руки бразды правления. Его окружение тоже изо всех сил старалось показать, что он действует. По распоряжению первого помощника генсека Боголюбова в Москве организовали инсценировку участия Константина Устиновича в голосовании на выборах в Верховный Совет. Но дни его были уже сочтены. Не дали ему никаких шансов, чтоб решить главную задачу, ради которой взошёл на высший пост.

Черненко умер 10 марта 1985 года. По поразительному совпадению за несколько дней до этого Щербицкого во главе делегации Верховного Совета СССР направили в США. Узнав о смерти генсека, он потребовал от посла немедленного возвращения на родину. На что получил ответ: «Ваше возвращение сейчас нежелательно». На основании каких же указаний решился посол на такую дерзость по отношению к члену политбюро? Мой сосед по дому, командовавший тогда правительственным авиаотрядом, подтвердил: и он получил приказ задержать вылет Щербицкого на три дня. Выходит, всё было спланировано.

В Москве в это время шла напряжённая подковёрная игра, в которой участвовали Примаков, Яковлев и сын Громыко. Главным действующим лицом был Лигачёв. Андрею Андреевичу пообещали пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, если он, в свою очередь, предложит политбюро избрать генсеком Горбачёва. Судьба будущего лучшего немца висела тогда на волоске: никто из членов политбюро, собравшихся для сообщения о смерти Черненко, не назвал его в качестве преемника. Ночью с предложением занять этот пост некоторые из них обратились к Гришину, но он отказался. А Громыко предложенную сделку принял. Наутро, как только политбюро собралось, он, не ожидая официального открытия заседания, встал и сделал то, чего от него ждали Горбачёв, Лигачёв и стоявшие за их спинами могущественные силы мирового масштаба. Проголосовали единогласно. То же произошло и на открывшемся двумя часами позже пленуме ЦК КПСС. Так был подписан смертный приговор Советскому Союзу и партии, которая подняла страну из пепла, сделала великой державой, победила Гитлера, спасла Россию и человечество.

Всё вышесказанное я узнал много лет спустя, а тогда, в апреле 85-го вместе со всеми радовался, что наконец-то на смену немощным старцам пришёл полный сил человек, свободно говорящий с трибуны без бумажки, обещающий всё обновить, улучшить и усовершенствовать. Наступило время больших надежд, больших ожиданий.

Боже, какими мы были наивными!

Подсчитать, сколько трупов образовали лестницу для восхождения Горбачёва на вожделенный пьедестал, предоставляю читателям.

<http://clck.ru/4NnrO>

АФГАНИСТАН ПРИ АМЕРИКАНСКОЙ ОККУПАЦИИ

Давно уже приелось утверждение о «схожести» боевых действий в Афганистане после ввода в эту страну 25 декабря 1979 года советских войск с войной, которую вела во Вьетнаме американская армия. Между тем это утверждение уводит от истины. СССР благодаря вводу своих войск в Афганистан блокировал важные пути мировой наркоторговли и направил потоки наркотиков в обход своей территории. Что же касается вьетнамской войны, то даже в США господствует мнение, согласно которому за войной во Вьетнаме стояли международные наркокартели и ЦРУ, развязавшие эту войну, чтобы устранить угрозу своим интересам в Юго-Восточной Азии.

Кроме того, находившийся за десятки тысяч километров Вьетнам не представлял собой никакой угрозы безопасности США, тогда как дестабилизация Афганистана создавала прямую угрозу южным границам СССР.

Тогдашний (1981—1982 гг.) госсекретарь США Александр Хейг говорил: «...Москва вторглась в Афганистан потому, что была обеспокоена укреплением пояса исламского фундаментализма на своих южных рубежах... Между Советским Союзом и Афганистаном существует лишь тонкая линия Амударьи. И потому любое успешное исламское движение на южных рубежах неизбежно отразится на советских мусульманских республиках. Логика Брежнева объяснима. Отдаленная возможность того, что такое может случиться в будущем, и вынудила Советскую армию войти в Афганистан в 1979 году».

Слова А.Хейга об опасности разрастания мусульманского пояса получили подтверждение очень быстро, когда 8 марта 1987 года отряд моджахедов обстрелял реактивными снарядами через границу советский город Пяндж в Таджикской

ССР, а Гульбеддин Хекматъяр, один из лидеров душманов, в мае того же года заявил: **«Если моджахеды будут настойчиво продолжать борьбу, настанет тот день, когда оккупированные земли в советской Средней Азии будут освобождены».**

Эти слова не были ни бравадой, ни импровизацией. План дестабилизации Советского Союза путем провоцирования исламского недовольства в Средней Азии и на Кавказе был предложен администрации президента Картера еще в 1970-х годах (автором идеи считают британского разведчика и востоковеда Бернарда Льюиса). Идея была с восторгом подхвачена Бжезинским и теми в окружении Картера, кто пытался перенаправить энергию вызревавшего в исламском мире социального недовольства и религиозного протеста против России (СССР).

Позднее, в середине 90-х годов, З.Бжезинский выступит с пророчеством о том, что Россия будет раздроблена и окажется под опекой; вспоминая конец 70-х, он будет утверждать, что идея использовать ввод советских войск в Афганистан с целью «затянуть СССР в некий эквивалент Вьетнама» принадлежит ему и что именно тогда администрация США согласилась с рекомендациями спецслужб «впервые за все время холодной войны пойти на прямую поддержку действий, направленных на уничтожение советских военнослужащих», а также создала коалицию для поддержки моджахедов, в которую вошли Великобритания, Пакистан, Египет и Саудовская Аравия.

ЦРУ предоставило поддержку душманам примерно за полгода до ввода советских войск, в соответствии с указом президента Д.Картера об оказании афганским «воинам джихада» тайной помощи. В общей сложности 120-тысячной советской группировке 40-й армии, укомплектованной 18—20-летними пареньками, противостояло свыше 170 тысяч душманов, из которых более 30 тысяч прошли прекрасную боевую подготовку. Насколько «правверными» были эти «борцы за веру», свидетельствует уничтожение ими за годы афганской войны свыше 5 тысяч мулл за лояльность кабульским властям.

Сегодня афганский бумеранг, запущенный Соединёнными Штатами, возвращается. Американцы загнали себя в тот же капкан, из которого не смог выбраться в 1980-е СССР. Сжигая громадные ресурсы в бесперспективной войне (только на обучение и снаряжение почти 340-тысячных марионеточных афганских сил безопасности Вашингтон тратит более 20 миллиардов долларов), **американцы тратят за один месяц боевых действий в Афганистане больше, чем СССР за год афганской кампании.**

Заявления Вашингтона об успешности западной миссии в Афганистане ничего кроме саркастических улыбок не вызывают. На самом деле никаких признаков победы Западной коалиции нет. Война не утихает ни на день. С точки зрения цели операции (добиться, чтобы члены свергнутого правительства талибов предстали перед судом) результаты 11-летней кампании являются нулевыми. Афганистан возвращён к «доталибскому» раздробленному состоянию. О своей независимости от Кабула объявляют и провинциальные города, и даже отдельные деревни, имеющие свои вооруженные формирования. Боевые действия идут практически каждый день.

Частым явлением стали убийства военнослужащих НАТО солдатами и офицерами марионеточной правительственной армии, созданной и финансируемой оккупантами. Американские политологи (например, James McAllister) утверждают, что в этом смысле происходящее в Афганистане «не идет ни в какое сравнение даже с Вьетнамом». Британские аналитики (Martin Windrow), в свою очередь, говорят о «неслыханном» для любого военного конфликта количестве подобных потерь. Действительно, в 2012 году количество случаев ликвидации натовцев их же «союзниками» выросло по сравнению с 2011 годом более чем в два с половиной раза.

Даже на базах и аэродромах, подвергающихся периодическим атакам талибов, американцы не расстаются с оружием и рациями и не снимают бронезилеты и каски. Информация о реальных потерях оккупационных сил США в Афганистане тщательно скрывается. Между тем только за один день 14 сентября 2012 года штурмовая авиация США потеряла 8 самолетов — как в «лучшие» дни войны во Вьетнаме. Даже по официальным данным, в 2012 году в Афганистане было убито в 2 раза больше натовцев, чем в прошлом.

Говорить о мире и успехах государственного строительства в стране, где почти каждый имеет «калашников», многие имеют «Стингеры», а кое-кто и бронетехнику, по меньшей мере преждевременно. К тому же свыше половины афганцев не имеют работы, в стране царит ужасающая нищета. **Вся афганская экономика — это выращивание и переработка наркосырья... Только за 2011 год, по данным Управления по наркотикам и преступности ООН, производство опиума в Афганистане увеличилось более чем в два раза (на 133%). Площадь нелегальных посевов опийного сырья возросла на 7% и достигла 131 тыс. га.**

К наркопроизводству и наркоторговле имеют отношение практически все политические силы Афганистана и множе-

ство никому не подконтрольных преступных сообществ. А министр внутренних дел прямо признаёт, что афганские чиновники поддерживают наркоторговцев. Сегодня для России (куда идет около 20% афганского гашиша и опиума) и Европы (около 80%), где основными центрами распространения афганских наркотиков являются американские военные авиабазы в Косове, Германии, Италии, Испании, — это одна из главных угроз безопасности.

Наиболее важными итогами «антитеррористической операции» в Афганистане остаются на сегодняшний день начало «афганизации» постсоветской Средней Азии и увеличение в оккупированном Афганистане производства героина в десятки раз. И поэтому США вычеркнули «умиротворенный» Афганистан из своего «черного списка» стран-производителей наркотиков, сняв с него все санкции. Как любят выражаться президенты США, «это отвечает жизненно важным интересам Америки».

Алексей ЧИЧКИН

ЛЕНИНСКАЯ МИНА ПОД СТАЛИНСКИЙ СССР

30 декабря 2012 года исполнилось 90 лет со дня провозглашения СССР. В основу создания Советского Союза был заложен принцип сосуществования союзных республик, не входящих в состав России. В то же самое время непосредственно российская территория (РСФСР) была разделена на множество национальных автономий. В общей территории РСФСР-РФ доля этих автономных образований превышает 40%, при том, что русское население и поныне составляет там от 60% до 70%. Заметим также, что количество автономий в большинстве 15 других союзных республиках (с учетом существовавшей до второй половины 1950-х Карело-Финской ССР) было, как говорится, считанным. Они имелись лишь в Грузии, Азербайджане, Узбекистане и Таджикистане.

Принцип внутригосударственных границ и максимально возможной автономии как союзных, так и национальных автономных республик, областей и округов в условиях ослабления общегосударственного управления страной с середины 1950-х гг. привел к нарастанию сепаратистских настроений и тенденций, прежде всего в руководстве национальных регионов страны. И, в конечном итоге, — к распаду Советского Союза, что прямо или косвенно стимулировалось Западом, особенно с середины 1980-х.

О негативных последствиях отказа от решающей роли России (РСФСР) в создании и существовании СССР предупредил еще И.В. Сталин в начале 1920-х гг. Он, напомним, выступал за вхождение национальных территорий в состав РСФСР. Но победила позиция Ленина и Троцкого.

А вот, для сравнения, в КНР в этом вопросе пошли, можно сказать, по сталинскому пути: все национальные территории стали автономными регионами. Это изначально сократило административное, правовое и экономическое поле для развития сепаратизма.

Примечательно и то, что национально-географическая перекройка карты новой России после распада Советского Союза не вызывала оптимизма у ряда руководителей других стран, где национальные и межнациональные проблемы были весьма актуальными. Похожие оценки высказывались зарубежными деятелями намного раньше, и они оказались правильными.

Так, Мустафа Кемаль Ататюрк (1881—1938), основатель и первый президент Турецкой Республики, считал, что «дробление страны по национальному признаку опасно с точки зрения ее целостности и управляемости. Есть в этой ситуации опасность, что государство станет со временем заложником интересов нацрегионов и их властей. Достаточно вспомнить пример Австро-Венгрии».

В свою очередь, руководитель Китая в 1927—1948 гг. генералиссимус Чан Кайши (1887—1975) отмечал, что *«уникальный экономический опыт СССР может быть использован для восстановления и развития Китая»*. Но *«нарезки» в виде национально-административных регионов содержат в себе угрозу распада государства. Даже самые малые послабления для этих регионов затем будут более существенными. А затем этим регионам централизованное государство будет не нужно»*.

Один из основателей независимого Ирака, его премьер-министр в 1930—1950-х годах (с незначительными перерывами) Нури Саид вообще был противником каких-либо нацавтономий в многонациональных государствах.

По его мнению, *«обеспечить равные права и возможности для народов, населяющих единое государство, проводить правильную административную и в целом политическую линию в национальных территориях — задача самая важная и долгосрочная. Но выделение этих районов в национальные границы содержит в себе угрозу единству и управляемости государства»*. Нури Саид считал, что *«центральные власти будут терять контроль над правящими в нацрайонах элитами и другими политическими силами. Если эти районы и их границы будут не только географическими, но и административными»*.

Кстати, прогерманское правительство Р. Гайлани в Ираке в марте 1941-го провозгласило автономию Северного Ирака, поныне населенного в основном курдами. Но их тогдашние руководители, в большинстве своем, вскоре стали требовать независимости данного региона. Этому движению стали помогать Германия и Турция. Распаду Ирака в тот период воспрепятствовало вступление в страну (в апреле 1941-го) британских и деголлевских войск, а также возвращение Нури Саида на пост премьер-министра.

Схожая точка зрения была и у Франсиско Франко (1892—1975). Он полагал, что *«понятие «СССР» ничего конкретного не отражает: была и есть Россия. Но она допустила величайшие ошибки в национальном устройстве при строительстве нового государства. Сказалось в этом и простодушие русского народа. Будущее русских зависит от рационального административного устройства российского государства. Оно, по многим причинам, не может быть «смесью» из этнически выделенных регионов»*.

Кстати, в период упразднения Карело-Финской ССР и ее преобразования в автономную республику в составе РСФСР (июль 1956 г.) Вяйне Таннер (1881—1966), один из основателей Финляндской республики, отмечал, что «в Москве, видимо, опасаются «профинляндских» настроений в соседней республике с близким к Финляндии названием. Может, ликвидация или понижение статуса возможны и в отношении других союзных или автономных республик. Но из них состоит СССР, руководство которого, вероятно, уже опасается центробежных процессов в руководстве национальных регионов или среди нерусских народов». Напомним в этой связи, что причины, высказанные В. Таннером, стали основными в понижении статуса и переименовании не только Карело-Финской ССР (созданной в марте 1940 г.), но и Бурят-Монгольской АССР, географически, этнически и конфессионально близкой к Монголии, в Бурятскую АССР в июле 1958 года...

Но можно ли было изменить устройство СССР? Упомянутые примеры показывают, что такие меры, скорее всего, намечались.

Естественно, с большой осторожностью, так как политический вес руководства союзных и автономных республик уже не позволял «центру» реализовывать быстрые и жесткие решения, повышающие его роль. Правда, некая трансформация СССР все-таки намечалась во второй половине 1940-х — в рамках Славянского конфедеративного проекта И.В. Сталина. Но этот проект «соратники» Сталина, в том числе в восточноевропейском руководстве, уже к 1952 году весьма искусно спустили на тормозах.

Ограничить экономико-политическое влияние руководства и министерств союзных республик было призвано создание в СССР не республиканских (сугубо региональных), а межрегиональных совнархозов, инициированное Н.С. Хрущевым в 1957-м. Советская территория в том же году была разделена, подчеркнем, на административно-экономические районы, где создавались совнархозы — с соответствующим управленческим аппаратом. Причем, в «подотчетную» многим совнархозам территорию одновременно входили сопредельные регионы союзных республик.

В результате началось упразднение общесоюзных и союзно-республиканских министерств. Всё это напоминало действовавшую в Югославии систему территориально-экономического управления (что было связано и с активным советско-югославским сближением с начала 1960-х годов). Поэтому югославские СМИ в тот период отмечали, что «в СССР начинают копировать югославскую практику управления нацрегионами и экономикой всей страны».

По некоторым данным, номенклатура, точнее — власти союзных республик и многие союзные министерства, едва ли не сговорившись, стали прямо или косвенно мешать работе совнархозов, навязывать им невыполнимые планы и проекты. А потом обвинять совнархозную систему в недееспособности, некомпетентности и т.п. В результате уже в 1960—1962 гг. совнархозы стали укрупняться, но в пределах союзных республик. То есть, межрегиональный и связанный с ним межотраслевой принципы их деятельности фактически были упразднены. Совнархозы стали создаваться только для союзных республик. Поэтому многие зарубежные, в том числе и югославские СМИ, в те годы отмечали, что попытки хотя бы видоизменить основы устройства СССР не удались из-за сопротивления номенклатуры — общесоюзной (центральной) и местной. В 1965 году совнархозы были упразднены. При-

чем, их инициатору Хрущеву в ходе его отставки (октябрь 1964 г.) вменялось в вину и то, что своей «совнархозной» политикой он подрывал устои СССР.

Так что оценки и прогнозы многих зарубежных деятелей относительно потенциальной ущербности государственного устройства СССР так или иначе, но сбылись...

Олег ЕМЕЛЬЯНОВ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ НАЦИЗМ

Как ни тянитесь, господа,
Вам не достичь признанья от Европы!
Пред ней Вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

Ф.И. Тютчев

Вспомним историю: если Европа объединяется, то только для войны с Россией. В 1812 году Наполеон, объединивший Европу, пошёл завоёвывать Российскую Империю. В 1941 году Гитлеру тоже удалось объединить Европу — известно для чего. Следует заметить, что каждый раз Европа объединялась под лозунгом демократии. Наполеон не стал бы императором, не будь он избран консулом в республиканской Франции, а Гитлер не победил бы на выборах именно в демократической Германии.

Интересно и то, что эти вторжения происходили под знамёнами свободы. Наполеон заявлял, что освобождает Российскую Империю от крепостного гнёта, а Гитлер «освобождал» СССР от ига «жидобольшевизма». Надо заметить, что именно во времена Наполеона во Франции возник шовинизм — французский нацизм; точно так же во времена Гитлера в Германии возник свой шовинизм — немецкий нацизм.

Европа объединилась и в наши дни. На этот раз её объединило ЕС. И снова это — «продукт демократии». Как «продукт демократии» Единая Европа опять демонстрирует свою явную враждебность к Российской Федерации и русским. И

на этот раз все претензии к нам выдвигаются под эгидой свободы. Более того, этих претензий больше, чем у Наполеона и Гитлера вместе взятых. Удивительный факт: традиционную ненависть к русским страны Запада бережно сохранили и пронесли сквозь века до нашего времени. В этой явной неприязни демократического Запада к России и заключается наш особый путь развития, хотим мы того или нет. Демократия явно не для нас, а против нас!

В эпоху ядерного оружия воевать с Россией бессмысленно, в ядерном конфликте, как известно, победителей не будет. Стало быть, нападать на Россию можно только идеологически, и совершенным оружием в этой борьбе является дискриминация (её почему-то иногда называют «двойными стандартами»). Надо заметить, что идеологическая война весьма эффективна при развитости средств массовой информации. Ещё один аргумент в её пользу — дешевизна: она обходится гораздо дешевле обычной войны. Именно сейчас, когда есть общедоступные радио, телевидение, интернет, миллионы газет и журналов, сложились наилучшие условия для ведения идеологической войны. Надо отметить, что терроризм — тоже идеологическая война, ведь теракт — это акция устрашения, и чем больше зрителей у этой акции, тем больше эффект.

Страны демократии на словах декларируют равенство всех народов. Но выполняется ли это на деле? Вот распался Советский Союз, на его развалинах возникло 14 суверенных государств. Каждое — демократическое, каждое — провозглашает равенство всех наций, и в каждом из них, за исключением Белоруссии, на деле откровенно попираются права русских, причём только русских. Те страны, где русским на деле предоставлены равные права с коренным народом, как в Белоруссии и в непризнанной Приднестровской республике, вызывают гнев у стран демократии, они обвиняют их в фашизме и диктаторстве. А вот установка памятников нацистам в Латвии и Эстонии вовсе не повод называть эти страны фашистскими. Страны Запада своими действиями как бы говорят: ограничьте русских в правах, и мы сразу же примем вас в дружную семью цивилизованных, демократических народов. А иначе проклянём вас, объявим тоталитарным, фашистским, нацистским режимом и подвергнем экономическим санкциям. И потому самым недемократическим государством, естественно, всегда будет Россия, потому что в ней труднее всего осуществить дискриминацию большинства населения. Но вот оголтелый президент Ельцин, расстрелявший Думу из танков, навсегда снискал себе любовь и уважение Запада и «правозащитников», его деятельность, по их мнению, была одним из лучших примеров беззаветного служения делу демократии.

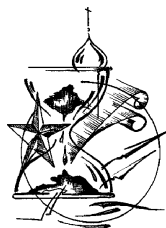
Когда-то в азербайджанском лозунге «чемодан — вокзал — Москва» никто не усмотрел признаков разжигания национальной розни. По всей видимости, для Запада он был вполне цивилизованным и демократическим. Но вот тот же лозунг в России («чемодан — вокзал — Баку») — уже явно фашистский. Так что фашизм — понятие географическое: по логике Запада, он может возникать только в границах Российской Федерации.

На протяжении последних 20 лет «лица русской национальности» безнаказанно и систематически подвергались унижениям и дискриминации в странах ближнего зарубежья. За эти годы в странах СНГ сформировался стереотип: русские — это не те люди, на которых распространяются демократические права. СНГ стало хорошей школой неприязненного отношения к русским. Теперь же, когда экономика этих стран, во многом благодаря своей антирусской политике, пришла в упадок, жители ближнего зарубежья эмигрируют в Россию, принося с собой ставшее уже традиционным пренебрежительное, если не враждебное, отношение к русским. И теперь русские, живущие в своей собственной стране, испытывают те же унижения со стороны пришельцев, которым подвергаются русские за границей. Но на этот раз реакция русских на все эти притеснения несколько иная. Во-первых, мы находимся в своей стране; во-вторых, нам просто некуда уезжать, некуда отступить. На этот раз реакция русских, живущих на своей земле, на проявление к ним национальной нетерпимости более жёсткая и в некоторых случаях, возможно, даже жестокая. Как ещё мог бы реагировать человек, подвергавшийся периодическим унижениям со стороны иноземцев, теперь уже и в своём отечестве? И тут на сцену выходит Запад с правозащитниками, которые так аккурратно и последовательно не замечали и не замечают дискриминации русских в СНГ. Но теперь они фарисейски обвиняют русских в национальной нетерпимости. Всё переворачивается с ног на голову, и жертва нацизма сама обвиняется в нацизме только потому, что больше не хочет быть жертвой. В этой незамысловатой игре Россия не должна играть по правилам, устанавливаемым Западом. Правила эти гениально просты: всё, что хорошо для России, осуждается Западом и обзывается тоталитарным, а всё, что плохо — одобряется и провозглашается демократическим. Стоит ли удивляться, что многих русских абсолютно не устраивает такая демократия.

СПАСИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВА

Медленно, но неотвратно сплетаются в глубине столетий гибельные для нашей страны сети. Вот 1206 год. В самом сердце Азии в горах Хангая, на берегу Орхона, курултай монгольских народов провозгласил воинственного Тэмуджина — Самодержцем (Чингисханом). Совершилось объединение татарских и монгольских племен в единый военно-политический союз. Началась эпоха великих монгольских нашествий.

А через год, 7 октября 1207 года, — другое событие. Папа Римский Иннокентий III в послании «ко всему духовенству и мирянам русским» посетовал, что Русь удалилась от католической веры, как от груди матери и стала чужим ребенком. Он призвал Русскую Церковь вернуться с бездорожья на путь истины и пойти под опеку главы католической церкви. «В случае неповиновения, — отечески печалился папа, — с Русью может случиться то же, что и с Византией». Неприкрытая угроза, которая, как мы знаем, была реализована, звучала в этих словах. Еще далека была опасность, а уже подыскивался русский герой, способный одолеть надвигающуюся беду, способный спасти Отечество.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Святой Александр Невский появился в нашей истории тогда, когда историческая ситуация складывалась так, что без Александра Невского, быть может, и не было бы у Руси дальнейшей истории. И темные силы делали, кажется, всё, чтобы и не было его.

В 1216 году, после неудачи Ярослава Всеволодовича в битве на Липице, Мстислав Удалой разлучил родителей будущего благоверного князя, но иною была Господня воля, и сыграл свадьбу переяславский князь Ярослав Всеволодович с рязанской княжной Феодосией Игоревной. И родился у них 30 мая 1220 года сын Александр, которого и назовут Невским...

Так же было и в XVI веке. Еще вершилось великими свершениями царство Иоанна IV Васильевича Грозного, еще ничто не предвещает беды Смутного времени, но, уместившись в пространство двух лет, уже сошлись даты. В 1578 году родился Дмитрий Михайлович Пожарский, будущий освободитель Москвы. А на следующий год была обретена Чудотворная икона Божией Матери, получившая название Казанской...

Предание утверждает, что после страшного пожара, уничтожившего 23 июня 1579 года весь посад, дочери казанского стрельца Матрене явилась во сне Богородица и указала место на пепелище, где находится Ее икона. На этом месте 8 июля 1579 года откопали облаченную в ветхое вишневое сукно — это был рукав однорядки — икону... Сама икона «чудно сияла светлостью, как будто была написана новыми красками. Земная грязь не коснулась чудного Образа»...

Тотчас послали известить о находке Казанского архиепископа Иеремию, но он посчитал ненужным смотреть, что отыскала несмышленная девочка, и к месту находки явился священник Ермолай из ближайшей к пожарищу Николо-Гостинодворской церкви. Первым этот священник и поднял икону, чтобы поставить на приготовленный помост.

Великие чудеса были явлены от этой иконы... Уже на следующий день перед новообретенной иконой прозрел казанский слепой Никита... Но оказалось, что икона Казанской Божией Матери дарует и духовное прозрение. И самое первое чудо от этой иконы — это самовидец, как он называл потом сам себя, тот немолодой священник Ермолай, который поднял из пепелища Чудотворный образ, чтобы показать народу. Пятьдесят лет исполнилось ему тогда, но словно бы и не было их — в непроницаемых сумерках времени скрыта жизнь иерея Ермолая. И только когда он взял в руки Чудотворный образ Казанской Божией Матери, спала пелена с глаз, и сразу — во всей духовной мощи явился облик великого святителя, будущего патриарха Гермогена.

Две даты, два события, из которых предстоит произрасти спасению нашего Отечества от разрушительной смуты, в которую ввергли его властолюбие и алчность, разврат и своеволие... Оглядываясь сейчас, четыре столетия спустя, на те события, в самой одновременности их различаем мы образ русского спасения. Вот необходимые составляющие его: воинская доблесть, смирение и подвижничество, Божия помощь.

Чудо, которое совершила икона с иереем Ермолаем, превратив его в святителя Гермогена, было только прообразом чуда, совершенного 22 октября 1612 года, когда перед Пречистым Ликом Казанской иконы Божией Матери разьединенные политическими симпатиями и антипатиями, враждующие друг с другом русские люди вдруг очнулись и, ощутив себя единым народом, сбросили с себя вместе с обморочностью смуты и ярмо чужеземных захватчиков. Тогда, 22 октября 1612 года, загудели колокола в московских церквях, и двинулись на штурм Китай-города ратники Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Единым приступом были взяты тогда стены, и поляки укрылись в Кремле, чтобы через три дня сдать на милость победителей.

И получается, что происходят эти события, из которых предстоит произрасти спасению нашего Отечества, в пересечении Царской Дороги Иоанна IV Васильевича Грозного и Великокняжеского Пути святого благоверного князя Александра Невского.

Здесь, на пересечении этих Дорог русской истории, возникает и нижегородский гражданин Кузьма Минин. Если прикинуть, что он был лет на десять старше князя Дмитрия Пожарского, то получается, что родился Минин в непосредственной близости от Казанского взятия, и родители его были свидетелями этого великого русского торжества. Ну, а весть о явлении Чудотворной иконы Казанской Божией Матери осветила уже отрочество и самого гражданина Минина.

Исследователи сетуют обычно на отсутствие каких-либо достоверных сведений о жизни Кузьмы Минина до 1611 года. Действительно, из разрозненных и зачастую не связанных с личностью спасителя нашего Отечества документов получается, что Кузьму Минина можно звать и Кузьмой Захарьевичем Мининым, и Кузьмой Мининым Сухоруком, и Кузьмой Захарьевичем Мининым-Сухоруком, и Кузьмой Захарьевичем Мининым, по прозванию Сухорук, и так далее, и так далее...

Однако, разделяя сожаление о недостатке достоверных сведений, согласиться с исследователями, утверждающими, дескать, потому и не сохранилось сведений, что жил Минин в эпоху, когда родословные записи велись исключительно

для «служилых людей по отечеству», никак невозможно. Это логичное и аргументированное объяснение ничего не объясняет, и прежде всего потому, что в конце жизни Кузьма Минин был думным дворянином (вторым думным дворянином при царе Михаиле Федоровиче был Гаврила Пушкин), и «привилегию» на родословные и не только родословные записи он имел.

Наверняка не было тогда и недостатка в «биографах», понимавших, что необходимо сохранить для русской истории образ спасителя Отечества. Мне кажется, что объяснение нужно искать в другом. С Кузьмой Мининым случилось то же, что и с его старшим современником — Ермаком...

Как известно, летопись говорит о «завоевателе Сибири» тоже весьма кратко: «О себе же Ермак известие написал, откуда рождение его. Дед его был сузалец, посадской человек, жил в лишении. От хлебной скудости сошел во Владимир, именем его звали Афонасий Григорьевич сын Аленин, и тут воспитал двух сыновей Родиона и Тимофея, и кормился извозом, и был в найму в подводах у разбойников, на Муромском лесу пойман и сидел в тюрьме, а оттуда беже с женой и с детьми в Юрьеvec Повольский, умре, а дети его Родион и Тимофей от скудности сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы, ему породе детей: у Родиона два сына — Дмитрий да Лука, у Тимофея дети Гаврило, да Фрол, да Василей. И оный Василей был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе, по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость, и, прибрав себе дружину малую, пошел от работы на разбой и от их звался атаманом, прозван Ермаком, сказуется дорожный артельный таган, а по-вологодски — жернов мельницы рушной». Вот и вся родословная Котла Тимофеевича, а по-вологодскому — Журнова.

Однако и эти небогатые сведения сомнительны. Например, Кунгурская летопись называет Ермака «рабом божьим Германом», а всего историками зафиксировано семь имен Ермака: Ермак, Ермолай, Герман, Ермил, Василий, Тимофей и Еремей. Довершая путаницу, в тусклой мерцающей полутьме прошлого возникает (как и у Кузьмы Минина, балашихинский Минин) двойник — донской атаман Ермак Тимофеевич, который летом 1581 года осадил город Могилев, а вскоре после гибели покорителя Сибири упомянут в списке донских атаманов...

Как и в случае с Кузьмой Мининым, мы не можем ответить ни на один из анкетных вопросов, касающихся полного имени, места и года рождения, когда заходит речь о Ермаке. И так легко погоревать тут, что столько столетий подряд в

войнах, пожарах и смутах, а чаще всего из-за нерадения терям мы подробности своей истории! Но, повторю, что в случае с Ермаком, как и в случае с Кузьмой Мининым, восклицание это не совсем уместно.

Они были настолько крупными фигурами своего времени, значение совершенных ими деяний было настолько очевидно, что они были обречены на повышенный интерес к ним всего народа. И мы знаем, что не успело еще посольство Ивана Кольца вернуться в Кашлык, как уже зазвучали песни о Ермаке, а былина назвала его младшим братом Ильи Муромца. По свидетельству Александрова, входившего в состав казацкого посольства, в Москве очень настойчиво расспрашивали о личности Ермака. Да и историками-современниками Ермак не был забыт. Еще жили его сподвижники, когда царь «за обедом вспомнул Ермака...» и дал указание тобольскому архиепископу Киприану Старорусенникову собирать материалы о сибирском походе.

На второй год по приезду в Тобольск Киприан призвал к себе уцелевших казаков и, подробно распросив о сражениях, о том, кто, где и когда был убит, составил подробный Синодик, легший в основу первой сибирской летописи.

Так отчего же столь ничтожно мало известно нам о самом Ермаке? Да, наверное, потому, что человек, который, возникнув из слухов, с небольшой дружиной ушел в Сибирь и сразу начал жить в песнях, просто не вмещался в изыскания древних летописцев. Любая малейшая конкретность вступила бы в противоречие с образом Ермака, созданным народом.

Нечто подобное произошло и с Кузьмой Мининым... Совершенное им деяние превосходит человеческие возможности и стирает всё личностное, всё индивидуальное.

В 1597 году в Нижнем Новгороде произошло событие, взволновавшее всех горожан: «В третьем часу ночи... в Печерском монастыре оползла гора от матерой степи и прошла вниз под холмы, где монастырь стоит... Вышла та земля на Волгу сажень на 50, а инде и больше... И явились на Волге бугры великие: суды, которые стояли под монастырем на воде и те суды стали на берегу, на сухе, сажень двадцать от воды и больше. И после того, как поникла гора, пошли из горы ключи великие».

Тектонические изменения коснулись в том году и государственного устройства Руси. 1597 год — последний год правления династии Рюриков. В следующем году завершится жизнь царя Федора Иоанновича и на русский престол взойдет Борис Годунов, начнутся события, приведшие страну к пропасти смуты.

Печерский монастырь нижегородцы восстанавливали на новом месте. Наверное, тогда и внес свой вклад Мина Анкудинов, ставший потом иноком этой обители. Ну а обрушившееся здание русской государственности через полтора десятка лет его сыну Кузьме Минину предстояло восстанавливать на старом месте, из прежнего материала...

Воинская доблесть, смирение и подвижничество, Божия помощь... Вот составляющие образа русского спасения...

Поразительно, но когда вглядываешься в поступки гражданина Кузьмы Минина, достоверно известные нам по историческим документам, обнаруживается, что в действиях этого нижегородского старосты присутствуют все перечисленные составляющие русского спасения.

Русь подошла в 1611 году к самому краю пропасти. Поляки взяли Смоленск, шведы заняли Новгород, Псков оказался в руках самозванца Сидорки, польский отряд укрылся за стенами московского Кремля... Этой страшной осенью 1611 года, когда зашатались основы русской государственности, и становится первым человеком в Нижнем Новгороде смиренный, мало кому известный за пределами торговых рядов посадский человек Кузьма Минин. Это именно к нему явился тогда во сне преподобный Сергей Радонежский, побуждая его к совершению подвига во имя Отечества.

Свое избрание в земские старосты Нижнего Новгорода, состоявшееся в начале сентября 1611 года, Минин воспринял как указание перста Божьего, и сразу начал призывать посадских людей к жертвованиям на сбор нового ополчения. Личным примером побуждал он жертвовать для найматных людей.

Уже 1 октября 1611 года произнесет он на общегородском ходе великие слова: «Буде нам хотети помочь государству, ино не пожалети животов своих, ино не пожалете и дворы свои продавати и жены и дети закладывати». И совершенно справедливо отмечают исследователи, что это «не князь Пожарский, не бояре и дворяне подняли и повели Кузьму и народ, а народ и Кузьма выбрали, указали на Пожарского и повели Пожарского, бояр и дворян на Москву».

Став «выборным человеком всею землею», Минин занимался едва ли не самым сложным делом, «ведая казну» и обеспечивая ратных людей необходимыми припасами и денежным жалованьем. Однако, когда возникала необходимость, он становился и полководцем. Так было в переломный момент битвы с гетманом Ходкевичем под Москвой. Кузьма Минин перешел тогда с тремя дворянскими сотнями через Крымский брод, и, обрушившись на поляков, решил этой

смелой атакой исход боя. И, конечно же, не следует забывать, что именно Кузьма Минин, хотя его никто и не учил управлять государством, вместе с князьями Трубецким и Пожарским стал во главе правительства, обеспечившего избрание новой династии и переход страны к мирной жизни.

25 октября 1612 года распахнулись окованные железом створы Троицких ворот на Неглинную и, как и было условлено, выпустили вначале московских думных бояр, трепетно хранивших верность польскому королю и его сыну... Полетели было камни в изменников, но ополченцы Пожарского и Минина удерживали казаков, не давая растерзать предателей. Бояре, не двигаясь, стояли на мосту, ожидая решения своей участи. Испуганно вздрагивая, жался к монахине Марфе (Романовой) съезжившийся от страха и холода узкоплечий подросток. Ему было шестнадцать лет, но он казался гораздо моложе. Это был будущий царь Михаил Федорович Романов...

На голове у Федора Ивановича Мстиславского темнела пропитанная кровью повязка. Эту отметину накануне оставил ему жолнер, забравшийся в хоромы Федора Ивановича, чтобы съесть главу боярской думы. Хромой Иван Никитич Романов опустил голову. Едва стоял на ногах и князь Борис Михайлович Лыков. Испуганно смотрел на толпу казаков Иван Михайлович Воротынский, в доме которого отравили спасителя Москвы, князя Михаила Скопина-Шуйского. Рядом с ним — Федор Иванович Шереметев... Это было самое верное польской короне московское боярство...

Все они, кроме Мстиславского и Воротынского, которым еще предстоит породниться с Романовыми, — родственники патриарха Филарета. Здесь его жена, сын, брат, здесь Шереметев, род которого тоже происходил от Андрея Ивановича Кобылы, здесь Лыков, женатый на сестре Филарета — Анастасии...

Сидя на конях, строго смотрели на бояр-предателей князь Пожарский и гражданин Минин. Рядом с ним покачивалось тяжелое знамя с ликом Спаса. Увы, не было рядом патриарха Гермогена... Еще когда только двинулось в победный поход нижегородское ополчение, изменники бояре, пытаясь вынудить патриарха поддержать их, заморили его в темнице голодом. 17 февраля 1612 года святитель предал свою душу в руки Божии...

«Да будет над теми, кто идет на очищение Московского государства, милость от Господа, а от нашего смирения благословение... — писал патриарх Гермоген в последней своей грамоте, отправленной из заточения. — Стойте за веру не-

подвижно, а я за вас Бога молю»... Патриарх Гермоген не дождал до победного праздника Казанской иконы Божией Матери.

Но читаешь составленную им еще в 1594 году «Повесть о явлении чудотворной Иконы Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, бывшем в Казани граде» и кажется, что уже тогда видел будущий патриарх этот праздник: «Откуда же праведный гнев Свой испустил, оттуда же, близ того места, на расстоянии броска камня показал светящий благодатью луч и источник исцелений».

Воистину на ничтожном расстоянии броска камнем, как утверждал самовидец Гермоген, располагает Господь в нашей истории место, откуда он испускает праведный гнев Свой и источник исцелений. И как часто духовное ослепление мешает различить нам то, что может спасти нашу страну и то, что способно погубить ее.

Можно рассуждать, что если бы остался жив Гермоген, может, и не вернулись бы так быстро в Кремль предатели-бояре, и, может быть, не удалось бы им так легко оттеснить от руководства страной ее освободителей. Может быть, и выбрали бы тогда царя из тех, кто освобождал Москву от поляков, а не из тех, кто защищал ее от народного ополчения. Может быть, и взяли бы тогда верх те, кто считал, что у русского человека есть силы, чтобы устроить свою страну без пришлых людей, а не те, кто считал, что нам надо завозить для управления нами шведов, поляков или немцев...

Можно рассуждать, что, если бы новые государи Руси «стояли за веру неподвижно», не произошло бы такого беспощадного закрепощения в рабство русского народа, не произошла бы катастрофа национального самосознания, связанная с церковным расколом. Но в истории нет сослагательного наклонения.

В Первом послании к коринфянам апостол Павел пишет: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно то же духовное питие; ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос. А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Все это происходило с ними, как образы, а описано в наставление нам, достигшим последних веков...»

Какие же главные образы в наставление нам, достигшим последних веков, можем мы извлечь из осмысления событий, произошедших четыре столетия назад в Москве? Когда

мы называем боярами-предателями членов воровской тушинской боярской думы или участников семибоярщины, это только одна сторона правды. А с другой стороны — их искреннее убеждение, что русские люди не способны навести порядок в стране и прекратить смуту, что для этого необходимы иностранцы...

В народное ополчение, собранное гражданином Мининым, эта, как бы сейчас сказали, правительственная элита не верила, и боялась народного ополчения гораздо больше, чем шаек Лжедмитриев и Болотникова, чем польских отрядов. И сколько великого гражданского мужества, высокой воинской доблести и бесконечной самоотверженности русских людей, собравшихся в Нижнем Новгороде, требовалось, чтобы суметь преодолеть яростное сопротивление, которое оказывала правящая элита спасению нашей Родины. И это и составляет существо подвига, совершенного гражданином Мининым, равного которому, может быть, и не сыскать в нашей истории...

Кузьма Минин ненамного пережил совершенное им. Весной 1616 года он умер по дороге из Казанского — опять Казань! — уезда, куда был послан «для сыску, что черемиса заворовала». А следом за ним истаяла, как будто ее и не было, и вся семья думского дворянина Кузьмы Минина.

Известно, что сын его Нефед (Мефодий) служил при дворе царя Михаила Романова в чине стряпчего, был женат, но детей не имел. Умер он в 1632 году, а через три года, приняв перед смертью монашеский постриг, умерла и Татьяна Семеновна, вдова спасителя Отечества...

Как и семья Кузьмы Минина, растворившись в Российской земле, которую он спас, пропало захоронение Кузьмы Минина. Где погребли Кузьму Минина в первый раз неизвестно, но точно известно, что Петр I, отмечавший под колокольный звон и грохот пушек в Нижнем Новгороде свое пятидесятилетие, пожелал после Литургии в Спасо-Преображенском соборе посетить могилу знаменитого нижегородца, и его отвели на нее. Здесь Петр I изрёк: «Вот истинный избавитель Отечества!» — и приказал перенести захоронение в Спасо-Преображенский собор. Считается, что так Петр I почтил память героя, которому многим обязана и вся Россия в целом, и династия Романовых в частности.

Но если это и так, то почтение, высказанное Петром I праху гражданина Минина, было выказано как-то очень по-петровски. Тело спасителя Отечества перезахоронили, но никакого надгробия не поставили и ничего, кроме смутных сведений, что погребли его «на левой стороне за первым столбом», не сохранилось.

«В бытность мою в прошедшем 1794 году в Нижнем Новгороде, — писал приезжавший по служебным делам чиновник Псковского наместничества Н.И. Ильинский, — узнал я, что славный муж Козьма Минин погребен в тамошнем Соборе на левой стороне за первым столбом. Но воображая знаменитый его подвиг, прискорбно мне было, что нет на том месте ни памятника, ни надписи...» Только тогда после шума, устроенного Ильинским, и появилось «на левой стороне за первым столбом» деревянное надгробие, украшенное стихами, сочиненными то ли самим Н.И. Ильинским, то ли тогдашним нижегородским епископом Павлом (Пономаревым):

*Избавитель Москвы, Отечества любитель
И издыхающей России оживитель,
Отчизны красота, поляков страх и мечь,
России похвала и вечна слава, честь:
Се Минин Козма здесь телом почивает,
Всяк, истинный кто росс, да прах его лобзает.*

И стихи, и деревянное надгробие, которое быстро обветшало, были чрезвычайно трогательны, но только в эпоху правления Романовых-Павловичей началось увековечивание памяти Кузьмы Минина в формах, соответствующих масштабу его подвига.

Как известно, 20 февраля 1818 года на Красной площади в Москве в присутствии императора Александра I Павловича при огромном стечении народа был открыт памятник работы И.П. Мартоса с надписью на постаменте «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия», ну а Спасо-Преображенский собор в Нижнем Новгороде был снесен и построен заново «шагов на пятьдесят дальше», дабы не нарушать правильность распланировки нижегородского Кремля.

В 1852 году в нижнем этаже Спасо-Преображенского собора в память о великом герое устроен был придел во имя Космы и Дамиана. Впрочем, и здесь, если он был тут, прах Кузьмы Минина покоился недолго.

Нижегородский писатель Валерий Шамшурич показывал мне письмо, посланное в конце 1929 года из Нижнего Новгорода в Москву В.Д. Бонч-Бруевичу. В письме сообщалось, что при разрушении собора и вскрытии могилы Минина нашли костяк, который желали бы считать мининским, хотя он найден в другом месте.

Известно, что литературную, так сказать «поэтическую» версию большевистского отношения к Минину дал Джек (Яков) Алтаузен, который, по его собственному признанию,

«историю злую» России разучил только для того, чтобы подпитывать свою ненависть к русскому народу. «Для того чтоб ненавидеть их, надо знать, как жили они», — писал он. А в стихах, написанных в 1929 году, эта русофобская ненависть была уже зарифмована:

*Я предлагаю Минина расплавить.
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить.
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им мы не свернули шею.
Им это было бы под стать.
Подумаешь, они спасли Расею.
А может, лучше было б не спасать?*

Разумеется, большевики-ленинцы относились к великим героям России, как к собственным врагам, однако в случае с Кузьмой Мининым, вина их не столь очевидна. Получается, что останки его были утрачены еще до революции, то ли в результате петровского перезахоронения «на левой стороне за первым столбом», то ли после николаевского исправления планировки нижегородского Кремля. Ну а большевистские власти только снесли на всякий случай и сам Преображенский собор, а кости, которые сотрудники «желали бы считать мининскими», долгое время хранились в краеведческом музее, затем их захоронили в Михайло-Архангельском соборе, названным памятником Нижегородскому ополчению.

Говоря о Кузьме Минине, мы неизбежно попадаем в то пространство истории, которое по сложившейся традиции закрыто для осмысления и сейчас. Наши прославленные историки упоминают об этих событиях, но как-то мимоходом, вскользь. Но если мы сами забываем площади, улицы и переулки своей истории, то они будут застроены людьми, которые хотят, чтобы у нас вообще никакой истории не было. И эта застройка ведется не только в переносном смысле, но иногда и в самом прямом.

Есть очень известная картина Константина Маковского «Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к пожертвованиям». Картина эта, написанная в 1896 году, получилась сильной и воодушевляющей, но примерно в то же время, как раз напротив церкви, с паперти которой, по преданию, обращался Кузьма Минин к нижегородцам, купец Н.А. Бугров построил ночлежный дом, послуживший А.М. Горькому прототипом ночлежки в пьесе «На дне». С одной стороны, конечно, — благотворительность, а с другой — откровенное

глумление... Бугров как бы свел две России... Россию Минина и Пожарского, воодушевленную идеей спасения Родины, объединенную жертвенным порывом «не пожалеть и дворы свои, не щадить имения своего», и Россию деклассированных, спившихся босяков, все помыслы которых сведены к поиску выпивки. Они смотрели теперь друг на друга, эти две России, и не узнавали себя.

Н.А. Бугров принадлежал к тому типу волжских купцов, о которых трудно сказать, чего в них больше — самобытности или самодурства, и мы не будем утверждать, что он осознанно выбирал место для своего ночлежного дома, из которого — его слова! — «как из омота, никуда нет путей». Это и не важно... За Бугрова выбирали место для ночлежки те темные силы, которые, по свидетельству современников, порою всецело завладевали его душой. Ну, а Максим Горький, создававший свою пьесу об обитателях бугровского дома, думается, о символике соседства этого дома с Россией Минина и Пожарского знал совершенно определенно.

На дно в этой пьесе, художественные достоинства которой весьма относительны, погружаются не только обитатели ночлежки, а вся Русь, еще сохранившая способность противостоять предательству и измене, Русь, еще обладающая силой спасти саму себя.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2012 год
(Июль — декабрь)

Когда мне было года четыре, мать увезла меня к бабушке в подмосковную деревню Починки. Там я и прожил всё время до школы. Бабушка была неграмотной и не могла читать мне книжек. Поэтому все сказочные истории, особенно в зимнее тёмное время, я придумывал сам, буквально живя в этом мечтательном мире. Бабушка непрестанно была занята какой-то работой по дому и постоянно молилась — перед едой, перед сном, после сна... Свои молитвы она пела. Я в них ничего не понимал, но слушал с интересом. Иногда она рассказывала евангельские истории о Христе, и я воспринимал их подобно сказкам. Как-то я спросил ее: «Откуда берется хлеб?» — «От Бога», — сказала она. «Как это?» — не понял я. «Очень просто — дает Бог». — «А люди?» — «И люди тоже». Только став взрослым, я осознал ее правоту.

...Примерно в тридцать лет или около этого от бабушки я получил в подарок до-революционное, с пожелтевшими страницами Евангелие. (Бабушка была евангелисткой. К ней время от время приходили такие же верующие, пели молитвы и читали евангельские тексты...) Этот момент

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

стал для меня судьбоносным, перевернувшим весь мой внутренний мир, направившим мою жизнь в иное русло. После прочтения Евангелия я стал другим человеком. Моему сердцу открылся Бог. А вслед за этим произошло и творческое перерождение: лирика, которой я был и остался верен неизменно и полнокровно, получила органическое христианское наполнение.

...Я часто спрашиваю себя: кто вел меня к достижению моих целей, кто определял их направление, отсекая ложные, ненужные пути, всё лишнее и никчемное? (Отсекая нередко с сердечной болью и кровью...) Судьба, Провидение?.. Кто оберегал меня порой в самых безвыходных и безысходных ситуациях?.. Ответ знала моя неграмотная бабушка...

Однажды в детстве я заболел коклюшем. Кашель меня забивал страшно, до посинения. Во время сильных приступов спазмы сдавливали горло, и я задыхался. Но какая-то сила толкнула меня ранним утром, чуть свет, ходить с удочкой на затопленные песчаные карьеры — там водились огольцы и караси. И как-то неожиданно быстро после этого я вылечился. Уже будучи взрослым я узнал, что лучше всего от коклюша и бронхита помогает влажный утренний воздух...

* * *

Сразу после принятия закона о запрете сайтов, пропагандирующих педофилию, наркоманию и детскую порнографию, сильнее всего возмутились этно-«либеральные» «правозащитники», руководители этно-«либеральных» телерадиоканалов и этно-«либеральные» политические словоблуды. Выводы пусть каждый делает самостоятельно.

* * *

Навязанная России система существования постоянно порождает смерть и разрушения. И вот — очередная трагедия в цепи бесконечных катастроф. Трагедия вроде бы стихийная, но рождённая прежде всего системой алчной, эгоистичной власти, безразличной к простому народу. В ночь с 6 на 7 июля внезапная волна, обрушившаяся на спящий южный город Крымск, разрушила город и унесла жизни 172 человек. Власть — и местная, и кремлевская — как всегда, оказалась беспомощной и растерянной. Система оповещения о стихийном бедствии не работала, люди не были предупреждены о надвигающемся паводке, хотя несколько часов шел ливень, переполнивший находившееся рядом водохранилище. Люди спасались самостоятельно, как могли, в полной темноте — электричество за два часа до потопа было отключено (зна-

чит, власти знали о грядущем наводнении, т.к. перед этим, днём, был затоплен Геленджик). Кубанская верхушка за свою безалаберность и свою лживость отыгралась на стрелочнике — был уволен мэр Крымска. Путин приехал в пострадавший город и что-то, как обычно, пробубнил о материальной компенсации населению за понесенный ущерб и гибель людей.

Страшный опыт сгоревших деревень летом 2010 года, как и следовало ожидать, властных чиновников ничему не научил. Да и не для того большинство из них приходит во власть. Эта созданная врагами система не только ежедневно тысячами убивает людей, но и уберегает от возмездия верных ей чиновралов.

Но вот что показательно: на последних выборах в Думу 95% жителей Крымска проголосовали за «единороссов»...

* * *

Наш очень странный народ простил власти преступление 1993 года. Простил и быстро позабыл. И вновь проголосовал за Ельцина, за Путина, за Медведева... А ведь этому преступлению нет и не может быть срока давности.

* * *

Мало сказать, что нынешний наш народ очень странный. Он — запредельно, до абсурда неменяемый, сколько бы он ни наступал на одни и те же грабли и сколько бы ему ни объясняли и ни показывали на фактах эту его абсурдную неменяемость. Ноет он и жалуется все последние двадцать с лишним лет: мол, нас оккупировали, нас ограбили, нас задавили... Но вот когда собирают митинг русские национал-патриоты, приходят на него 100—200 человек. Когда же объявляют митинги и шествия еврейские «либералы», — приходят сто тысяч неменяемых, недовольных жизнью и властью русских обывателей и, разинув рот, слушают новую туфту тех самых «либеральных» словоблудов, которые двадцать лет назад их оккупировали, ограбили и задавили.

Или повторю другой похожий пример, уже приводимый прежде мною. У журнала «Молодая гвардия» — 2000 подписчиков, а у похабного «Московского комсомольца» — 2 000 000. Но нытьё и жалобы на жизнь этих неменяемых «сексомольцев» слышны со всех сторон. И сколько при этом спасительных, оправдательных вопросов: «А что мы можем?..» Нет, идиоты, прежде всего вы сами оккупировали собственные мозги, вы сами взлелеяли собственную тупость, собственную аморальность и собственную никчемность. Вы действительно можете только, похрюкивая, пить пиво и ржать у телеящика.

* * *

Практически ежедневно электронные СМИ сообщают о массовых отравлениях детей в летних лагерях. В Москве десятками закрываются и отдаются под офисы инфекционные и детские больницы. Чуть ли ни каждый день мы узнаём о похищенных и убитых по всей стране детях. В год пропадает более 30 тысяч детей. Это официальная статистика. В реальности — больше. И реакции на всё это со стороны власти — никакой. Сообщили — и забыли. Как будто происходит это в другой стране. А двухголовый тандем нескончаемо улыбается с экрана...

Разумеется, как и замыслено, пропавших детей родители, полиция, прокуратура и местные власти ищут не там...

* * *

Война на дорогах приобрела характер нескончаемой диверсионно-тотальной атаки. **Ежесуточно** разбиваются автобусы с людьми. Жертвы этих атак стали обычным информационным наполнением ежедневных сообщений центральных СМИ. А застенчивые улыбки Медведева и Путина у одних вызывают отвращение, у других злобу, у третьих — умиление...

* * *

Фирма больше не вяжет *вэников*. Не котируются больше *вэники*, отработали они своё, истёрлись, пообломались. Теперь эта Фирма повязывает по рукам и ногам тех, кто уморил иностранного агента Магнитского. Видать, ценный был агент, если Фирма так за него испереживалась, изрыдалась горькими слезами.

Когда-то Фирма очень переживала за евреев — мол, плохо их **выпускали** из СССР (в основном в США, для работы на Фирму). Теперь же с помощью *вэников* Магнитского она не будет их туда **впускать**. Ишь, манеру взяли: чуть что — за консультациями в Фирму. Самостоятельно совсем работать разучились, пентюхи размагниченные. Пусть поучатся работать в стране пребывания без выезда и без подсказки из Фирмы. Агента цэрэушного не уберегли, дармоеды...

* * *

Известные критики поэзии в 80-е — 90-е годы прошлого века всё с Ю. Кузнецовым носились. И не замечали ни Цыбина, ни Фирсова, ни Светлану Кузнецову, ни Татьяну Глушкову, не писали об их творчестве при их жизни. А сами эти поэты себя вперед не выставляли. И если говорить о двух последних, то они вообще были обделены литературными премиями и какими-либо наградами. Зато некоторые намо-золзившие глаза критики нахватали этих премий и наград с три короба. Ну как же, они ведь у нас главные писатели!..

* * *

Нас хотят примирить с Чечней. Но при этом одаривают, умасливают и вознаграждают (видать, за какие-то заслуги...) только одну сторону, создав из Чечни этнически «чистый» исламистский анклав со своими законами и со своими понятиями. Однако сколько бы кремлевская власть ни отвергала данный факт, сколько бы ни преследовала за его констатацию, реальность нам известна всем.

Эта власть простила чеченцам Будённовск, Беслан, «Норд-Ост», взорванные дома и отрезанные головы русских солдат. Но эти символы бесчеловечной дикости и бесчеловечного варварства никогда не сотрутся в русской памяти и **никогда** не простятся в русских сердцах.

* * *

После вынесения приговора экстремисткам из «Pussy Riot» по России прошла волна крестопалов, а в Казани в своей квартире были зарезаны две женщины, и их кровью на стене квартиры была сделана надпись: «Free Pussy Riot!» («Свободу Pussy Riot!»). Это еще одно доказательство того, что либерализм, атеизм и «язычество» (чьи адепты защищали и оправдывали мерзкую экстремистскую акцию в храме Христа Спасителя) — это почва для взращивания сатанизма.

* * *

Летом 2012 года вся Сибирь была объята масштабными пожарами. И остановить их не удавалось вплоть до сентября. Буквально каждый день возникали новые и новые очаги огня. Такого прежде никогда не было.

А причина ясна как Божий день. По ныне действующим правилам, после пожара выгоревшие участки леса без аукциона передаются для санитарной рубки. Занятие это очень выгодное, так как за вырубленный лес вообще ничего никому не надо платить. И занимаются этим, вырубкой леса, в основном китайские фирмы. Вот и думайте, отчего по всей Сибири с такой скоростью возникали новые пожары и почему их не удавалось остановить...

Мало того, что они выжигают нашу землю и убивают нашу природу, они еще и задаром вывозят наш лес. А кто-то считает, что близорукие дяди в Кремле этого не видят и не знают...

* * *

Они построили у себя тысячи мечетей. И бросили их. Им мечети оказались не нужны. Они приехали к нам, где мечетей нет или очень мало. И хотят строить мечети здесь.

Они изгнали нас из своих «республик». И оказалось, что без нас им жить невозможно. И они приехали к нам. Теперь они говорят, что они здесь такие же хозяева. А там, в их «республиках», остались тысячи мечетей, которые им не нужны.

* * *

Турции неймётся повоевать с Сирией. И Америка поощряет ее на это. Обнаглев и получив указание хозяина, истребители турецких ВВС принудительно посадили пассажирский самолёт, летевший из Москвы в Дамаск, для проверки груза. Конфисковав груз, самолёт отпустили. Наш МИД ограничился каким-то вялым, невнятным протестом. Тандем, как обычно, промолчал.

А российское быдло (другого слова не подберу) нескончаемым потоком прёт под турецкое солнце жарить свои животы. По два миллиона в год. Убивают их там, грабят, насилюют, травят чем попало, разбивают и переворачивают автобусы с ними, а им всё нипочём. Прут и прут. «Отдыхают» они там от больших дел в России... Сколько денег они оставляют враждебному нам государству — одному дьяволу известно.

Смотришь по ящику на их толстые животы и на красные рожи и задницы, развалившиеся на турецких пляжах, и думаешь: Господи, неужели это русские люди?! Неужели за какие-то двадцать лет нация способна так одуреть и выродиться?!

* * *

В Осло объявлен лауреат Нобелевской премии мира за 2012 год. На этот раз им стал... Европейский Союз. Как сообщил Норвежский нобелевский комитет, ЕС получил эту премию «за развитие демократии в Европе и примирение между странами региона после Второй мировой войны». В заявлении Комитета также было подчеркнуто, что Европейский Союз представляет собой «братство между народами».

Если сказать, что Запад свихнулся на почве цинизма, то это будет даже мягко сказано. В 90-е годы прошлого века страны члены Евросоюза развязали войну в Югославии, апофеозом которой стала бомбардировка Белграда. Именно они организовали зверскую войну в Ливии, отутюжив своей авиацией половину территории Джамахирии. И разве не Евросоюз был причастен к бесчеловечному убийству ливийского руководителя Каддафи и способствовал всем оранжевым революциям в арабском мире? Разве не ЕС вооружает и направляет международных террористов в уничтожаемую Сирию?

Впрочем, к чему это всё перечислять? Нобелевский комитет наградил премией мира Барака Обаму в то время, когда США и Европейский Союз вели две войны — в Ираке и в

Афганистане. А через год они начали агрессию в Ливии. Теперь пришла очередь наградить ЕС, чтобы он с большей прытью добавил Сирию. Вот это и есть в понимании Европы «развитие демократии», «примирение между странами» и «братство между народами». И мы, конечно, знаем, чьи интересы, в первую очередь, выражает Нобелевский комитет. Отнюдь, между прочим, не американские...

Теперь, чтобы получить премию мира, надо развязать войну.

Если бы Гитлер победил во Второй мировой войне, то, без всякого сомнения, — получил бы премию мира. Сталин, освободивший Европу от германского нацизма, эту премию получить не мог по определению. Европа до сих пор не способна простить ему своего освобождения.

* * *

Власть творит жуткое дело, какого еще не было в России. Прикрываясь вброшенным ею циничным лозунгом «толерантности», она ежеминутно, ежесекундно уничтожает нас морально и физически, отнимая у нас нашу страну. Она нескончаемым потоком завозит сюда «чёрных людей», ненавидящих нас и нашу веру, относящихся к нам как к своим врагам, как к своим жертвам, которые нужно обмануть, облапошить, ограбить, изнасиловать, а лучше — убить. Многие из нас по своей наивности и зомбированности этого еще не понимают. Но именно они, непонимающие, в первую очередь становятся легкими жертвами мигрантов.

Центральные СМИ об этом упорно молчат и будут молчать. Тема эта жёстко табуирована властями. О преступлениях мигрантов и кавказских отмороzków сообщается вскользь, нехотя, лишь изредка, когда скрыть их не удастся и когда где-то возмущение русских людей прорывается сквозь информационные заслоны. Но даже и тогда вина чаще всего перекладывается с насильника на жертву. И тут же, как по команде, «либеральная» «четвертая власть» мгновенно обрушивает на нас свой отработанный шаблонный окрик: «Преступность национальности не имеет!»

Чтобы никто не задумывался над происходящим **государственным преступлением власти**, нам крутят по ящику ментовские сериалы и быдловскую мерзость намозоливших глаза смехачей. Нам впаривают для обсуждения бесконечные провокации в виде «бешеных маток», «маршей миллионов», «дела Удальцова» и т.д. А в это время миллионы новых мигрантов заполняют нашу землю, наши дома, наши улицы, магазины, рынки, больницы, школы, детские сады... Нам, русским, уже сейчас почти ничего не принадлежит. Кроме кнопки телевизора.

Русофобской власти нужно во что бы то ни стало растворить в азиатском потоке русский народ, чтобы он не имел права называться государствообразующим и чтобы не было в России восьмидесяти процентов русских.

На ночных московских улицах уже появляются крайне опасно. Они оккупированы отвязанными азиатскими «охотниками».

У нас на глазах разворачивается новая страшная трагедия России, которую люди по-настоящему еще не сознают.

* * *

По сообщению радио, сославшегося на журнал «Кинобизнес», за последние 20 лет государство выделило российскому кинематографу 1 млрд. долларов. За это время было снято (на государственные средства) полторы тысячи фильмов, прокат которых принес государству только лишь 133 млн. долларов. То есть весь российско-рыночный кинематограф оказался не просто нерентабельным, а сверхубыточным и в основной своей массе невостребованным.

С одной стороны, такое положение дел можно объяснить бездарностью нынешних кинематографистов и продюсеров, далеких от национальных проблем нашего народа и снимающих фильмы в соответствии со своим примитивным моральным развитием. А с другой стороны — вряд ли кто из чиновников, присосавшихся к Министерству культуры, способен внятно ответить на вопрос: для чего существует искусство и, в частности, кино?

И тут невозможно не напомнить о другом факте: на русскую литературу и на поддержку русских писателей это государство, в сравнении с кинематографом, выделяет жалкие копейки, о которых просто смешно говорить.

Для *этой власти* в деле обольванивания населения по-прежнему «из всех искусств главным является кино»...

И ведь не случайно в Думе полным-полно артистов и спортсменов, а вот русских писателей — нет ни одного.

* * *

Властные демагоги любят разглагольствовать о «традиционных» у нас религиозных конфессиях...

Русская православная вера и Русская Православная Церковь дали нам Александра Невского, Сергия Радонежского, Дмитрия Донского, Гермогена, Серафима Саровского, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Иоанна Кронштадтского, Митрополита Иоанна Санкт-Петербургского... О золотом веке русской литературы даже и говорить излишне, достаточно назвать Гоголя и Достоевского.

А кого **нашей стране** дали синагога и мечеть? И это не претензия. Это вопрос. Пусть назовут. Но если приемлемого для всех нас ответа на этот вопрос не существует и если личностей, равных названным выше, данные конфессии не дали, то о какой их «традиционности» в России может идти речь?

* * *

1-й Всемирный сионистский конгресс состоялся в 1897 году в Базеле. Многие исследователи сионистского движения считают, что именно на этом Конгрессе были приняты к исполнению «Протоколы сионских мудрецов». Первый съезд РСДРП прошел в 1898 году в Минске. Думается, такая близость по датам была неслучайной. Мировому Сиону нужна была политическая организация для захвата власти в России и исполнения здесь положений «Сионских протоколов». Кстати, 2-й Сионистский конгресс состоялся в том же, 1898 году.

И всё у них в России шло так, как было запланировано. Крым в начале 20-х годов уже был отдан под еврейское государство. Одного только они не смогли предусмотреть — Сталина.

* * *

Мы вновь стали свидетелями в очередной раз раскрывшегося позорища власти.

Министр обороны Сердюков в конце концов отправлен в отставку из-за громкого скандала с подконтрольной ему проворовавшейся кампанией «Оборонсервис». Ущерб от махинаций этой компании с госимуществом составляет, по предварительным данным СК РФ, около четырёх миллиардов рублей. В списке проданного Министерством обороны имущества оказался уникальный 31-й Государственный проектный институт спецстроительства, занимавшийся проектированием шахтных пусковых установок ракетных войск стратегического назначения (РВСН), причалов для атомных подлодок, объектов воздушно-космической обороны, а также реконструкцией космодромов. Впрочем, чего другого можно было ожидать от торгаша, поставленного руководить армией? Но кто его назначил на эту должность в 2007 году?..

Теперь вот заменили Сердюкова на рыцаря Мальтийского ордена, недавно избранного губернатора Московской области С.Шойгу. Заслуги его перед этой властью, конечно, огромны. Как сказано в Википедии, в ночь с 3 на 4 октября 1993 года по просьбе Егора Гайдара С.Шойгу «выделил для него 1000 автоматов с боезапасом из подведомственной ему системы гражданской обороны».

Генералы радуются такой перестановке. Но пройдет недолгое время, и вновь мы услышим голоса, недовольные деятельностью армейского руководства. Достаточно вспомнить беспомощную «деятельность» возглавляемого Шойгу Министерства по чрезвычайным ситуациям во время лесных пожаров 2010 года.

* * *

Разворованная страна: МО, ГЛОНАСС, Роскосмос, Росатом, АТЭС, «Мистраль», Олимпиада в Сочи, ЧМ по футболу, ЖКХ... И это только вскрывшаяся часть айсберга.

Более 20 лет во власти жировала каста казнокрадов, подонков и ненавистников России. Их всех видели, но их никто пальцем не трогал. А когда над ними сгушались прокурорские тучи, им давали сбежать из страны.

Бывшая глава департамента имущественных отношений Минобороны Евгения Васильева получала ежемесячно 5 млн. рублей. Теперь нам показывают по ящику воров-стрелочников. А что, президентов РФ и премьеров у нас в это время не было? Или они, как обычно, ничего не знали?

Все эти годы властные лицемеры нам рассказывали о благих «свободе» и «демократии»... И под эту «либеральную» туфту они нагло разворовывали страну.

Пять лет военные требовали отставки Сердюкова. Но ни президент (тот и другой), ни премьер (тот и другой) их не слышали.

Сердюковщина — это страшная, заразная, повальная болезнь российской «демократической» власти. Болезнь неизлечимая без радикальной полосной операции.

* * *

Эта позорная власть снова унизила русских. 8 ноября их не пустили на футбольный матч «Анжи» — «Ливерпуль» на московском стадионе «Локомотив». Билеты на игру продавались по паспорту и только дагестанцам. Русские болельщики на стадион не были допущены. Естественно, никакой реакции «либеральных» СМИ — не последовало.

Вот это и есть стопроцентный расизм, стопроцентное разжигание национальной вражды и стопроцентная демонстрация этой властью ненависти к русским. Вот это и есть истинная физиономия ее «толерантности».

Представьте себе, чтобы нечто подобное проделали с дагестанцами в Махачкале...

* * *

По сообщению центрального радио, 12 ноября на востоке

Москвы пятеро молодых кавказцев* ворвались через заднюю дверь в трамвай и на замечание пассажиров о том, что нужно оплатить проезд, выхватили ножи и нанесли ранения трём мужчинам. Озверевшие отморозки успели скрыться до прибытия полиции. Раненые были доставлены в реанимацию.

История эта быстро сошла с информационных лент, т.к. не вписывалась в официальную пропагандистскую кампанию по искоренению «экстремизма русских националистов».

В том, что одуревшие от наглости и безнаказанности кавказские зверьки уже режут людей на улице и в транспорте, увы, виновны не сами эти «дети гор». Природу переделать невозможно. Виновны в этом те, кто сидит в Думе и в Кремле. Это с их безразличного или умышленного согласия русских людей, словно баранов в детской песочнице, совершенно спокойно режут на наших улицах при свете дня.

А борьба с «экстремизмом русских националистов», само собой, имеет для власти первостепенное значение. И всем, кто к этому причастен, можно громко поаплодировать...

* * *

Кавказские свадьбы на 400 человек с кавалькадой сверхдорогих иномарок и стрельбой в центре Москвы — это уже наша повседневность, это уже стало современной традицией.

Попытки перевоспитания вызывают у них смех. А уговоры вести себя прилично — дают обратную реакцию, они ведут себя еще наглее, еще бесцеремоннее и еще более вызывающе. На полицейских они смотрят как на недоумков, не знающих жизни. А к русским относятся как к наивным индейцам с глазами покорных овец. Русские для них — это какие-то бессмысленные аборигены, на которых можно вообще не обращать внимание. А ведь в советское время они такими не были. Но кто им позволил стать такими? Те, кто захватил Кремль и Останкинскую башню.

* * *

1917 год — это начало нынешней президентской власти. Свержение царя было первым шагом к назначению президента России.

* * *

Народ наш довели до такого состояния, когда он уже не верит ни во что и никому.

* Слово «кавказец» не является определением национальности. Кроме того, на российском Кавказе проживают лица множества национальностей.

В тех, кто живет без Христа, вселяется бес. Посмотрите, на них — они все бесноватые.

Самое трудное для русских обывателей, населяющих Москву, — оторвать задницу от дивана.

В ноябре на Кубани был пущен под откос товарный состав с нефтепродуктами. С рельсов сошли 12 вагонов, четыре вагона сгорели. Как сообщило МЧС, железнодорожное полотно было повреждено умышленно. Несколько лет назад я написал в «Протуберанцах»: «Олимпийские игры в Краснодарском крае — это подарок кавказским террористам».

Чемпиона РФ по боям без правил Расула Мирзаева, убившего русского студента Ивана Агафонова, Замосворецкий суд Москвы выпустил на свободу после года отсидки в следственном изоляторе. Ничего удивительного. Уже много раз было сказано, что эта власть позволила кавказцам безнаказанно убивать русских. Что они очень успешно и делают.

Полковник Ю.Буданов получил 10 лет тюрьмы за убийство чеченской снайперши во время войны в Чечне. Никого не убивший, но пришедший в синагогу А.Копцев был осужден на 16 лет заключения в колонии строгого режима. Оказывается, жизнь русского парня (в данном случае И.Агафонова) ценится в России гораздо меньше, чем царапина на лице служителя синагоги.

Убийство русского человека прокурором и судьей было квалифицировано как «нетяжкое преступление». Судебная власть в нынешней России поражена той же заразой, что и все остальные ветви российской власти — сердюковщиной. (Этот же самый судья Федин, освободивший из-под стражи Мирзаева, две недели назад приговорил русского парня Максима Лузянина к 4,5 годам лишения свободы за «массовые беспорядки» на Болотной площади в Москве.)

Сразу после решения суда был перекрыт Центр Москвы — Манежная и Красная площади — на случай протестных акций русской молодёжи. Знает кошка...

Трусливая подлость русофобских властей у каждого нормального человека порождает только ответную ненависть и бесповоротное презрение.

Вспомним историю России: Иван Грозный, Петр Первый, Екатерина, Александр Третий, Столыпин, Сталин... Имена,

которые навсегда останутся в гордой памяти потомков. И вдруг — Горбачев, Ельцин, Гайдар, Черномырдин, Кириенко, Медведев... Это не просто какое-то вырождение, не только полная деградация власти, это ее окончательное, неизлечимое моральное уродство.

* * *

Д. Медведев 7 декабря в интервью, данном журналистам пяти российских телеканалов, не поддержал закон о запрете пропаганды гомосексуализма, действующий в Санкт-Петербурге и внесённый в Госдуму. И тут же в Твиттере его поблагодарила за это американская поп-исполнительница Леди Гага, известная своей борьбой за права сексуальных меньшинств. Кроме этого, в своем интервью он назвал Сердюкова «эффективным министром». Кто бы сомневался!.. Как-никак пять лет бок о бок одно дело делали... И делали очень «эффективно»... Теперь прокуратуре и Следственному комитету работы хватит не на один год. Нет, не случайно американские политики так жаждали оставить Медведева на второй президентский срок...

По окончании интервью Медведев при не выключенном микрофоне в прямом эфире назвал козлами тех следователей, которые ведут дело о беспорядках на Болотной площади весной этого года. Вот тут-то, кажется, и раскрыл Дима большой секрет о том, кому были нужны эти беспорядки...

* * *

Евгении Васильевой, находящейся под домашним арестом в 13-комнатной квартире, вернули личного врача, домработницу и любовника — бывшего министра обороны. О таком «заключении» можно только мечтать...

* * *

Власть уже не стесняется своего цинизма. Путин вслед за Московской гордостью решил запретить указывать в СМИ национальность преступников и тот регион, откуда они прибыли. И это естественно. Этническая преступность обрушилась на русские регионы, как горная лавина. Скрыть ее эта власть уже не способна. И вместо того, чтобы ее пресечь, власть решила законодательно заставить СМИ ее закамуфлировать — припудрить «безнациональностью». (Лживо-толерантный лозунг «Преступность национальности не имеет» уже не работает.) При этом закамуфлировать **циничную подлость власти** вряд ли удастся.

Но что интересно: национальность преступников закон указывать запретит, а вот национальность жертв и пострада-

давших — нет. То есть этот закон заранее поставит преступника в более выгодное положение, нежели жертву. Однако сколько бы эта власть ни демонстрировала свой подлый цинизм, шила в мешке не утаишь. Этническая преступность от этого закона не снизится, а скорее наоборот. Покрывая этнобандитов, закон этот только добавит им наглости и жестокости.

И придётся нам в русской прессе писать примерно так: *лица неизвестной национальности, прибывшие сюда из неизвестного региона, вновь зарезали (застрелили, изнасиловали, ограбили, покалечили и т.д.) русского студента, русскую женщину, русского предпринимателя...*

Что ж, г-н президент, спасибо и за это. Не подействовали на вас ни взрывы домов, метро и аэропорта в Москве, ни подрывы поездов, ни Беслан, ни «Норд-Ост» и т.д. и т.п. Отныне мы так и будем писать: *всё это совершили лица неизвестной национальности...*

* * *

А ведь действительно, эта власть никогда не запретит ука­зывать национальность жертв. Потому что иначе придётся в России отменять холокост...

* * *

На сайте Федеральной службы наркоконтроля опублико­ваны списки самых опасных разыскиваемых и осужденных наркодилеров. В этих списках — 72 гражданина Таджикистана, 19 граждан Азербайджана, 10 граждан Киргизии, 9 граждан Узбекистана, по 2 гражданина Афганистана и Казахстана и по одному представителю Армении и Грузии. Еще в списках имеются граждане России: Абдул Сабур Афшар, Гулам Хайдар Афшар и Атобек Гульмамадов, а также лица без гражданства: Физули Гасанов, Надир Гусейнов и Тигран Саркисов.

Не по этой ли причине президент Путин категорически против публикации в СМИ национальности преступников, а «Единая Россия» добивается вручения российских паспортов любому желающему с постсоветского пространства?

* * *

Как это ни удивительно, а всё же пиндосам прищемили хвост... Вот уж не ожидал...

21 декабря в третьем чтении Госдума приняла закон, запрещающий американцам оптом и в розницу закупать (то бишь «усыновлять») русских детей. И какой вой поднялся в «либеральных»

СМИ! Как же их возмутил запрет продажи наших детей в США! «Людоедский закон!» — завершали они единым хором. Точно так же полгода назад они слаженно орало: «Отпустите девочек!», когда посадили на два года трех бесовок из «Pussy Riot».

Русские дети, вывезенные в США, исчезали бесследно. Проследить за их дальнейшей судьбой было невозможно — никакой информации о них американцы не предоставляли. Лишь единичные случаи их жестоких убийств и издевательств над ними предавались огласке. Кроме того, в нашу прессу просочились сведения о специальных концлагерях, куда свозились российские дети. Им, пиндосам, **очень нужна** русская кровь. Вот потому-то все наши доморощенные «либеральные» СМИ единым фронтом неистово завопили о «людоедском» законе, утверждённом Госдумой.

В Косово на органы шли пленные сербы. В США — русские дети.

* * *

«Пятая колонна» пошла в наступление по всем направлениям.

В тот же день, 21 декабря, на пресс-конференции Путина журналисты этно-«либеральных» изданий наперебой ринулись задавать президенту один и тот же вопрос: поддерживает ли он этот «людоедский», «антиамериканский», «антимагнитский» закон и как посмели депутаты за него проголосовать? Революционер-либерал А. Навальный распинался в своём блоге: *«Мы обязаны присвоить этому закону название «закон подлецов». Ведь «закон Димы Яковлева» — это просто оскорбительно для всех»*. 23 декабря А. Макаревич срочно состряпал очередное слёзное «Письмо Путину» с тем, чтобы уговорить его этот закон не подписывать. 24 декабря глава русофобского Совета по правам человека М. Федотов обратился в Совет Федерации с предложением *«убрать из «антимагнитского закона» поправки, касающиеся запрета на усыновление российских детей американцами»*.

Ах, как они «озаботились» русскими детьми!.. Вот только после жестокой гибели в США «усыновленного» русского мальчика Димы Яковлева и оправдания американским судом «отца»-убийцы что-то мы не видели с их стороны ни журналистских крокодиловых слёз, ни писем Обаме от Макаревича, ни заявлений господина Федотова...

В Финляндии у русских матерей власти изъяли из семьи более пятидесяти несовершеннолетних детей. И сердобольных голосов Макаревича с Федотовым по этому поводу мы не услышали...

* * *

В США полтора миллиона человек сидят в тюрьмах и лагерях. Вот где настоящий Гулаг! И ни один американский писатель не сделал себе карьеры на этой теме. Они прекрасно понимают, что в США на этой теме карьеры не сделаешь. В отличие от России.

* * *

В США полмиллиона детей-сирот и миллион беспризорных детей. И что-то там не спешат их усыновлять... По большей части эти дети — чёрненькие.

Американские «усыновители» рвутся в Россию и через посредников выкупают из детских приютов наших беленьких здоровеньких безответных сирот под видом детей-инвалидов. В среднем по 50 000 баксов за русскую душу. И ментально освобождаются у себя на родине от всех налогов. Потраченная сумма окупается очень быстро. Непослушные и проблемные дети исчезают бесследно, любая информация об их судьбе местными властными органами тщательно скрывается. А от продажи органов исчезнувших детей «усыновители» становятся миллионерами. Очень выгодный бизнес.

И вдруг — «закон имени Димы Яковлева»... Когда кошке дверью прищемляют хвост, она истошно орёт. Вот точно так же повела себя вся проамериканская «пятая колонна» в России. Во-первых, чтобы показать Америке, что она существует и не даром получает свои «агентские» премии и гранты. А во-вторых, видимо, этот бизнес на русских детях ее тоже подкармливает... Она ведь у нас очень прагматичная — «пятая колонна»... Впрочем, уже, наверное, не «пятая», а «шестая»...

* * *

25 декабря стало известно, что «пятую колонну» противников «закона Димы Яковлева» возглавляет премьер Медведев. Он сам объявил об этом перед журналистами и сообщил, что попросил вице-преьера по социальным вопросам Ольгу Голодец изложить в письме Путину аргументы, согласно которым этот закон подписывать нельзя. По мнению премьера и вице-преьера, «антимагнитский» закон «противоречит конституции». Оказывается, принятая под грохот танковых выстрелов ельцинская конституция 1993 года разрешает продавать детей иностранцам... А мы и не догадывались об этом...

* * *

Как выяснилось, органы опеки Псковской области воспрепятствовали усыновлению Димы Яковлева родной ба-

бушкой и продали его в Америку за 80 тыс. дол. Бабушка добивалась в этих бесчеловечных «органах опеки» возврата внука, но они ее отшили и пригрозили, что отнимут и внучку. Затем — подделали заявление о ее отказе от усыновления Димы. Это и понятно: 80 тыс. баксов на дороге не валяются.

26 декабря Совет Федерации единогласно одобрил «анти-магнитский» закон, принятый Госдумой. Осталось сделать последнее движение, и американский хвост, на который янки ловили русских детей, будет отрублен.

* * *

Все разумные русские люди с надеждой ждали, что будет принят закон имени Димы Яковлева. Молились и ждали.

По Высшему Промыслу нужно было, чтобы Конгресс США принял «акт Магнитского» и чтобы тем самым заставить российскую власть остановить продажу наших детей в заокеанское рабство. Другого способа сделать это не было.

Дима Яковлев — это русский агнец Божий. Враги России оторвали его от родственников и продали американским нелюдам. Нелюди его убили и не понесли за это никакого наказания.

«Закон Димы Яковлева» окончательно утверждён в святые дни — перед Рождеством Христовым. Это новый православный святой, умученный врагами Бога. Его именем будут спасены от мучительной гибели тысячи русских безответных детей. Его врагами были не только те, кто продал его и убил, но и те, кто выступал против закона его имени.

Ни секунды не верю в ту легенду, которую нам впаривают СМИ с подачи американцев — что, мол, Дима Яковлев был забыт в машине и умер от жары. Эта туфта — для наивных простаков. Русский ребенок был убит спланированно и сознательно с вполне определёнными целями. Для этого, собственно, он и был вывезен из России. Вот потому-то суд и оправдал приёмного «отца»...

* * *

Премьер Медведев и члены его правительства выступили против закона имени Димы Яковлева, то есть — оказались на стороне врагов России. Ну что ж, тем лучше. Мы еще раз убедились в том, из кого состоит российское правительство.

* * *

После 1917 года новой властью в России физически истреблялись целые классы и сословия. И мы как-то всегда стеснялись называть это элементарным, классическим ге-

ноцидом. Нам говорят: ну так ведь они сопротивлялись новым властям и новым порядкам... И что? Они обязаны были добровольно, безропотно идти под нож? Только потому, что их существование не соответствовало идейным завихрениям новых вождей?..

* * *

Ювенальная юстиция и практика «перераспределения детей», действующие в России, — это тоже форма геноцида. В Конвенции о геноциде ООН сказано: «Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». В частности, по этой Конвенции к таким действиям относятся: «...предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; **насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую**».

* * *

После утверждения «закона Димы Яковлева» в три раза подскочила цена на рынке «усыновления» иностранцами русских детей. Теперь проданная за рубеж русская душа стоит 150 тысяч баксов.

* * *

Хорошо помню, как 21 год назад в обстановке морального угнетения, политического раздвая и экономического упадка наш журнал отметил свое 70-летие. Анатолий Иванов в юбилейном майском номере за 1992 год писал в обращении к читателям под заголовком «Праздник горечи и надежд»: «Наша Родина, еще недавно могучая и великая, в том числе и литературными традициями, ныне лежит в страшной разрухе. До катастрофического положения доведены многие периодические издания, среди них и наш журнал. Искусственно вздутыми ценами на бумагу, на полиграфические работы (в 100 и более раз) правители-«демократы» толкают журнал на край пропасти. Но о себе ли нам беспокоится, когда народ обобран до нитки?.. Таково положение в стране, в которой «Молодая гвардия» остается одним из немногих изданий, осмеливающихся говорить суровую и горькую правду о нашем прошлом и нашем настоящем». Тогда же в своем поздравлении с юбилеем нам писал Юрий Бондарев: «Я люблю журнал

«Молодая гвардия» — самый серьезный из нынешней периферии — за совесть, отважную позицию, верность убеждениям и неиссякаемую молодость чувств». И Михаил Алексеев, главный редактор «Москвы», признавался: «Журнал-юбилей и в свои 70 годов молод, по-молодому, бойцовски бесстрашен, дерзок и смел в защите самого дорогого и бесценного, что может быть у человека, — его Родины, его Отечества».

Каждый номер «Молодой гвардии» был как глоток свежего воздуха для русского читателя-патриота. А для разрушителей и врагов страны каждый номер был все эти годы как настоящая бомба. Просматриваешь материалы, публиковавшиеся в них в начале 90-х годов, и видишь, как фактически на всех стоит печать трагизма. Это состояние не могло длиться бесконечно, безысходно, что-то должно было произойти, какие-то действия должны были прорваться сквозь накопившиеся внутри русских людей обиды, злость и проклятья к лжецам и наделенным властью проходимцам. Русское восстание вызревало и в сентябре 1993 года прорвалось в центре Москвы, на Красной Пресне. Вслед за восставшим Верховным Советом восстал народ.

Все эти двенадцать дней противостояния с ельцинско-гайдаровской нелюдью я находился у Дома Советов. Я был и свидетелем и участником этой великой, хоть и неудавшейся русской революции. Затем, после расстрела Белого Дома, всё, что я видел и знал, всё, что пережил и о чем думал в эти дни, я описал в двух статьях: «Москва, кровью умытая» и «Ритмы расстрела», которые вышли к читателям в «Молодой гвардии». Затем в течение целого года мы в каждом номере давали статьи, очерки, письма, стихи, рассказы под рубрикой «Чёрный октябрь».

После событий 3—4 октября над русской прессой вновь (как и в августе 1991-го) нависла опасность разгрома. С экрана ТВ т.н. «демократы» с перекошенными от злобы лицами требовали «раздавить гадину» и ликвидировать патриотические газеты и журналы. С аналогичным обращением к Ельцину они же выступили в газете «Известия». Под этим расстрельным письмом стояли сорок две известные фамилии. Многие русские газеты действительно были закрыты.

Однако русская печать не дрогнула, более того — она стала еще смелее и прямее. Все вещи и всех мерзавцев она еще упорнее стала называть своими именами, несмотря на оскорбления, угрозы, доносы, провокации и прямые воздействия наших идейных врагов и русофобов. Переходя из номера в номер, в «МГ» печатались совершенно уникальные

для своего времени произведения, приковывавшие внимание многих тысяч русских людей, — духоподъемные работы митрополита Иоанна (Снычева), документальные повествования Николая Кузьмина «Возмездие» и «Чёрные тюльпаны перестройки», главы романа Владимира Успенского «Тайный советник вождя», яркие литературные портреты современников, созданные Владимиром Цыбиным, Феликсом Чуевым, Станиславом Золотцевым, хлесткие публицистические статьи Валентина Распутина, Эдуарда Володина, Анатолия Ланщикова, Николая Федя, Эдуарда Хлысталова, Виктора Илюхина, Николая Коняева, Сергея Семанова, Юрия Воробьевского, Михаила Антонова и многих других известных русских писателей. Это была истинная Гвардия лучших представителей народа, сражавшаяся на переднем фронте с коварным и жестоким противником.

Знакомые поэты не раз говорили мне: «Ведь ты же поэт, у тебя такая лирика!.. Зачем ты тратишь силы и невосполнимое время на борьбу? зачем воюешь с этими уродами? зачемрываешься на неприязности?..» А кто-то удивлялся: «Почему ты работаешь в отделе публицистики, а не в отделе поэзии?» Странно мне было сталкиваться с этим непониманием. Только и оставалось ответить им словами Некрасова: «Не может сын глядеть спокойно на горе матери родной...» Видимо, в силу своего характера я не мог оставаться в стороне от мыслительной деятельности нашего времени. Я видел, знал, чувствовал всем сердцем, где правда и где ложь. И мне было что сказать русскому читателю. К тому же публицистика в эти годы стала главным литературным жанром для пишущих и думающих людей. Мои статьи и стихи выходили в журнале практически через номер...

...1999 год стал для коллектива нашей редакции в прямом смысле трагическим. В мае не стало А.С. Иванова, а в октябре ушел из жизни заменивший его А.А. Кротов. Этот тяжелый моральный удар мог переломить направление и всю работу журнала. Нужно было брать груз ответственности на себя, чтобы сохранить влияние «Молодой гвардии» на общественное сознание России и не потерять связи с нашими испытанными, авторитетными авторами, чтобы не уронить высокой планки профессионализма в творческой и редакторской работе журнала.

Финансовое положение журнала к тому времени было очень трудным. Денег от подписки уже не хватало на выпуск ежемесячных номеров, на выплату зарплаты, за аренду кабинетов и коммунальные услуги. Мы, новое руководство, вынуждены были пойти на кардинальные действия и серьезные из-

менения в работе, потому что иначе журнал прекратил бы свое существование. Пришлось приступить к выпуску сдвоенных номеров, пришлось ужаться до минимума, оставив редакции лишь два кабинета на этаже, который мы занимали, ну и, само собой, пришлось сократить редакционный коллектив. Это дало нам возможность устоять, не рассыпаться в удушающей атмосфере того экономического и морального гнёта, при котором нас в прямом и в переносном смысле очень хотели задушить. Погубить журнал нашим недругам не удалось. И самое главное, мы удержали поднятый вес национального издания, мы не отступили ни на шаг от ранее выбранного пути.

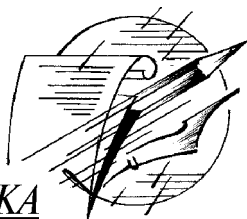
* * *

Умер Василий Белов. Это невосполнимая потеря для нашей литературы и всей русской культуры. С уходом таких людей Россия сиротеет. Такие люди — наша духовная защита. Их остаётся всё меньше. Их никто не заменит. Великих, мощных писателей создаёт великое время. Подлые «времена» великих писателей не рожают.

Вышел в свет 2-й том шеститомного Собрания сочинений Валерия Хатюшина. Справки о приобретении 1-го и 2-го томов по телефону: 8 (495) 787-35-22 (ср., чт.).

МИРНОЕ ВРЕМЯ

Осенью прошлого года исполнилось тридцать лет, как с кончиной Леонида Ильича Брежнева завершилась целая эпоха в жизни советского народа. Время всё расставляет на свои места: уходят досужие байки, стираются сплетни и домыслы. Остаётся главное, и теперь уже ясно, что связанное с этим человеком время в жизни нашей Родины было едва ли не самым безоблачным и благополучным за всю её тысячелетнюю историю. Пришла пора, наконец, признать очевидное: в череде войн, революций и прочих потрясений восемнадцать сравнительно спокойных лет с 1964 по 1982 год, связанные с именем Леонида Ильича, остались в памяти современников золотым веком в истории страны — и не только новейшей её истории. Неслучайно даже теперь при многочисленных социологических опросах на вопрос, когда лучше жилось, при Ельцине или при Медведеве, люди часто отвечают уверенно и без колебаний: при Брежневе! И это — несмотря на все усилия официальной пропаганды, старательно вытравляющей из народной памяти исторически недавнюю эру благополучия и процветания. Вот ещё показательный термин,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

входящий в широкий обиход: «мирное время» — имеется в виду эпоха развитого социализма до начала перестройки. «Это было ещё тогда, в мирное время!» — приходится порой слышать в разговорах.

Я хорошо помню тот ноябрьский вечер 1982 года, вскоре после праздников. Позвонила испуганная бабушка — ей сказал сосед, что умер Брежнев. Совсем недавно, весной, слух об этом уже ходил в народе, но, к счастью, не подтвердился. Как раз начиналась ежевечерняя программа «Время», и мы с родителями с замиранием сердца включили телевизор. Однако никаких траурных объявлений не последовало — программа шла как всегда, своим чередом. Репортажи с заводов, вести с полей, международное положение. Всё шло как обычно, и уже отлегло было от сердца, как мама вдруг заметила: вы посмотрите, они же все в чёрном! Действительно, дикторы сидели за студийным столом с помрачневшими лицами и все сплошь в чёрных костюмах, и даже Нина Ерёмкина, спортивный обозреватель, тоже была в чёрном платье. Скорбная весть уже стучалась в двери, но во властных кругах наверху что-то, видимо, ещё не было готово. Лишь завтра, ранним утром, известие о смерти генсека прогремело по стране пушечным выстрелом. Днём уже по всему Кутузовскому проспекту Москвы, рядом с моей школой, развевались на холодном осеннем ветру непривычные для глаз траурные флаги с чёрными повязками. Действительно, не считая короткого однодневного траура по маршалу Тито, моё поколение пятнадцатилетних подростков никогда доселе не видело траурных флагов. Начались скорбные дни — прямая трансляция похорон по школьному телевизору, потемневшие лица школьных учителей и плакавшая навзрыд старушка-гардерщица. И вот ещё что осталось в подростковой памяти — моя бурная радость по поводу глазированных сырков, которые нам вдруг дали на школьный завтрак. Сырки эти были в самом далёком детстве, но потом, в середине семидесятых, вдруг пропали — пропали совсем, на долгие годы, как и многое другое. И вот, оказалось, что эти сладкие цилиндрики в шоколадной глазури, обёрнутые в сине-жёлтую фольгу и похожие по форме на уменьшенный в десятки раз футляр старой швейной машинки, неожиданно вернулись из прошлого. Смотрите — сырки, сырки! — воскликнул я громко. Учительница словесности в траурной повязке на рукаве подошла и укоризненно покачала головой — как тебе не стыдно, Миша! Вся страна скорбит, такое горе, а ты радуешься как-им-то сыркам! Мне, конечно, стало стыдно, и этот её упрёк врезался в память.

Если теперь оглянуться назад и попытаться вспомнить разговоры и настроения старшего — тогда — поколения, ныне уже почти полностью ушедшего в мир иной, то чаще всего приходилось слышать одно — хорошо, что во главе страны Брежнев! При Брежневе точно не будет репрессий, дай Бог ему здоровья! Нам же и тем, кто шёл за нами, мысль о возможных репрессиях даже не приходила в голову, мы-то ничего уже не боялись, но взрослые, пережившие суровое сталинское время, помнили страх перед грозной государственной машиной. Увы, все великие достижения тридцатых, сороковых и начала пятидесятых годов были в значительной мере омрачены, как писали при Л.И. Брежневе, «грубыми нарушениями социалистической законности». И лишь эпоха развитого социализма по праву знаменует собой вершину славы и могущества великой державы. Забегая вперёд, следует сказать, что опасения старших, к сожалению, оправдались, но беда на этот раз пришла, откуда не ждали. Не прошло и десяти лет после кончины Леонида Ильича, как кровь десятков тысяч людей вновь полилась потоками по всему пространству великой страны, запылавшему горячими и горящими точками. Сумгаит, Карабах, Приднестровье, Абхазия, Таджикистан, Чечня. Сколько их было, убитых по всей стране в конце восьмидесятых и в девяностых годах — в погромах и локальных гражданских войнах? Кто знает, кто считал! Вот он, новый исторический опыт уже моего поколения — не существует никакой принципиальной разницы между государственным террором сверху и националистическим террором снизу. Ослабленное, парализованное государство, анархия и безвластие ведут к столь же трагическим последствиям, как и тоталитарная диктатура.

Эпоха Леонида Ильича, при всех её недостатках, была всё-таки отмечена повышением жизненного уровня, устойчивым развитием промышленности, научным прогрессом, расцветом культуры, науки и образования и одновременно с этим — гуманизмом и терпимостью. Миллионы советских людей получили в то время современные и благоустроенные городские квартиры со всеми удобствами, переселившись из бараков. Развитие страны шло вровень с ведущими западными странами — к примеру, цветное телевидение появилось в СССР и во Франции в один и тот же год. Современные автомобили, современная бытовая техника — холодильники, телевизоры и многое другое — входили в обиход практически одновременно в Советском Союзе и за рубежом. Лётчики тогда говорили, что, пролетая ночью над южными и восточными границами Союза, они легко распознавали контуры великой страны по морю огней в советских городах. С нашей

стороны светились огни, зримое воплощение электрификации, по ту же сторону границ царил темнота.

При Брежневе уже не было политических репрессий. Никто не боялся рассказывать анекдоты про престарелого генсека, которых ходило в народе великое множество — по большей части беззлобных и далёких от политики. Говорят, что сам Леонид Ильич с удовольствием слушал весёлые и искромётные анекдоты про самого себя, смеясь от души. Анекдот, этот вид народного творчества в устной речи, расцвёл в ту пору как никогда ни прежде, ни потом. Прежде боялись, а после стало совсем уже не до смеха.

В этой странной эпохе осталось очень многое — то, что мы потеряли безвозвратно и навсегда. Перерывы между телевизионными передачами заполнялись не бесконечными рекламными паузами, а красивыми фотоэтюдами о природе, дабы развивать у трудящихся чувство прекрасного и радовать глаз. Ныне каждая секунда эфира, как известно, на вес золота, тогда же время на государственном телевидении не стоило ничего, ни копейки. Над фасадами зданий пестрели не рекламные названия зарубежных фирм — Сапон и пр., а такие добрые и пронзительные призывы: «Слава нашей Родине!», «Миру — мир!», «Народ и партия едины!» и т.п. Тогда эти лозунги казались навязчивыми и раздражали, теперь же воспоминание о них греет душу. В том странном времени не было ни СПИДа, ни порнографии — да и эротики, впрочем, тоже, ни наркотиков, ни нищих, ни бездомных, ни трактов, ни зачисток, ни спецопераций на беспокойных окраинах. Безмятежный мир царил над огромной страной. Сегодня, оглядываясь назад, особенно остро чувствуешь, как мирное время шестидесятых-восьмидесятых годов несправедливо оболгано и оклеветано нынешней пропагандой.

Что можно поставить этому времени в вину? Очереди в магазины за продуктами? Они казались в то время вполне естественным следствием урбанизации — да, колхозники переселяются в города, сельское население быстро сокращается, и продуктов порой не хватает. Что вы хотите, деревни-то обезлюдели, работать на земле стало некому! — так часто приходилось слышать в те годы, и в этом объяснении была значительная доля правды, хотя и неполная. Действительно, сельское население СССР год от года неуклонно сокращалось, уменьшившись за время руководства Л.И. Брежнева с 48 до 36 % от общей численности, то есть на целую четверть. С одной стороны, видимо, нужны были большие вложения в сельское хозяйство, большее внимание к труженикам села со стороны властей — принятая в 1982 году продовольственная программа, увы, слишком опоздала. С другой же сторо-

ны, вчерашнему трактористу или доярке, перебравшимся в город вслед за другими односельчанами и прихватившими вместе с собой последних оставшихся в деревне родственников, было довольно странно и не совсем логично требовать изобилия продуктов в городских магазинах. Да, очереди были, но здесь налицо подмена понятий, лукавый приём новой пропаганды. Очереди-то ведь были в государственные магазины за продуктами по искусственно заниженным ценам! И, следует оговорить особо, — хлеб, фантастически дешёвый, был везде и всюду, безо всяких очередей и ограничений. Никто в Советском Союзе не был голодным. Если хочешь купить мясо по два рубля за килограмм — да, приходилось постоять в очередях. Не хочешь очередей — иди на рынок! На рынках, по рыночным ценам, было всё и всегда и безо всяких очередей — парная вырезка, домашние молочные продукты, любые фрукты и овощи, всё, что только душа пожелает! Разница с нынешним временем заключается лишь в том, что теперь нет государственных магазинов с неправдоподобно дешёвыми, дотационными ценами. Если бы такие магазины существовали сегодня, то в них тоже стояли бы очереди — иначе и быть не может, иначе не бывает нигде и никогда. У каждого, в конце концов, имелся тогда выбор — идти в магазин или на рынок. Изобилие же, к примеру, мясных продуктов на прилавках в наше время говорит скорее не о росте производства мяса в стране, а лишь о том, что далеко не всем эти продукты теперь доступны.

Пришла, наконец, пора разоблачить мифы об эпохе развитого социализма. Это неправда, будто при Л.И. Брежневе экономика страны была застывшей и косной. При всех недостатках и ошибках были попытки обновления, были поиски новых форм собственности — те же жилищно-строительные кооперативы, появившиеся в середине шестидесятых годов. Не хочешь ждать новую квартиру, стоя годами в очереди за государственным бесплатным жильём — плати деньги, покупай кооператив!

Термин «эпоха застоя» был насильно навязан обществу в годы перестройки. Но о каком застое можно говорить, если темпы роста ВВП во времена Л.И. Брежнева устойчиво составляли 3—4%, а в конце 1960-х годов достигали даже 7%? Советская экономика была в то время второй в мире, уступая только США. Доля Советского Союза в мировом промышленном производстве составляла тогда 20% — для сравнения: теперь доля новой России составляет едва четыре процента. Это не просто разные цифры, это — настоящая пропасть. По индексу развития человеческого потенциала, согласно официальной статистике ООН, Советский Союз занимал в конце

1980-х гг. 26-е место в мире. Согласно некоторым данным, СССР при Л.И. Брежневе входил по уровню жизни даже в первую десятку стран. Для сравнения: теперь Россия занимает по этому показателю то ли 66-е, то ли 71-е место. Так где же настоящий застой и когда он на самом деле начался?

Ещё один миф, усиленно навязываемый нам либералами, — якобы все успехи советской экономики были связаны исключительно с военно-промышленным комплексом. Нет, развитие экономики было многосторонним. Это в СССР был создан и испытан первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолёт, это в СССР появился и вошёл в серийное производство первый внедорожник — знаменитая «Нива» Волжского автозавода, успешно экспортировавшаяся в западные страны. Это в СССР были построены первые атомные ледоколы, крупнейшие гидроэлектростанции, Байкало-Амурская магистраль.

Теперь — о культуре. Ниспровергатели социализма всё время талдычат нам о каких-то пресловутых заморозках после оттепели, о засилье дремучей цензуры. Между тем действительность далеко не так однозначна. Это при Л.И. Брежневе увидел, наконец, свет роман «Мастер и Маргарита» Булгакова, вышел в печать «Дом на набережной» Трифонова, была издана замечательная серия памятников философской мысли. Массовыми тиражами издавались произведения самых разных авторов как городской, так и деревенской прозы — произведения о судьбах народа и об отечественной истории, зачастую предельно честные, без лакировки и идеологического глянца. Это при Л.И. Брежневе впервые были изданы лучшие образчики эмигрантской литературы и на государственном уровне отдано должное патриотизму русских эмигрантов в годы Великой Отечественной войны (фильм «Мать Мария» и пр.). Это при Л.И. Брежневе расцвёл жанр авторской песни. Пели свои песни Высоцкий и Окуджава, и множество грампластинок с их записями, подчас критически острыми по отношению к официальной идеологии, издавались государственной фирмой «Мелодия» на Апрелевском заводе. Это при Л.И. Брежневе были осуществлены лучшие постановки в театре на Таганке, в «Современнике» и во многих других театрах — постановки яркие, новаторские и даже подчас бунтарские. В сценариях многих кинофильмов той поры — например, в комедиях Рязанова и Данелия — сквозила острая сатира на советскую действительность, но filmy эти, тем не менее, шли в широком прокате. Да и Жванецкий со своими хлёткими миниатюрами имел доступ и к телевизионному экрану, и к грамзаписи. Тогдашняя власть старалась, насколько могла, понять деятелей культуры и

искусства, поддержать, пойти навстречу самым смелым их начинаниям. Границы дозволенного и разрешённого в эпоху развитого социализма были существенно раздвинуты. Может быть, эти границы смешались и не так быстро, как того хотелось отдельным нетерпеливым бунтарям, будущим «про-рабам перестройки», но процесс этот шёл и был, безусловно, поступательным.

Если же кому-то теперь, с высот нынешнего времени, эпоха «развитого социализма» кажется недостаточно свободной, то следует вспомнить о принципе исторической относительности и сравнить общественную атмосферу при Л.И. Брежневе с грозной предыдущей эпохой, тогда ещё столь недавней. В самом деле, чем грозили обычному советскому человеку открытая словесная критика в адрес Л.И. Брежнева, других советских руководителей, да хоть бы и всей Советской власти? Вероятно, слишком строгий критик тогдашнего общественного строя не стал бы депутатом Верховного совета СССР. Возможно, не смог бы поехать в престижную зарубежную командировку. Может быть, даже не был бы допущен к преподаванию в институтах общественных наук. Но я не уверен, что у какого-нибудь американского коммуниста, открыто симпатизировавшего СССР, было в то время больше шансов быть избранным в Конгресс или получить кафедру в Гарварде. Да и нынешние стандарты свободы в ведущих западных странах вызывают подчас недоумение. Если вы в Германии хотя бы просто сомневаетесь в достоверности фактов о холокосте, то рискуете реально оказаться за решёткой, причём надолго! В Турции же, ещё одной вполне «демократичной» по западным меркам стране, тюремным заключением карается уже, наоборот, одно только утверждение о геноциде армян в 1915-м. И западные лидеры имели наглость в продолжение многих десятилетий учить нас правам человека. Разумеется, идеального общественного устройства не существует, всё познаётся в сравнении. Если реальное положение дел с правами человека в СССР во времена Л.И. Брежнева называть авторитаризмом, то следует признать, что столь же или почти столь же авторитарным было общество и в большинстве западных стран — и в то время, и ныне.

Да, во времена Л.И. Брежнева в СССР существовала только одна политическая партия — по сути, даже не партия как таковая, а государственная структура. Но в самом этом факте была отражена, в известной мере, историческая случайность. Первый высший орган власти в стране — ВЦИК — был в 1917 году, как известно, многопартийным. И не случись летом 1918 года мятежа, вполне возможно, что какие-нибудь левые эсеры продолжали бы вплоть до 1990-х годов

занимать часть мест в Верховном Совете, представляя послушную «системную» оппозицию — как это было в ГДР и в других странах народной демократии, как это есть теперь и у нас. Так что же было делать Л.И. Брежневу — не создавать же партию левых эсеров заново, лишь бы только политический фасад страны выглядел изящнее? Фасад этот достался ему по наследству, так уж сложилось. Да, тогда в СССР не было ни оппозиционных газет, ни оппозиционных телеканалов. А что, разве сейчас у нас есть оппозиционные телеканалы? Где, на какой кнопке? Пусть мне подскажут знающие люди — я-то сам, крутя ручку телевизора, что-то их не нахожу. По неведению своему, наверно.

Новая эра наметилась в ту пору и в отношении власти к религии. С приходом Л.И. Брежнева к руководству было ostановлено начатое его предшественником массовое закрытие церквей, прекратились гонения на Церковь: тогдашний патриарх Пимен сидел в торжественных президиумах, увешанный советскими орденами. Всякая оскорбительная антирелигиозная пропаганда была на государственном уровне полностью прекращена ещё в 1964 году. Если что-то и писалось про Церковь в официальных советских изданиях, то подчёркнуто корректно, вроде того, что «наша Русская Православная Церковь вместе со всем советским народом успешно борется за мир во всём мире!».

В международных отношениях при Л.И. Брежневе наметилась разрядка напряжённости и разоружение — во многом благодаря личным усилиям самого Леонида Ильича. После эксцентричных выходов Хрущёва возобладал, наконец, разумный и взвешенный курс на мирное сосуществование с западным миром, был подписан акт совещания в Хельсинки, закрепивший послевоенные границы и давший новые гарантии соблюдения прав человека. Именно в эпоху Л.И. Брежнева Советский Союз прочно и надёжно вошёл в число демократических стран с развитой экономикой.

Совершенно необоснованными и несправедливыми видятся теперь нападки на социалистическую демократию в СССР. Да, выборы при Л.И. Брежневе во все органы власти были безальтернативными — но это отнюдь не означает, что они не являлись свободными. Никто не мешал простому советскому человеку поставить галочку в графе «против», или просто испортить бюллетень. Условия голосования в то время — закрытые со всех сторон кабинки со столиком и лампой внутри — гарантировали отсутствие внешнего контроля со стороны. Скрытых камер в ту пору, разумеется, не было и в помине. Поэтому те девяносто девять процентов, которые неизменно получал в целом по всей стране «нерушимый блок коммуни-

стов и беспартийных», отражали реальную степень поддержки населением существовавшей власти. Приходится теперь признать честно и откровенно, что столь широчайшей социальной базы, как при Л.И. Брежневе, власть в нашей стране в обозримом прошлом не имела никогда.

Ещё один важнейший вопрос связан с межнациональными отношениями. В стране, где два основных государствообразующих народа — русские и украинцы — в общей совокупности составляли две трети населения СССР, личность Леонида Ильича с его южным говором, всю жизнь попеременно писавшимся в документах то русским, то украинцем, как нельзя лучше олицетворяла союз братских народов. Работа же его на постах первого секретаря ЦК республиканских компартий Казахстана и Молдавии способствовала тому, что и для этих народов он был своим человеком. «Какой красивый молдаванин!» — кажется, именно так сказал о Брежневе Сталин на XIX съезде партии.

Сам Л.И. Брежнев был наилучшим отражением своей эпохи. Выпускник металлургического института, инженер по образованию. Отважный герой-фронтовик, прошедший через самое пекло «Малой земли» и участвовавший в боях бок о бок с рядовыми солдатами. Выходец из простой рабочей семьи, Леонид Ильич являл собой безусловный образец настоящей интеллигентности и в языке, и манерах, отражал все лучшие черты своего времени. Речи его были проникнуты уверенным спокойствием и неизменной доброжелательностью, интеллигентным мягким юмором. Л.И. Брежнев никогда бы не договорился до обещаний замочить кого-то в сортире или до хвастливых заявлений, что слова его якобы отливаются в граните. Такого и представить себе было нельзя! Можно, разумеется, в очередной раз посмеяться над чтением заготовленных на бумаге текстов, но иной раз слушая современных политиков с их блатным жаргоном, невольно подумаешь — уж лучше бы они читали по бумажке, как Леонид Ильич! Речи Брежнева, если открыть и перечитать их сейчас, поражают своей человечностью и простым душевным теплом. Чуждый позёрству, генсек говорит и печётся в своих выступлениях о вполне обыденных вещах — статистике роста народного хозяйства, числе построенных домов и заводов, о домах, железных дорогах и кораблях. И ещё — его страстные призывы к миру, к разоружению, к разрядке, выраженные простым человеческим языком. Таким и входил он в каждый советский дом с экранов черно-белых и первых цветных телевизоров — словно заботливый отец и дед, настоящий отец нации, за которого никогда не было стыдно.

Он не держался за власть подобно многим — напротив, как стало известно уже позднее, несколько раз поднимал вопрос о своей отставке, собираясь уйти на покой. Но политбюро и весь государственный аппарат буквально валялись у него в ногах, упрашивая не уходить, продержаться ещё хотя бы немного. Он был нужен своей стране в качестве живого символа стабильности и спокойствия. И этот старый и больной человек держался — повинувшись чувству долга, из последних сил нёс тяжкое бремя высшей власти. И пронёс его до конца, до тех самых ноябрьских дней 1982 года.

Очень скоро настанет новое время, когда общество посмотрит на личность Л.И. Брежнева другими глазами, переосмыслив пройденный страной путь под его руководством. Этот человек сделал государственный строй более человеческим, приблизил задачи государства к нуждам и чаяниям простых людей. Рано или поздно придётся вернуться ко всему тому, что было бездумно отвергнуто в последующую эпоху — к элементам государственного планирования и регулирования в экономике, к государственной монополии на природные ресурсы страны, к большей социальной защищённости простого человека. Это новое время уже рядом, уже стучится в наши двери.

Юрий РУБЦОВ

90-ЛЕТИЕ СССР И НАШЕ БУДУЩЕЕ

Уходя с поста госсекретаря США, Хиллари Клинтон предупредила, что Америка намерена помешать созданию новой версии Советского Союза под названиями «Таможенный союз или Евразийский союз». Российские власти, заметила она, только драпируют свой план соображениями экономической интеграции, но мы, провозгласила госпожа Клинтон, «знаем, что является целью, и мы попытаемся найти эффек-

тивный способ для замедления или предотвращения этого процесса».

Нетрудно понять, почему США против проекта Евразийского союза. Есть страх того, что в Евразии появится центр силы, соразмерный с Советским Союзом по военно-экономическому могуществу и весу в международных делах. Уже 20 с лишним лет на карте мира нет Союза ССР, а его геополитический противник до сих пор вздрагивает при мысли о появлении в XXI веке геополитического аналога евразийской сверхдержавы.

Созданный в 1922 году Союз Советских Социалистических Республик («Договор об образовании СССР», утвержденный на Первом съезде Советов, на котором были представлены четыре советские социалистические республики — Российская Федеративная, Украинская, Белорусская и Закавказская Федеративная, датируется 30 декабря 1922 г.) просуществовал без малого 70 лет (декларация о прекращении существования СССР была принята верхней палатой Верховного Совета СССР — Советом Республик — 26 декабря 1991 г.). Где созидательным трудом народов, столетиями живших бок о бок под скипетром «белого царя», а где железом и кровью большевики фактически восстановили в границах Российской империи государство, разрушенное революцией 1917 года и Гражданской войной. Осуществив индустриализацию, Советский Союз стал тем волноломом, о который разбились вооруженные силы Европы, объединенные Гитлером для похода на Восток. Наша страна спасла не только народы исторической России, но и мировую цивилизацию...

Внеся решающий вклад в победу над германским фашизмом и японским милитаризмом, Советский Союз обрел невиданное международное влияние. При его самом активном участии была создана Ялтинско-Потсдамская система международно-правовых отношений, которая при всех оговорках до сих пор бережет мир от новых мировых конфликтов. Решению этой сложной задачи несколько десятилетий служил сформированный при лидерстве СССР континентальный геополитический блок — Варшавский Договор.

На протяжении большей части своей истории СССР давал пример самого динамичного в мире экономического развития, а опыт решения в нашей стране социальных проблем был заимствован рядом европейских государств, которые позднее стали без иронии называть «странами победившего социализма». Советскую модель развития восприняли многие народы мира.

Крушение Советского Союза, сказал В.В.Путин, стало «крупнейшей геополитической катастрофой XX века». С этой оценкой президента Российской Федерации солидарны десятки миллионов наших сограждан и соотечественников, в том числе оказавшихся за пределами Российской Федерации. По данным Левада-центра, полученным в 2010 г., распад СССР расценивали как большую беду 55% россиян. Да, число их за предшествовавшие годы сократилось — по данным международных опросов населения в рамках программы «Евразийский монитор», в 2006 г. о распаде Советского Союза сожалели 68 % опрошенных жителей России, 52% — Белоруссии и 59% — Украины.

Социологи уверяют, что привыкание к постсоветской реальности неизбежно, и острота памяти о геополитической катастрофе конца XX века со временем будет слабеть. Привыкание, безусловно, неизбежно, но станет ли от этого кому-то лучше? Корень вопроса — не в свойстве человеческой памяти удерживать лучшее, забывая плохое. Людей, переживших советскую эпоху, побуждает с теплотой вспоминать об СССР не столько ностальгия, сколько утрата в сегодняшней действительности многого из того, что было и 30, и 50 лет назад. И больше всего новая действительность, появившаяся после распада СССР, рассматривается его бывшими гражданами через призму ломанных-переломанных человеческих судеб. Реальность сегодняшнего дня — чересполосица госграниц, обострившиеся межнациональные конфликты, разрыв экономических и культурных связей, складывавшихся на протяжении десятилетий, а то и столетий, заметное, а где-то обвальное падение уровня жизни, безработица, вызвавшая многомиллионные потоки трудовой миграции, невозможность для очень многих людей вернуться на историческую родину и жить там — всё это стоит за восприятием распада СССР как общей беды для миллионов людей.

Потому и отторгаются всякие попытки нарисовать советское прошлое сплошными черными красками. Недавно одну из таких неуклюжих попыток, предпринятую обозревателем «Огонька» Григорием Ревзиным, остроумно высмеял писатель Захар Прилепин. «Огоньковец» решил разобраться с советским наследием по-простому: «Что было потом со здравоохранением, образованием и даже общественным питанием, мы хорошо знаем по истории — они прекратили свое существование». «Ясно вам?.. — иронизирует в ответ З. Прилепин. — Не было у нас ни здравоохранения, ни образования вовсе. Сам Ревзин, видимо, учился по записям деда на берегу, питался кореньями и ими же лечился».

Все минувшие после распада СССР два десятка лет не оставляет мысль: предрешена ли была судьба Советского Союза или его можно было сохранить? Враги и идеологи «похоронной команды» убеждают: СССР был обречен. Другие не столь категоричны, но считают шансы на историческое выживание СССР минимальными, ссылаясь на нараставший год от года проигрыш экономического соревнования с Западом и неподъемные материальные и военные обязательства, включая войну в Афганистане.

На мой взгляд, последовавшие за распадом великой державы два десятилетия всё больше и больше убеждают: сохранить Советский Союз было возможно. Современная российская экономика уж никак не сильнее, а по большинству показателей намного слабее экономики СССР, но единое государство-то существует и развивается. Пример Китая также подтверждает, что при последовательном курсе на модернизацию производство всегда находят ответы на вызовы, вставшие перед СССР в последние перед распадом годы.

Геополитическая катастрофа произошла, прежде всего, потому, что подгнила одна из важнейших несущих конструкций Советского государства — его властная элита стала по существу антисоветской, антигосударственной. В этом смысле хрущевское, а тем более брежневское Политбюро обрело троцкистские черты: на смену «русскому империалисту» Сталину пришли «интернационалисты», одной рукой увеличивавшие военные расходы СССР, а с другой — безоглядно расходовавшие ресурсы на поддержку любого режима, заикнувшегося об «антиимпериалистическом курсе». Горбачева с его «прорабами перестройки» и вовсе ни к чему вспоминать: как признался в 1999 г. этот косноязычный первопроходец «нового мышления», «целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма... Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране».

А еще одна конструкция, которая могла бы удержать пошатнувшийся Союз, даже не была толком возведена: **в СССР в погоне за «интернационализмом» русскому народу было, по существу, отказано в его государствообразующей роли.** Не в обиду другим народам, именно русские, защищая Советский Союз, вынесли на своих плечах основную тяжесть Великой Отечественной войны, а вот когда зашаталось союзное государство — не подставили своё натруженное плечо, согласились с «независимостью» РСФСР. Это был, если угодно, массовый протест против ущемления русского национального самосознания. И точно так же сегодня попытки

растворить русский народ в многонациональном и безнациональном конгломерате «россиян» — это мина замедленного действия под Российскую Федерацию.

Восстановление СССР в прежнем виде невозможно, и по большому счету его не желает никто. «Наивно пытаться реставрировать или копировать то, что уже осталось в прошлом, но тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе — это веление времени» — так прокомментировал В.В. Путин прозвучавшую из Америки угрозу воспрепятствовать созданию Евразийского союза. Ключевые слова здесь — «на новой ценностной, политической, экономической основе».

То, что в XXI веке выжить поодиночке бывшим некогда вместе республикам окажется неимоверно трудно, если не невозможно, понимают и политики, и рядовые граждане. В начале декабря 2012 года ВЦИОМ представил результаты ежегодного исследования о том, какие из стран СНГ граждане Российской Федерации считают самыми надежными и стабильными партнерами. Ими оказались страны Таможенного союза — Белоруссия (46%) и Казахстан (38%). Замкнула тройку лидеров Украина, ее назвали 17% респондентов. Предпочтения, высказанные в ходе этого социологического опроса, указывают то направление, по которому, во исполнение народных надежд, будут двигаться наши страны, создавая мощное наднациональное объединение государств, способное стать одним из полюсов современного мира на стыке между Европой и Азией.

ПРОРОЧЕСКИЙ ЗОВ

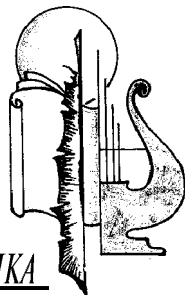
К 85-летию писателя А.С. Иванова

5 мая 2013 года исполнилось бы 85 лет со дня рождения крупного русского прозаика современности, ушедшего от нас в 1999 году, Анатолия Степановича Иванова.

Даже ультралиберальная в те годы «Литературная газета» (от 9.06.1999 г.) признала его «автором знаменитых романов-эпопей «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов», особенно прославившихся благодаря многосерийным телеэкранизациям в 70-е годы», наградив его именем «популярного советского беллетриста, который яростно боролся с сионистами, декадентами и диссидентами всех мастей...»

«С Анатолием Ивановым и такими, как он, отходит в прошлое целая историческая эпоха. — не преминула поёрничать «ЛГ». — Проводим её молча и по возможности спокойно и прилично. Достойное расставание с нашим прошлым — залог достойного будущего».

Думаю, куда достойней и приличней ныне, по прошествии уже изрядно заклеянного той же либеральной печатью беспредела 90-х годов, с уважением относиться к своему прошлому, дабы не прослыть дикими и невежественными, о чём предупреждал ещё великий Пушкин.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Имя А. С. Иванова засияло на литературном небосводе в конце 1950-х — начале 1960-х годов с выходом в свет его лирико-исповедальных, продолживших романтическую традицию в русской прозе, рассказов «Алкины песни», посвящённых, конечно же, вечному и всепоглощающему чувству любви, романов «Повитель» и «Тени исчезают в полдень», в которых поднята зловещая проблема, чрезвычайно актуальная для наших дней, — собственничества.

Как показало с исчерпывающей полнотой остроконфликтное развитие исторических событий в «перестроечной» России, «Повитель» и «Тени исчезают в полдень» стали пророческими книгами, зримо и убедительно показавшими, куда мы идём и куда поворачиваем. Не потому ли нынче их активно читают люди, оказавшиеся в цепких лапах пресловутых «реформ» и псевдодемократических «преобразований», а точнее сказать, под жутким и нестерпимым прессом молниеносно реставрируемого на крови и страданиях миллионов простых граждан капитализма.

1960—1970-е годы, на которые выпал взлет творческого пера А. Иванова, ознаменовались в нашей литературе бурным развитием жанра романа, главным предметом изображения которого стала русская история, тесно сопряжённая с отдельной человеческой судьбой. В романе «Тени исчезают в полдень» выражен пристальный интерес автора к противоречивой идеологической сфере советской действительности, к морально-этическим и национальным ценностям духа, к сложным и запутанным нравственным поискам, причём решаются они в философском ключе, в аспекте острейшей и непримиримой схватки истинных и мнимых ценностных ориентиров.

В романе чётко и недвусмысленно определена авторская позиция: действия людей не хаотичны и не случайны, обусловлены сложными внутренними связями, идейными, психологическими и социальными обстоятельствами, хотя кажутся, на первый взгляд, сугубо личными, индивидуальными, независимыми друг от друга.

Писатель не скрывал, что творческой школой для него в осмыслении мира и человека стала шолоховская эстетика с её пристальным интересом к судьбе положительно-прекрасного героя в контексте трагических социально- исторических переломов. Не потому ли в ярких «положительных» персонажах А. Иванова и в их драматически сложившихся судьбах зримо угадывается продолженная на новом витке общественного бытия судьба гениально воссозданного творческой рукой М. Шолохова Григория Мелехова?..

Выработался чёткий художественный метод писателя, строго направленный в сторону осмысления народной судьбы, сложных, неоднозначных, противоречивых до парадоксальности народных характеров. Столь же уверенно можно говорить и о заимствованной и творчески развитой А. Ивановым эстетической неоднородности и драматической конфликтности

персонажей Достоевского. В какие камуфлирующие одежды рядятся нравственные отщепенцы, живо напоминающие своим поведением отъявленного русоненавистника Смердякова, чтобы скрыть свою враждебную деятельность, — вот что интересует писателя в первую очередь. Представ под личиной «благоверных» религиозных фанатиков-сектантов, они на самом деле заражены лютой ненавистью к России, поддерживают активную связь с зарубежными идеологическими центрами, где верховодят кукловоды-русофобы.

Ещё в 1960-е годы А. Иванов прямо обозначил истоки формирования в СССР «пятой колонны», которая сыграет впоследствии решающую духовно-разлагающую роль в разрушении Советского государства и возьмёт власть в свои руки в начале 1990-х... Вершиной в творческой эволюции А. Иванова «почвенническая», русско-патриотическая критика не без оснований признала двухтомный роман-эпопею «Вечный зов», в котором писатель не только достиг высокого художественного мастерства и гражданской зрелости, но и показал, что литература призвана исполнять роль вечного колокола, чтобы будить сознание соотечественника на защиту родины от нависшей опасности в канун пресловутых разрушительных «реформ». Без преувеличения, «Вечный зов» — пророческая книга, предсказавшая приход зловещих событий в России в роковые 1990-е годы.

В своих глубинных нравственно-философских и гражданских исканиях А. Иванов был не одинок. Объективности ради следует отметить, что в 1970-е годы немало смелых и мужественных русских писателей-патриотов-просветителей, трепетно озабоченных тлетворным влиянием на общество хвалёного западного либерализма, выразили серьёзную тревогу о грядущем Отечества. Сложное сочетание времени и пространства в ретроспективном изображении проявилось в «Судьбе» П. Проскурина, «Истоках» Г. Коновалова, «Береге» Ю. Бондарева, в рассказах, повестях и публицистике В. Распутина, В. Чивилихина, В. Солоухина, Б. Можая, недавно ушедших от нас И. Шевцова и В. Белова и других писателей-«почвенников». В своих ярких художественно-публицистических романах «Тля», «Свет не без добрых людей», «Бородинское поле», «Набат» друг и коллега А. Иванова по литературному цеху Иван Михайлович Шевцов прямо и конкретно указал на главнейшую опасность для советской России — возрождение троцкизма в сионистской оболочке, активно подпитываемого западными русоненавистниками с целью разрушить великую державу.

Взбешённая от ярости либеральная «элита» готова была живьём съесть каждого, кто осмеливался даже заикнуться о достоинстве и плачевном состоянии русского человека в своём собственном отечестве. А тут в целом ряде произведений высшей литературной пробы вдруг во весь голос зазвучал мотив оскорблённой и униженной русской судьбы!.. Общий пафос этих ярких патриотических книг звонким колоколом зазвучал: «Доколе?!»

Елена Владимировна Чивилихина — жена покойного выдающегося прозаика В.А. Чивилихина вспоминала: «Его (В.А. Чивилихина. — **В.Ю.**), русского писателя, очень сильно «зажимали», замалчивали. Ему не простили русской героики, которой пропитаны все его произведения. Володя, может быть, как никто другой, знал причину, понимал природу подобного отношения к русским писателям».

Испытывать на себе жестокие удары тайных и явных русофобов пришлось и А. Иванову. Его книги встали неприступной крепостью на пути озлобленно-свирепой либеральной «элиты». Мужественный писатель остался твёрдым и непреклонным, верным себе и своим творческим идеалам в разоблачении матёрых врагов русской жизни. Полипов, Лахновский, Валентик не просто противостоят положительным героям «Вечного зова», но выражают политическую программу русофобствующих сил в России и на Западе, проникают в самую сердцевину компартии, чтобы дискредитировать и разрушать её изнутри.

Напомню читателям ключевой фрагмент романа, из которого со всей очевидностью явствует, как в строгом соответствии с известной доктриной Даллеса на Западе планировалось уничтожение Советского Союза, когда ещё страна не успела оправиться после кровавой изнуряющей Великой Отечественной войны.

— Мы? Кто мы? — переспросил Полипова Лахновский. — Мы — это мы. Вы называете нас до сих пор троцкистами... Это была грозная сила. Вы много болтаете о троцкизме, но не знаете, не представляете, какая это была сила... И какое возмездие ждало Россию! Но ваш проклятый фанатизм одолел и эту силу. Это вам, всей России, всей вашей стране никогда не простится! Борьба далеко не окончена! наших людей ещё много в России. А за её пределами ещё больше. Ты даже не представляешь, какими мы располагаем силами. Какой мощью... Только действовать будем теперь не спеша. С дальним и верным прицелом... После войны мы пойдём другим путём. Будем вырывать эти духовные корни большевизма, опопшлять и уничтожать главные основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением... будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её!

На вопрос Полипова: каким же методом враги собираются сокрушить, казалось бы, незыблемую и несокрушимую советскую твердыню, Лахновский самоуверенно разглагольствует:

— Газеты, журналы, радио, кино... всё это у большевиков, конечно, есть. А у нас ещё больше. Вся пресса остального мира, все идеологические средства фактически в нашем распоряжении. Мы бросим всё, что имеем, чем располагаем... всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание людей способно к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить!

Мы найдём своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России! Мы их воспитаем! Мы их наделаем столько, сколько надо! И вот тогда, вот потом... со всех сторон — снаружи и изнутри — мы приступим к разложению... Мы, как черви, разедем этот монолит, продырявим его. Общими силами мы низведем все ваши исторические авторитеты, ваших философов, учёных, писателей, художников — всех духовных и нравственных идолов, которыми когда-то гордился народ, которым поклонялся до примитива, как учил, как это умел делать Троцкий... Историю народа мы будем трактовать как бездуховную, как царство сплошного мракобесия и реакции. Постепенно, шаг за шагом, мы вытравим историческую память у всех людей. А с народом, лишённым такой памяти, можно делать что угодно. Народ, переставший гордиться прошлым, забывший прошлое, не будет понимать и настоящего. Он станет равнодушным ко всему, отупеет и в конце концов превратится в стадо скотов. Что и требуется! Я приоткрыл тебе лишь уголок занавеса, и ты увидел лишь крохотный кусочек сцены, на которой эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия о гибели самого непокорного на земле народа, об окончательном, необратимом угасании его самосознания... Конечно, для этого придётся много поработать».

И «поработали»!.. Одного только не учили злобствующие «плановики» на Западе вкупе со своими марионетками в России: никогда не была и не будет сломлена воля великого русского народа. Никогда, ни в какие самые тяжкие времена своей многовековой истории русичи не мирились и не станут мириться с рабством, по праву заслужив высокое звание самого непокорного, гордого и свободолюбивого народа.

Русская свободолюбивая душа и рабство — несовместимы. Это квинтэссенция романа «Вечный зов», его основная идея, в этом его глубокий философско-пророческий смысл.

Продолжая развивать и утверждать идеологию русского национального патриотизма в её многовековом историческом срезе, в киноповести «Ермак» А. Иванов обратился к XVI веку — эпохе окончательного утверждения и бесповоротного закрепления российской государственности. Художник ищет причинно-следственные связи между прошлым, настоящим и будущим, пытается получить ответы на мучительные вопросы: что с нами нынче происходит, как могло случиться, что созданная веками упорнейшего труда и великой крови могучая российская держава вдруг оказалась на грани полного развала, в состоянии страшного социального хаоса и удручающей духовно-нравственной деградации?..

«Ермак» резко встряхнул наше национальное самосознание, напомнил о славных деяниях предтеч и заставил самокритично, взыскующе взглянуть на самих себя «со стороны»: достойны ли мы священной памяти своих великих предков?..

Праволиберальная пресса тут же обвинила писателя в пресловутом «русском шовинизме», в «колонизаторских настрое-

ниях» и даже в «оккупационном национализме»: как же, ведь инициировавший поход Ермака в Сибирь «кровавый тиран, изверг и палач» Иван IV, дескать, «мечом и кровью расширял свои владения», «жестоко угнетал свободолюбивые племена и народы» Сибирского края...

В художественно ярких картинах и образах А. Иванов убедительно развенчал затасканные псевдоисторические химеры, показал, что присоединение Сибири к России, как и Севера, и расширение южных границ — процесс исторически объективный и прогрессивный, в нём были заинтересованы как русские люди, так и многочисленные коренные народы, которых более трёхсот лет жестоко угнетали пришедшие с востока татарские завоеватели. Стычки с отдельными князьками местных племён не были правилом, скорее, исключением, «они не нарушали общей картины мирного и бескровного присоединения к России народов Сибири. Приход русских, стоящих на более высокой ступени развития, дал им (коренным жителям Сибири. — В.Ю.) толчок для продвижения по пути исторического прогресса. Дальнейшее освоение сибирских земель, лесов и недр шло совместными усилиями русских и народов этого края», — подчёркивает известный донской историк и писатель Василий Гнутов, автор романа «Подвиг Ермака».

Широко бытующие выражения, весьма активно насаждаемые в современных учебниках и монографиях по истории, — «колонизация Сибири, Севера, Востока», «покорение Сибири Ермаком» и пр. и пр. следует понимать с большой долей условности и, по сути, как неверные, с явной русофобской отрыжкой: разве справедливо называть «покорением» подлинное освобождение местных сибирских племён и народов от их злейшего врага и угнетателя Кучума? Это было не покорение, а избавление от непомерной дани и дикого геноцида, приобщение к великой русской нации в области экономики, культуры, духовной жизни?..

Северные и сибирские народы сохранились этнически, уберегли свой язык, культуру, обычаи, нравы только благодаря сближению (сближению — а не ассимиляции!) с могучей Россией.

Разумеется, не следует идеализировать сложные межнациональные отношения в Российской империи. Были в истории и военные походы русских войск на сопредельные земли с целью сохранения границ великой Российской империи. Но всякий раз эти войны не носили характер зловещей экспансии, не ставили целью истребить коренные народы, уничтожить их религию, культуру, как это с лёгкостью невероятной и потрясающей воображение «естественностью» делали (и делают!) иные американо-европейские «цивилизаторы» с коренными индейцами или африканцами, загоняя их в резервации, оставляя после своих конквистадорских походов кровь и пепел...

В киноповести «Ермак», конечно, нет подобных пространственных размышлений на историческую тематику. Но весь дух и плоть произведения убедительно говорят о доброте и несом-

ненном великодушии русского человека, чуждого захватнической психологии и нравственному лукавству.

Весь пафос, вся идейная основа «Ермака» убеждают в простой, но чрезвычайно важной и актуальной сегодня мысли: расширяясь в своём необозримом пространстве, начиная с крохотного Московского княжества, за какие-нибудь четыре-пять веков, что по историческим меркам совсем мало, до великой многоэтничной и поликонфессиональной империи, Россия обрела физическую и нравственную мощь государства-освободителя народов, чуждого жестокой агрессии, каким бы то ни было кровавым революционным экспериментам. В этом историческое и божественное предназначение великой России.

Народный дух художественного сознания А. Иванова проявился в его повести «Вражда», опубликованной незадолго до кончины писателя. Это произведение можно было бы назвать романтическим, если бы не столь суровая реальность жизни в ней, нарисованная столь же суровыми реалистическими красками. А романтизм мышления автора, к слову, неизменно одухотворяющий и осветляющий все его произведения, виден в метафорической насыщенности словаря, в мощных, духовно приподнятых образах, переплетении волнующей лирики с драматическим эпосом.

1944 год. Далеко от фронта расположилась сибирская деревня Романовка, в которой «молодых мужиков, кроме председателя Пилюгина да хромоногого Петрована Макеева, колхозного кузнеца... давно уж не было». Дотянулась и сюда война: нескончаем поток зловещих похоронок, усталые от непосильно труда лица женщин, угрюмые старики, голодные не улыбочивые дети... В эти-то годы пришлось растить шестерых ребятишек Катерине Афанасьевой. От роду ей двадцать, а на руках младшие братья и сёстры, да чужие малызы, ставшие родными. Сильна и красива духом Катерина. Глубока и трогательная её любовь к детям. И не пересилить эту любовь никаким страданиям. Нравственная сила девушки — в умении ощущать чужое горе как своё, в её жертвенности, в безоглядной готовности найти слово надежды уставшим от войны людям. Люди говорят ей: «Сердешная ты душой у нас...» Образ русской женщины — труженицы и великомученицы Катерины символизирует собой многострадальную Россию.

Как однажды обмолвился в беседе с автором этих строк обычно не словоохотливый Анатолий Степанович, в образе Катерины им воплощены черты его матери, о которой он хотел написать отдельную повесть. Но осуществить свой замысел не успел...

...Творчество А.С. Иванова многожанрово и многопроблемно, самобытно и вместе с тем традиционно, то есть, осваивая творческие традиции отечественной классики, писатель внёс немало ярких, индивидуальных художественных открытий в области русской прозы. В каждом своём произведении писатель демонстрирует безоглядную преданность Отечеству, Рос-

сии, памяти предков, стремится воспеть благородную душу русского человека.

Мой рассказ о творчестве писателя был бы не полным, если бы я не упомянул ещё одну важную область его деятельности — журналистскую. А.С. Иванов был главным редактором одного из самых популярных и знаковых в России журналов «Молодая гвардия», в котором увидели свет лучшие произведения как широко известных, так и начинающих русских авторов.

Отметившая недавно свой 90-летний юбилей, возглавляемая смелым и мужественным редактором Валерием Хатюшиным, «Молодая гвардия» и сегодня является, по выражению покойного критика и публициста Сергея Семанова, «главным рупором Русского возрождения», оплотом высокой духовности и гражданственности в лучших традициях отечественной журналистики. То, что журнал, несмотря на непрекращающиеся гонения, публикует острые материалы, разоблачающие разрушителей нашего отечества, выступает с программой выхода страны из кризиса и возвращения на путь национального возрождения, свидетельствует о моральной позиции «молодогвардейцев».

Сменив на посту главного редактора журнала Анатолия Николаева, давшего путёвку в литературу многим замечательным писателям и публицистам патриотического мышления, А. Иванов достойно и уверенно продолжил сформировавшуюся идеологию русского патриотического направления, несмотря на градом сыпавшиеся на него и ведомое им издание всевозможные клеветнические измышления и обвинения со стороны враждебной либерально-космополитической публики.

А.С. Иванов ушёл из жизни в полном расцвете творческих сил, жизненной мудрости и гражданской зрелости. Его книги читают столь же активно и чутко, как и прежде. Больше того, они обрели в наше непростое время особую, жгучую, живительную актуальность, помогая людям труда глубоко осознать настоящее и предвидеть будущее. Истинно выдающийся художник слова по праву заслужил народное признание.

НАМ ГОВОРЯТ НЕПРАВДУ

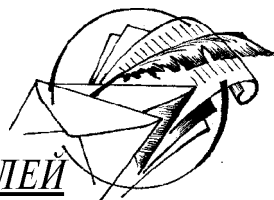
(О наших потерях в Великую Отечественную войну)

Мы постоянно слышим о том, что в Великую Отечественную войну наши безвозвратные потери составили около 30 миллионов советских людей. Первым на такое количество потерь (сначала 44 млн. чел., а потом 31 млн. чел. **военнослужащих**) указал А.И. Солженицын. На что В.В. Кожин ответил следующим образом:

«Когда человек приводит цифры, он должен всё-таки как-то соотносить свои утверждения с реальностью. К тому же этот человек имеет образование математическое. Ведь давным-давно установлено, причём не только у нас в стране, но и эмигрантской демографией, что, во-первых, с 1941-го по 1945-й из 195 миллионов человек, которые в нашей стране жили, исчезли 38 миллионов. Это всего — детей, стариков, женщин и так далее. Поэтому назвать цифру 44 миллиона применительно к погибшим солдатам — простите, даже как бы неприлично.

Продолжу анализ. Из названных 38 миллионов — около 13 должны были умереть естественной смертью. Это минимум...

Теперь второе. Во время войны и сразу после её завершения из страны эмигрировали пять с половиной миллионов человек. Это в основном были немцы, жившие в Прибалтике, поляки, представители балтийских народов, жители За-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

падной Украины и так далее. Значит, прибавьте это к 13 миллионам, и получится, что погибнуть во время войны могли около 19 с половиной миллионов наших сограждан. Всех вместе! И говорить, что погибли пусть теперь уже не 44, а 31 миллион одних только солдат — ну, как можно?»

В этом отношении показательны «откровения» А.И. Солженицына. В беседе со студентами университета в Цюрихе он говорил: «Там, где научное исследование требовало бы сто фактов, двести — у меня их два, три. И между ними бездна, прорыв. И вот этот мост, в который нужно бы уложить ещё сто девяносто восемь фактов, мы художественным прыжком делаем, образом, рассказом, иногда пословицей». («Советская Россия». 1999, 24 августа). «Да, так можно «уложить» не только 60, а и все 100 миллионов «жертв», — пишет доктор исторических наук Б. Г. Соловьёв.

И.В. Сталин в марте 1946 года, комментируя речь У. Черчилля, говорил о том, что в результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял около 7 миллионов человек.

Н.С. Хрущёв, стремившийся принизить все заслуги И.В. Сталина, увеличил наши потери военнослужащих и мирных жителей до 20 млн. чел. В десятом томе «Всемирной истории», изданном при правлении Н.С. Хрущёва, написано: «Разгром фашистской Германии был достигнут Советским Союзом ценой величайших человеческих жертв... Общее число погибших составило более 20 млн. человек, из них не менее половины были мирные жители».

Либералы-ревизионисты, чтобы показать ущербность советской власти, довели количество погибших до 27 млн. чел. Основной упор они сделали не на зверства фашистов, убивавших мирное население и ведших войну на истребление, а на якобы имевшие место 17-миллионные потери военнослужащих. Они в несколько раз превысили количество погибших военных с целью показать неумение советского правительства управлять страной, а советских военачальников — командовать войсками. Они стремятся принизить заслуги Красной Армии перед своим народом и народами Европы, выставить в глазах народов России и населения других стран советских военачальников неспособными грамотно, со знанием дела и заботой о солдатах управлять войсками. И это в то время, как наша армия, одерживая одну победу за другой, наголову разгромила врага, когда современникам было ясно, что не существует ни в одной армии мира более талантливых, грамотных, разумных, человеческих военачальников, чем военачальники советской армии во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Они сами вышли из народа, являлись его плотью и кровью и несли на себе свет той всеобъемлющей русской доброты, которую никогда не понять привыкшему к стяжательству, измеряющему жизнь только личной выгодой, безжалостному западному ин-

дивидууму. Но сегодня недостойные люди называют бездарными и жестокими наших замечательных военачальников, организовавших сокрушение сильнейшей армии мира.

В либеральных СМИ цифры наших потерь постоянно растут. Против них никто особенно не возражает, потому что молодым всё равно, а старые просто жалеют погибших.

Но вот уже и Александр Проханов в своей газете доводит этот миф до абсурдной цифры: *«Тридцать миллионов советских людей, погибших во время войны, — это священная Христова жертва, которая понадобилась для одоления зла, попрания фашистского ада»* («Завтра», 2012, №19).

Даже не искажая данные, а указывая с немецкой стороны потери военнослужащих, а с советской — сумму потерь военнослужащих и мирного населения, уже половину России убедили в том, что Красная Армия воевала очень плохо и якобы одерживала победы только ценой больших человеческих жертв. И совсем немногие обращают внимание на необоснованные выводы, на очевидную истину, что умение армией вести бои характеризуют потери военнослужащих, а не мирного населения. Потери мирного безоружного населения указывают только на жестокость, определённые цели врага, но не могут характеризовать боеспособность армии, уровень её военачальников. Понятно, что такая оценка прославляет ту армию, которая больше убила безоружных мирных жителей и военнопленных противника. И, несмотря на всю нелепость подобной оценки советских вооружённых сил во время Великой Отечественной войны, она уже десятилетиями применяется многими историками, исследователями и политиками.

Необходимо отметить, что А.Солженицын и все его последователи указываемые данные о наших потерях не обосновывают. Впервые наши потери были подсчитаны на научном уровне профессором, академиком РАЕН Г.А. Куманёвым и специальной комиссией Министерства обороны СССР и Отделения истории АН СССР в 1990 году. На основании ранее закрытых статистических данных комиссия установила, что человеческие жертвы в Вооружённых Силах СССР, а также пограничных и внутренних войсках страны в ходе Великой Отечественной войны составили **8 млн. 668 тыс. 400** человек. В это число вошли 2 млн. 665 тыс. 935 советских военнопленных, погибших в немецком плену. То есть, по данным указанных учёных и исследователей, потери в войне военнослужащих Германии с союзниками и СССР были практически одинаковыми. Участник Великой Отечественной войны доктор исторических наук Б.Г. Соловьёв и кандидат наук В.В. Суходеев, известный историк Ю.В. Емельянов, а также О.Платонов, Ю.Мухин и многие другие историки и исследователи считают верным указанное количество потерь советских военнослужащих во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Немецкие потери большинством русских учёных, историков и исследователей указываются в количестве **8 млн. 649 тыс. 500 человек**. Фактически немецкие вооружённые силы с союзниками имели большие потери, так как, например, «умершими от ран (у немцев) считались только те, кто умер в течение трёх дней, остальные умирали (относились к умершим) от «не связанных с войной причин». Обратите внимание, что если бы мы убили такое же количество немецких военнопленных, как немцы убили наших, то немецкие потери в войне более чем на 2 млн. человек превысили бы потери Красной Армии. Но полагаю, что не было указанных выше миллионов убитых в немецком плену советских военнослужащих. К такому выводу я пришёл, когда обнаружил, что наши историки количество взятых в плен солдат и офицеров берут из немецких источников, не гнушаясь тем, что взятые ими сведения в своё время озвучивал Геббельс, который говорил, что ложь, произнесённая тысячу раз, становится правдой.

А расчёт погибших в немецком плену проводится историками следующим образом: из количества пленных, указанных в немецких источниках, вычитается количество советских военнослужащих, вернувшихся из плена. Всех не вернувшихся относят к погибшим в немецком плену.

Из немецкого плена вернулось на родину в СССР 1 млн. 894 тыс. 65 человек — попавших в немецкий плен бойцов и командиров Красной Армии. Данные сведения вполне достоверны и подтверждаются с незначительными отличиями целым рядом исследователей, в том числе Г.А. Куманёвым и В.В. Суходеевым. А вот данные о том, сколько советских военнослужащих было взято в плен, доверия не вызывают.

Наши историки оценивают количество советских военнопленных в **4 млн. 559 тыс.** солдат и офицеров, а немецких с их союзниками — в **4 млн. 126 тыс.** Достоверность указанных сведений вызывает сомнение, так как в плен сдалась вся немецкая армия, находившаяся на Восточном фронте, а также в плен сдались армии воевавших с нами союзных Германии государств (Румынии, Венгрии, Италии и Финляндии), и поэтому количество советских военнопленных никак не может быть больше количества военнопленных Германии и её сателлитов.

Весь ход войны показывает, что количество военнопленных Красной Армии значительно завышено — как общее, так и в отдельных сражениях. Например, количество военнопленных, взятых немцами под Киевом, Вязмой и в приграничных сражениях в 1941 году, завышено в 6 и более раз. В частности, перед началом Киевской операции в составе всего Юго-Западного фронта находилось 677 085 советских солдат и офицеров, бои они вели с 7 июля по 26 сентября 1941 года, после чего 150 541 человек избежали окружения и отошли на тыловые рубежи. Значительное количество войск вышло из окружения и присо-

единилось к отошедшим войскам. Но наши историки вслед за Геббельсом упорно твердят о якобы 665 тысячах сдавшихся в плен под Киевом советских солдат и офицеров.

Приведённые данные, указывающие на то, что наши войска Юго-Западного фронта, обороняющие Киев, далеко не все попали в окружение и за период почти 3-месячных боёв имели значительные потери, приводят к выводу, что под Киевом могло быть окружено не более 150 тысяч советских военнослужащих, а в плен могло быть взято не более 100 тысяч советских солдат и офицеров.

Второй пример — это окружение наших войск под Вязьмой 7 октября 1941 года. Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, энциклопедия Великой Отечественной войны 1941—1945 годов под редакцией М.М. Козлова указывают, что под Вязьмой из 12 армий Западного и Резервного фронтов были окружены 4 наших армии, а именно: 19, 20, 24-я и 32-я, что составляло до начала боевых действий порядка 332 тысяч человек, а на момент окружения менее 300 тысяч военнослужащих. Ясно как день, что при окружении 300 тыс. человек не может быть взято в плен 600 тысяч человек.

Наши части и в окружении продолжали вести бои и, конечно, солдаты и офицеры гибли в боях, часть наших войск прорвалась из окружения, влилась в части защитников Москвы, часть ушла в партизаны, и в плен к немцам могло попасть не более 100 тысяч военнослужащих. Но наши историки по-прежнему вслед за Геббельсом повторяют ложь о 600 тысячах пленённых советских солдат и офицеров.

Третий пример — это окружения и пленения наших войск вначале войны в приграничных сражениях. Зам. начальника Управления особых отделов С. Мильштейн 10.10.1941 года докладывал о том, что из отставших при отступлении от своих частей советских военнослужащих «632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт». Очевидно, что вместе с бежавшими из плена и вышедшими из окружения указанное количество военнослужащих, направленных на фронт было ещё больше. К.К. Рокоссовский в своей книге также пишет, как они в 1941 году формировали соединения из вышедших из окружения солдат. А наши историки и исследователи всех их записали в пленные.

Надо отметить, что после прорыва фронта и окружения наших войск под Вязьмой имели место окружения наших войск в Керчи и под Харьковом, но с этого момента, то есть с мая 1942 года по май 1945 года, за 3 года войны не было окружений крупных соединений советских войск.

Немцев окружали в августе 1941 года при проведении Ельнинской наступательной операции, в январе 1942 года при проведении Демянской наступательной операции (было окружено 95 тысяч немецких военнослужащих) и в других боях, но это

были сравнительно незначительные окружения, из которых немцы часто вырывались. А вот с ноября 1942 года, с момента окружения под Сталинградом значительные силы войск Германии и её союзников попадали в окружения и в плен все три года войны.

Приведённые сведения говорят о том, что количество погибших и попавших в плен советских военнослужащих меньше объявленного нашими историками. Из приведённых выше фактов видно, что количество взятых в плен советских военнослужащих завышено на несколько миллионов человек. В реальности оно было меньше, что значительно сокращает количество погибших в немецком плену и, как следствие, число безвозвратных потерь Красной Армии во время войны. Подсчёт количества советских военнопленных ещё ждёт своих честных историков и исследователей.

Надо отметить, что с самого начала войны правительство СССР стремилось сберечь как можно больше жизней наших бойцов. Не всегда это удавалось, но забота о сохранении жизни наших солдат и офицеров прослеживается на протяжении всей войны. Например, уже в 1941 году Сталин издал приказ №281 «О порядке представления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу». Этот приказ приравнивал спасение раненых к боевому подвигу. За вынос с поля боя 15 раненых с оружием санитар и носильщик награждались медалью «За боевые заслуги» или «За отвагу»; за вынос 25 раненых — орденом Красной Звезды, 40 — орденом Красного Знамени, 80 — орденом Ленина. За вынос 100 раненых санитару и носильщику присваивали звание Героя Советского Союза. Факты, указывающие на стремление сохранить жизнь каждого бойца, опровергают ложь о том, что советское руководство не считалось с гибелью людей на фронтах и завалило трупами немцев.

Надо сказать и о том, что согласно постановлению СНК от 6 мая 1942 года местные власти должны были оформлять пенсии инвалидам в течение двух дней после выписки из лечебного учреждения. Вот это и есть забота о человеке, а не пустая нынешняя болтовня о «демократии».

Наш известный историк Ю.В. Емельянов писал, что Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 октября 1941 года были созданы областные, краевые и республиканские комитеты помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии. Это способствовало улучшению их обслуживания. За годы войны госпитали СССР возвратили в строй более 7 миллионов воинов, что составляло 71% раненых и 91% больных солдат и офицеров.

Указанные цифры наводят и на другие размышления. Они говорят о том, что за годы войны было ранено 9,86 млн. наших солдат и офицеров. Статистика показывает, что на одного уби-

того бойца обычно приходилось до трёх раненых, то есть раненых обычно было в три раза больше, чем убитых. Разделив 9,86 на три, получим количество убитых в бою за время Великой Отечественной войны советских военнослужащих, и оно получается равным 3,287 млн. человек. И это — все убитые в бою во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов солдаты и офицеры Красной Армии. Других убитых в бою нет.

Такой расчёт, конечно, имеет погрешность, но при большом количестве раненых эта погрешность не столь уж и значительная. К тому же расчёт базируется на точных данных советских лечебных учреждений. Полученное количество убитых и количество раненых указывают на нелепость утверждения либеральных исследователей о десятках миллионов погибших во время войны советских военнослужащих. В данном случае объясняется и происхождение сведений, чего нельзя сказать о немецких источниках и сведениях о потерях, приводимых нашими либералами типа Солженицына.

Если бы немцы не убивали и кормили наших военнопленных, как мы не убивали и кормили немецких военнопленных, то во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов погибло бы с учётом умерших от ран в госпиталях и погибших по другим причинам около 4 млн. солдат и офицеров Красной Армии. То есть безвозвратные потери военнослужащих Германии и её союзников на Восточном фронте в период с 1941 по 1945 год более чем в два раза превысили бы потери Красной Армии. Таким образом, мы можем сказать, и это соответствует действительности, что в боях наши деды и прадеды убили в 2 с лишним раза больше солдат и офицеров противника по сравнению с убитыми в боях солдат и офицеров Советской армии. Это говорит о двойном превосходстве в военном искусстве и в вооружении советской армии над армией немецкой, и о том, что наше правительство и наши военачальники берегли людей. Когда А.М. Василевского спросили, могла ли Красная Армия наступать быстрее, он ответил, что могла, но при этом мы потеряли бы намного больше людей. То есть наши наступательные операции готовились очень тщательно, а это, естественно, требовало времени. **Остальные наши потери военнослужащих связаны с тем, что немцы, ведя войну на истребление советских людей, убивали, истязали, морили голодом, расстреливали наших военнопленных.** Очевидно, что большее количество указанных нашими учёными и историками безвозвратных потерь Красной Армии можно объяснить только завышенным количеством взятых в плен советских военнослужащих и, как следствие, завышенным количеством убитых в плену. Точное количество погибших в бою и взятых в плен советских военнослужащих нашими историками и исследователями по настоящее время не установлено, так как они всё ещё пользуются данными манштейнов и геббельсов.

К вопросу о сбережении людей ещё надо добавить, что за вынос каждого раненого предусматривалось денежное вознаграждение дополнительно к начисляемой ежемесячно всем военнослужащим СССР, включая рядовых, денежной сумме, которая зависела от занимаемой должности и воинского звания. Дополнительное денежное вознаграждение начислялось и за сбитые самолёты, уничтоженные танки и другие дорогостоящие виды военной техники противника. Мои родители по окончании войны получили начисленные деньги в количестве, которого вполне хватало на покупку жилого дома.

Но, конечно, наши солдаты сражались не за деньги. Да и нет таких денег, за которые человек готов отдать свою жизнь. Сражались они за Родину, потому что в то время слово Родина в сердце каждого солдата было написано с большой буквы.

Рассматривая вопрос о потерях Германии, я обратил внимание на обстоятельства, о которых умалчивают наши исследователи. Ведь Красной Армии пришлось штурмовать, брать с боем намного больше городов, других населённых пунктов, чем вермахту, потому что кроме захваченных Германией городов СССР нам пришлось выбивать немцев из городов густозаселённой Европы, которые немцам штурмовать не приходилось. И если в Советском Союзе мы выбивали немцев из населённых пунктов, которые они до этого с боем захватили, то о населённых пунктах Восточной Европы этого сказать нельзя, потому что подавляющее большинство из них сдалось немцам без боя. В Европе нашей армии пришлось штурмовать как веками укрепляемые районы восточной Пруссии, так и крупные каменные города Венгрии, Румынии, Чехословакии, Польши и других стран, а также Берлин. Невозможно преувеличить трудность взятия таких объектов.

Достаточно сказать, что немцы 250 дней брали Севастополь, увязли в уличных боях в Сталинграде, а в Москву и Ленинград не смогли даже войти.

Недоброжелатели России с помощью лживых СМИ заложили в сознание людей искажённую информацию о наших потерях, и с помощью грязных технологий манипуляции сознанием указали виновников этих потерь. По этой информации виновниками наших потерь является не гитлеровская Германия, со своими союзниками в 1941 году напавшая на СССР, а Сталин, советское руководство, советские военачальники. В этой информации нет ни слова правды, но она властвует над умами населения страны. А факты указывают на то, что уже к лету 1943 года у Красной Армии имелось по сравнению с Германией и её союзниками свыше 103 тысяч орудий и миномётов против 54 330 орудий и миномётов; 9918 танков и САУ против 5580 танков и штурмовых орудий; 8357 самолётов (включая самолёт «У-2») против 3000 самолётов. В 1943 году было изготовлено снарядов, мин и авиационных бомб около 175 миллионов, а в

1944 году — 184 миллиона. В 1943 году было произведено около 6 миллиардов патронов для стрелкового оружия, а в 1944 году — свыше 7,4 миллиарда. Уже в конце 1942 года Красная Армия превзошла вермахт по количеству оружия и боеприпасов и прежде всего именно поэтому имела потерь меньше, чем гитлеровская Германия. Наше превосходство в количестве оружия с осени 1942 года постоянно возрастало и постоянно возрастало количество потерь армий Германии и других, воевавших с СССР стран Европы по сравнению с потерями Красной Армии. И если учесть храбрость и мужество советских солдат, то в этом не может быть никаких сомнений. Одного факта, что Красная Армия из четырёх лет войны почти три года имела значительное превосходство над противником в вооружении достаточно для того, чтобы опровергнуть всех авторов, утверждающих, что СССР потерял в войне солдат и офицеров больше противника.

Двойное, тройное и более превосходство в вооружении по сравнению с противником однозначно приводит к большему количеству потерь военнослужащих противостоящей стороны даже при наступательных операциях. Значит, в течение 3 лет войны Германия имела потери военнослужащих, превышающие потери военнослужащих Советского Союза, так как из 4 лет войны немецкая армия в сумме только один год превосходила Красную Армию в вооружении. Уже в середине 1943 года советская армия на направлении главных ударов имела возможность устанавливать до 100 орудий на километр фронта, а в середине 1944 года — до 240 орудий. И эти орудия разрушали укрепления противника, подавляли его огневые точки и, таким образом, сберегали жизни советских солдат. Нетрудно себе представить, что когда через каждые 10 метров стреляло по врагу орудие, то сравнивались с землёй окопы, взлетали на воздух блиндажи, рушились многометровые бетонные стены, немецкие солдаты гибли десятками тысяч, даже не успев произвести выстрел. А когда эти орудия стояли на расстоянии 5 и менее метров друг от друга, то там, куда они попадали, не оставалось ничего целого и живого. Но уже десятки лет нашим людям рассказывают мифы о том, что солдаты Красной Армии не имели достаточного количества оружия, и, якобы, наступая без танков и артиллерии, «заваливали немцев трупами». Однако **фактически Красная Армия заваливала немцев не трупами, а снарядами и бомбами.**

И в 1941 году мы имели количество оружия, достаточное для того, чтобы держать оборону и контратаковать противника. В этой связи необходимо сказать о том, что в июне 1941 года немецкая армия насчитывала 8,5 млн. человек, имела промышленность и вооружение всех покорённых ею европейских стран с населением около 400 млн. человек (СССР — 195 млн. человек) и не менее 2,5 млн. человек армий союзников Германии. То есть пятимиллионной армии СССР противостояла одиннад-

цатимиллионная европейская армия, которая, конечно, была уверена в победе. И советских людей не обманывали, а спасали. Гитлер на весь мир заявил, что на Востоке ведёт войну на истребление. Народы СССР не были истреблены, потому что даже в первые месяцы войны, уступая противнику в численности, количестве танков и самолётов последних модификаций и в количестве грузовых автомобилей Красная Армия в общем количестве вооружений не отставала, а даже превосходила немецкую армию. Именно это, в частности, позволило в период с 22.06. по 19.07.1941 г. сбить 1284 немецких самолёта, то есть менее чем за месяц боёв уничтожить треть германских военно-воздушных сил, на что указывают министр авиационной промышленности военного времени А.И. Шахурин и честные исследователи наших дней.

Два года войны наша армия воевала, имея численность меньше, чем имела на Восточном фронте Германия с её союзниками. Но потери войск Германии были настолько велики, что уже к лету 1943 года, несмотря на тотальную мобилизацию, Германия не смогла довести численность своих войск на Восточном фронте до уровня весны-осени 1942 года, которая в то время составляла около 6,2 млн. человек и на 1,1 млн. человек превышала численность войск Красной Армии. Численность своих войск на Восточном фронте к лету 1943 года Германия смогла довести до 4,8 млн. Кроме того, 525 тысяч человек насчитывали войска сателлитов Германии.

СССР не имел таких потерь, и к лету 1943 года в составе нашей действующей армии было 6,6 млн. человек. Впервые за всю войну численность советских войск превысила численность войск противника.

Безвозвратные потери мирного населения очень трудно поддаются учёту, и каждый этот учёт ведёт по-своему. Например, Олег Платонов учитывает как прямые, так и косвенные потери, связанные с неродившимися детьми. Даже естественная смерть во многих случаях возникала в результате действий оккупантов и была связана с голодом, холодом и болезнями. Очень трудно учесть количество расстрелянных, угнанных в Германию на работы и замученных там советских граждан, скончавшихся от побоев, от непосильного труда. Трудно точно учесть даже количество советских граждан, погибших от немецких бомбёжек наших городов. По-моему, более точный результат можно получить не на основании учёта, а путём расчёта численности населения на основании переписи с учётом естественной убыли, въезда-выезда и других факторов. Ранее приводился пример расчётов, сделанный В. В. Кожиновым, который довольно убедительно определил общее количество безвозвратных потерь СССР во время Великой Отечественной войны (в сумме военнослужащих и мирного населения) в 19,5 млн. человек.

Но, на мой взгляд, точные данные о наших потерях назвал именно И.В. Сталин. Газета «Правда» 14 марта 1946 года напечатала ответы Сталина на вопросы корреспондента газеты, которые корреспондент задавал И.В. Сталину 13 марта 1946 года. В частности, Сталин сказал следующее: «Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Болгарию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на каторгу **около семи миллионов человек**. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединённые Штаты Америки, вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению **эти колоссальные жертвы советского народа**, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них. Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза, как экспансионистские стремления нашего государства?..»

Всё сказанное выше показывает, что утверждения о безвозвратных потерях СССР во время Великой Отечественной войны в количестве 30 миллионов советских людей не соответствуют действительности. Это не что иное, как клевета на Советский Союз.

Ставропольский край, г. Пятигорск